

М. М. МАКОВСКИЙ

СИСТЕМНОСТЬ
И
АСИСТЕМНОСТЬ
В ЯЗЫКЕ

ОПЫТ
ИССЛЕДОВАНИЯ
АНТИНОМИЙ В ЛЕКСИКЕ
И СЕМАНТИКЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. М. МАКОВСКИЙ

СИСТЕМНОСТЬ
И
АСИСТЕМНОСТЬ
В ЯЗЫКЕ

ОПЫТ
ИССЛЕДОВАНИЯ
АНТИНОМИИ В ЛЕКСИКЕ
И СЕМАНТИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

М. М. МАКОВСКИЙ

СИСТЕМНОСТЬ
И
АСИСТЕМНОСТЬ
В ЯЗЫКЕ

ОПЫТ
ИССЛЕДОВАНИЯ
АНТИНОМИИ В ЛЕКСИКЕ
И СЕМАНТИКЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1980

4
М16

Ответственный редактор
В. М. СОЛНЦЕВ

На материале индоевропейских и восточных языков автор исследует диалектическое единство и взаимопроникновение системных и асистемных процессов. Исследуются ошибочные лексико-семантические образования, возникшие при переписке рукописей, индивидуальные и социальные феномены в языке. В результате делается вывод о достаточной гибкости и в то же время жесткости любой системы в языке, что подтверждается конкретными языковыми примерами.

М 70101-130 — 200-80. 4602000000
013(02)-80

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1980.

ВВЕДЕНИЕ

Язык неразрывно связан с его непосредственными носителями — человеческим коллективом, обществом, в недрах которого он возник и сложился. Именно человек, а не неведомые «саморегулирующие» и «самопорождающие» системы, постоянно преобразует и совершенствует язык — могучее творение общественного разума людей. Достаточно указать хотя бы на процесс создания окказионализмов и идиолектизмов, в частности метафор, развитие так называемых мужских и женских языков в некоторых языковых коллективах и др. Социальность пронизывает все ярусы и уровни языка. Только внутри человеческого коллектива язык обнаруживает все новые потенции своего развития, обновления и совершенствования. Вне человеческого общения язык неизменно превращается в застывшую, мертвую схему, лишенную способности к развитию. В этой связи нельзя не обратить внимание на то обстоятельство, что многие лингвисты умышленно пренебрегают анализом социальной обусловленности языковых явлений в пользу абстрактных «чистых» отношений. Таковы, например, теория глоссематики или стремление некоторых ученых (А. Мартине) «отвлечься» от социальных факторов при лингвистическом анализе.

Язык — точнейший барометр социальной жизни любого человеческого коллектива, моментально реагирующий на малейшие колебания и изменения общественной структуры.

В то же время всякое новое социальное воздействие на язык неизменно «нарушает» относительную устойчивость его системы, вносит определенный «беспорядок» в его относительно упорядоченное системное равновесие. Именно действие факторов, вносящих «беспорядок» в архитектуру системы, нередко способствует установлению ее относительного равновесия, а «уравновешивающие» и «упорядочивающие» факторы в конечном итоге являются причиной расшатывания системы. Именно эта особенность и определяет языковую ситуацию — сеть отношений между формами существования, сферами употребления и условиями функционирования языка.

Воздействие на язык может быть сознательным, целенаправленным, активным (например, в случае языкового табу), но чаще имеет бессознательный, стихийный характер. Таковы, на-

пример, случан, когда структура языка допускает (а говорящие не осознают) существование образований, которые проникли в язык в связи с ошибками при переписке текстов или приобрели ошибочное значение в результате контаминации внешне сходных лексем. Не осознаются говорящими и случаи, когда лексемы современного языка некогда представляли собой обрывки фраз или когда переосмысление значения произошло в предшествующие эпохи существования языка, в частности под влиянием той социально-профессиональной среды, в которой данное слово было наиболее распространено. Как справедливо отмечал Ф. Энгельс, «где на поверхности происходит игра случая, там сама эта случайность всегда оказывается подчиненной внутренним, скрытым законам» [3, с. 306]. Вряд ли, например, носители русского языка ощущают, что слово *ерунда* восходит к переосмысленному в семинарском языке лат. *gerundium*, слово *шантрапа* является французской глагольной формой будущего времени (*chanteras pas*), вошедшей в качестве лексической единицы в русский язык в период Отечественной войны 1812 г., а глагол *купалесить* представляет собой церковную формулу (греч. *kurie eleeson* 'боже, спаси!'; интересно, что то же латинское сочетание, которым в средние века обычно заканчивались церковные песнопения, легло в основу немецкого слова *Leis*, первоначально *kirleis*, и англ. *lay* 'a short song'). Даже грамматические форманты (в том числе и иноязычные) могут неосознанно применяться в языке в качестве самостоятельных слов. Так, современное английское *bus* восходит к франц. (*voiture*) *omnibus*, созданному Лаффитом в 1820 г. (*omnibus* — форма дательного падежа мн. ч. от лат. *omnis*).

Можно полагать, что в ряде случаев поляризация значений не имеет ничего общего с энантиосемией как лингвистическим процессом, а возникла в результате языкового табу. В этой связи интересно сопоставить, с одной стороны, лексемы, включающие в свой состав отрицательную частицу, но не имеющие отрицательного значения [ср. англ. *nice* 'приятный' < ст.-франц. *nice* 'ignorant', 'foolish' < лат. *nescius*; русск. *невеста* (ср. лит. *vesti* 'выходить замуж'; 'жениться'); русск. *невод* (ср. нем. диал. *Wate, Wade* 'рыболовная сеть', лтш. *vads*; др.-исл. *vathr*); франц. *enfant* 'ребенок' < латинского отрицательного префикса *in + fans (fari)* букв. 'не говорящий'], и с другой стороны, лексемы, не допускающие сочетания с отрицательными частицами, которое в более ранний период развития языка было вполне возможно (ср., например, англ. *silly, short* и др.). Наряду с этим нельзя упускать из виду то обстоятельство, что отрицание, употребляющееся со сравнительной степенью, во многих индоевропейских языках (ср. KZ, Bd XLII, с. 167; IF, Bd XXXII, с. 339; «Archiv», Bd 114, с. 358; IF, Bd XXVIII, с. 236; Est, Bd XXXI, с. 265) в результате факультативности отрицательной частицы (ср. ит. *Maria è più intelli-*

gente di quanto tu credi 'Мария умнее, чем ты думаешь', но также *di quanto tu non creda*) было ошибочно контаминировано со значением лексем, с которыми оно непосредственно соотносилось. Особенно интересным в этом отношении оказывается изучение отрицания, употребляемого для сравнения в древних языках. Ср. в «Ригведе» (I,52,2): *sa parvato na ... ačjūtaḥ* 'твердый — не скала', т. е. 'более твердый, чем скала' (первоначально 'он скала — нет'). Из истории различных языков известны случаи, когда слова, употреблявшиеся в сочетании с отрицательной частицей, впоследствии сами приобретали отрицательное значение при самостоятельном использовании. Так, в старофранцузском языке слово *personne* 'персона', 'личность', часто употреблявшееся в сочетании *ne... personne*, с XVI в. приобрело значение 'никто'. Подобным же образом и слово *rien*, которое еще в XI в. означало 'Ding', 'Wesen' (ср. лат. *rem*) и которое также часто выступало в речи в сочетании с отрицательной частицей, с XVI в. стало употребляться со значением 'ничего'.

Как отмечал Ф. де Соссюр, «язык есть механизм, продолжающий функционировать, несмотря на все повреждения, которым его подвергают» [54, с. 93]. Это свойство в свою очередь является следствием диалектического единства непрерывности и прерывности в языке. Язык непрерывен, поскольку непрерывна жизнь его носителей, жизнь общества; однако именно социальная природа языка обуславливает его прерывность как предпосылку общей непрерывности. «Движение есть сущность времени и пространства. Два основных понятия выражают эту сущность: (бесконечная) непрерывность (*Kontinuitat*) и „пунктуальность“ (=отрицание непрерывности, *прерывность*). Движение есть единство непрерывности (времени и пространства) и прерывности (времени и пространства)» [5, с. 231]. В связи с этим понятно, что «...ни непрерывность, ни точечность сами по себе нельзя полагать в качестве их сущности», а «единица и непрерывность суть противоположности» (цит. по [5, с. 231, 238]). Языковой континуум на всем своем протяжении качественно и количественно неоднороден: качественная непрерывность, в частности, может сочетаться с количественной прерывностью, а количественная непрерывность — с качественной прерывностью. В этой связи особенно показательны различные произвольные изменения формального облика слова — как сокращения [ср. русск. *деть*, также *о-деть*, *раз-деть* < *делать* (ср. англ. *don* 'одеть' < *do on*; *doff* 'раздеть' < *do off*), франц. *aller* 'идти' < лат. *ambulare*], так и наращенные [ср. англ. *sound* < франц. *son*; франц. *grenouille* < лат. *ranunculus*, ст.-франц. *renoille* — наращение возникло под влиянием вульг. лат. *crassantus* 'Krote', франц. *graisset* 'Laubfrosch'; франц. *brûler* < лат. **ustulare*, ст.-франц. *usler* (XI в.) — наращение возникло под влиянием южнофранц. *bruizar*, *bruzar*; франц. *hideux* < др.-в.-нем.

eisde, eislich]. Сюда же относятся и так называемые парные сочетания типа англ. *galley-proof, ewe-lamb, court-yard* и др., франц. *caféret borgne*, где последнее слово [*<*ст.-франц. *(ca)borgne*], синонимично первому и отражает синкопу в связи с гаплогогией (естественно, оно не имеет ничего общего с совр. франц. *borgne* 'кривой'); *canard boiteux*, где первое слово (т. е. фактически *cagnard, cagneux*) является синонимичным второму (откуда и *canard*); *anicroche* *<*ст.-франц. *ain, hain, haim* (*<*лат. *hamus*) + *croche* (ср. «Neophilologus», 1956, № 3, с. 230). Слово *дремучий* в словосочетании *дремучий лес* не имеет никаких отношения к глаголу *дремать*, поскольку синонимично слову *лес*: ср. др.-инд. *drumas* 'дерево', греч. (pl.) *druma* 'лес', русск. диал. *дром* 'чаща', 'заросли'.

Если слова, обусловленные табу, становятся заимствованиями, то они превращаются в мнимые слова: поиск фонетических и семасиологических соответствий в близко- и неблизкородственных языках в этих случаях напрасен. Ср.-англ. *ille, ill*, др.-сев. *illr*, совр. англ. *ill* 'больной', 'плохой', 'скверный', вероятнее всего, представляет собой германское заимствование латинского слова *illac*, употребленного по соображениям табу вместо слов со значением «болезнь, страдание, смерть» и первоначально означавшего 'туда!', 'прочь!' (как заклинание болезни). Ср. лат. *illic* 'там (на том свете)'. Ср. еще англ. диал. *eely, ely* 'to disappear', 'to vanish' (EDD, II, 250), швейц. *ilich* 'hübsch' (*ili Handli* 'die rechte Hand'). Указанное латинское слово, неверно понятое переписчиками, дало начало двум весьма распространенным ныне германским словам — корню, представленному англ. *ill*, и корню, представленному англ. *lack* (ср. швед. *elak*). Ср. в этой связи этимологию нем. *übel* (Kluge, s. v.), англ. *evil*, которые возводятся, как известно, к и.-е. **upo*, 'von unten hinauf' (ср. др.-инд. *upa*, греч. *hupo*). Ср. англ. *up*, но *uppish*, лат. *super*, но *superbia*. В свете приведенных данных можно полагать, что немецкое слово *eilen* 'спешить' также является мнимым, в связи с чем вряд ли есть необходимость реконструировать общегерманский этимон этого слова (см. Kluge, s. v.: др.-в.-нем. *illan*, др.-сакс. *ilian*, общегерм. **ijilian*).

Происхождение англ. *sick* 'больной' (нидерл. *ziek*, др.-исл. *sjukr*, совр. нем. *siech*) становится ясным на фоне того интересного факта, что в ряде современных немецких диалектов *-sich* употребляется со значением направленности движения (подобно совр. нем. *-wärts*): *über-sich* 'gerade aufwärts', 'nach oben', *umb-sich* 'ringsum', *für-sich* 'vorwärts', *wider-sich* 'rückwärts' (Staub—Tobler, VII, с. 158). Ср. глоссы: *sanare (sarrire)*, *sechin* (вместо *sechen*); *sarrire. reyn machen. besniden* (Diefenbach, с. 510). Ср. еще: англ. диал. и слэнг *to sock* (ср. нем. диал. *sochen* 'krank sein') 'to win', 'to get credit', шваб. *gesockt* 'abgewonnen', *Socket* 'Geliebte', 'Schatz' (Fischer, s. v.), *sochen* 'schmeicheln', англ. диал. *socher* 'to make much of one's self'

(Warrack, s. v.). Ср. также англ. диал. *to sock* 'to strike', 'to thrash', шваб. *socken* 'schlagen', 'prügeln' [202]. Однако возникновению слова *sick* 'больной' могло способствовать и то обстоятельство, что лат. *sic* обычно стояло в начале магических формул, заклинаний, пожеланий и т. д. [различные точки зрения о происхождении слов *ill* и *sick* см. соответственно (de Vries₁, с. 285; de Vries₂, с. 863—864)].

Учение Ф. де Соссюра о системности языковых явлений знаменовало поворотный пункт в лингвистике XX в. В противоположность атомизму и психологизму младограмматиков и более позднему механицизму дескриптивной лингвистики подход к языку как к целостной системе дал возможность не только установить определенный иерархический статус и свойства того или иного языкового элемента как функцию по отношению к прочим сосуществующим элементам языка, но и выявить определенные причинные взаимоотношения языковых реалий.

Системное рассмотрение языка сопряжено, однако, с целым рядом отрицательных моментов, которые не могли не сказаться на результатах, полученных сторонниками этого учения. Дело в том, что типичное для Соссюра и его последователей понимание системы языка как упорядоченного множества элементов, где «tout se tient» и где все основано на различиях, таит в себе опасность идеализации исследуемого объекта, которая, как показала практика, неизменно ведет к искусственным или априорным (как в глоссематике) построениям, во многом упрощающим (или, наоборот, усложняющим) и искажающим те процессы, которые реально существуют в языке. Языковые системы являются неотъемлемой частью языка, они не существуют в вакууме и не являются универсальными абстракциями, пригодными для любых языковых образований в любое время их существования. В самом деле, не все звенья языка в равной мере системны и подвержены действию всех возможных или одних и тех же системных (как, впрочем, и несистемных) закономерностей; сама природа, специфика и принципы системности на различных участках языкового континуума и в разные периоды его существования неодинаковы: об этом говорит тот факт, что одни и те же процессы в языке нередко дают разные результаты, а одинаковые результаты получаются в итоге различных процессов.

Нельзя упускать из виду, что лингвистическая системность в корне отлична от системности в других областях знаний (скажем, в биологии, физике и др.), с которой она нередко смешивается. Упорядоченность элементов, считающаяся обычно основой системности, часто оказывается весьма относительным понятием даже в пределах одного и того же языкового континуума, а определенный порядок следования языковых элементов во времени никак не гарантирует их причинной связи, как, впрочем, и отсутствие такой последовательности не может

явиться фактором, исключаящим причинную обусловленность [248]. Не все закономерное системно и не все системное связано с наличием определенных закономерностей; изменение тех или иных участков языковой цепи отнюдь не всегда ведет к изменению остальных. Как справедливо отмечал В. Лабов, лингвистическая структура подвержена социальному воздействию только в нескольких определенных пунктах, причем с течением времени эти точки вариации могут перемещаться внутри системы [61, с. 96]. Можно полагать, что если бы все звенья языкового континуума строго подчинялись только системным закономерностям, не терпящим никаких исключений, то этого было бы достаточно для того, чтобы такая система сама разрушила себя изнутри. В действительности язык и несравненно сложнее, и несравненно проще любой идеально созданной системы. Можно утверждать, что любые системные образования неизменно порождают явления, которые по своей природе, свойствам и функциям стоят в явном противоречии с тем видом системности, в недрах которого они возникли: именно такое диалектическое единство системности и асистемности является неперменным условием существования и эволюции языка. Как указывал Гегель, любое явление существует лишь постольку, поскольку в его понятии содержится его другое. Свобода того или иного языкового феномена (т. е. наличие различных возможностей развития и употребления, выходящих за рамки определенных условий) становится очевидной только на фоне необходимости (т. е. невозможности развития и употребления вне определенных условий), а необходимость проявляется только на фоне свободы определенных явлений языка [49]. В связи с этим в языке можно выделить явления, которые представляют собой как бы «незакономерную закономерность» (т. е. явления, которые вопреки своему незакономерному происхождению все же являются закономерностью для данного языкового состояния) и, с другой стороны, «закономерное отклонение от закономерности» (необходимо иметь в виду, что некоторые закономерности развиваются только в рамках незакономерных явлений, а некоторые незакономерные явления мыслимы только как продукт закономерных). В процессе создания относительного равновесия языковой системы наличие лексемы А (или ряда определенных лексем) нередко бывает возможным лишь при условии одновременного наличия в той же системе лексемы В (или другого ряда определенных лексем), однако лексема В в свою очередь может быть несовместима с А или требует наличия лексемы А в другом значении или разложения ее на определенные лексические и/или семантические варианты. С другой стороны, может оказаться, что сосуществование А и В возможно только в том случае, (1) если в той же системе представлены еще лексемы С, D и E в определенных значениях (соответственно —

если в эту систему входят лексемы С, D и E) или (2) если в той же системе отсутствуют лексемы С, D и E (соответственно — если из этой системы выходят лексемы С, D и E). В свою очередь вхождение или отсутствие лексем С, D и E для данной синхронной языковой системы может оказаться возможным при наличии (отсутствии) в ней не только А, но и лексем F, G, H, не совместимых с А или/и В или с их лексико-семантическими вариантами, существование которых может быть связано с новыми условиями, как дополнительными к уже названным, так и исключающими их. В языке можно наблюдать и существование ложной, внешней закономерности (ср. франц. глаголы *couvrir, ouvrir*, которые не относятся ко второму классу, или *aller*, который не имеет отношения к первому).

Языковые системы не только сосуществуют, но и взаимодействуют, взаимопроникают друг в друга, накладываются друг на друга, постоянно обнаруживают все новые комбинаторные возможности и образуют новые (качественно и количественно) системы и «системы в системах», отличающиеся большей или меньшей (и каждый раз неодинаковой) свободой и необходимостью присущих им закономерностей, процессов, элементов. Сущность языковых изменений и определенной стабильности языковых состояний сводится в основном к неодинаковой комбинаторике свободы и необходимости, совместимости и последовательности (порядка) качественно и количественно различных элементов языка. Исключительную важность представляет определенный принцип организации лексико-семантических элементов языка в тот или иной момент его развития, в соответствии с которым могут оказаться значимыми или незначимыми те или иные свойства или количество лексико-семантических единиц, необходимость или факультативность (возможность и невозможность) именно данных, а не других языковых реалий и т. д.¹ В языке постоянно происходит выбор (*choice*) (1) любых элементов из строго ограниченного инвентаря и, кроме того, (2) определенных элементов из неограниченного континуума. Вряд ли случайным в связи с этим является то обстоятельство, что языковая система или отдельные ее участки нередко могут существовать и без целого ряда лексем, выходящих из языка, но в то же время на эту систему может никак не влиять и вхождение любого количества слов. В то же время в ряде случаев выход или вхождение только одной лексемы часто вносит глубокие изменения в состав того или иного языкового континуума или в семантику его компонентов. Достаточно вспомнить, что в языке непременно взаимодействуют и перекрывают друг друга такие частные системы, как идиолект, социальный и территориальный диалект и литера-

¹ Отсюда вытекает и тот важный вывод, что одни и те же единицы языка (как лексемы, так и семантемы) в зависимости от принципа их организации могут иметь неодинаковый системно-структурный статус.

турный стандарт, в связи с чем индивидуальные особенности каждой из этих систем никогда не представлены в «чистом виде», т. е. в любой момент своей истории ни одна лингвистическая система не бывает идентична самой себе.

Любая языковая система, независимо от того, рассматривается ли она в статике или в динамике, обязательно обладает полярными свойствами и характеристиками. Свойства эти следующие:

(1) С одной стороны, непроницаемость системы, строгая избирательность (селективность) по отношению к вновь входящим элементам и к функциональной нагрузке исконных элементов (или большая проницаемость в одних звеньях системы и меньшая в других), но, с другой стороны (и одновременно с этим), отсутствие избирательности, произвольность и случайность заимствуемых реалий (постоянное вхождение в язык «ошибочных» лексико-семантических образований и превращение их в нормативные), произвольность функциональной нагрузки отдельных элементов [49].

(2) С одной стороны, стремление к упорядоченности и стройности системы, к «терапевтическому» (по выражению Ж. Жильеона) восстановлению всех ее нарушений [145], но, с другой стороны, постоянное стремление к разрушению, ломке, перестройке всех звеньев системы (ср. в этой связи такие явления, как вариативность, ассимиляция и диссимиляция, народная этимология, образование окказионализмов и омонимов, рифмованное словообразование, подвижные формативы, вставные согласные и др.)...

Процессы, происходящие в рамках одного уровня, нередко как бы снимают действие процессов другого уровня. Так, определенное значение слова может нейтрализовать его морфологические и фонетические особенности, а определенные фонетические, морфологические и словообразовательные особенности могут нейтрализовать его значение; иногда же определенное значение слов обуславливает их особое синтаксическое употребление (ср. препозицию слов типа *grand, vieil, nouveau* и др. в качестве определения во французском языке), а синтаксические особенности могут влиять на значение слова.

Изменение синтаксической структуры может обусловить семантические изменения, в том числе и полярные. В старофранцузском сочетание *vous avez/beau faire* означало 'vous avez belle occasion d'agir; vous avez une belle activité à deployer'. В современном же французском сочетание *vous avez beau/faire* приобрело отрицательный оттенок: 'quelle que soit votre activité ...'.

(3) С одной стороны, непрерывный характер сосуществования и развития языковых элементов и систем, но, с другой — их дискретность: язык, как отмечал еще В. Гумбольдт, одновременно представляет собой и *ergon*, и *energeia*.

(4) Одновременно социальная и индивидуальная природа и свойства языковых систем и их элементов.

(5) Параллельное существование системных и несистемных характеристик одних и тех же элементов, входящих в единую языковую систему: слово обладает как системными, так и индивидуальными (несистемными) свойствами. Так, в английском языке определенные слова могут сочетаться с отрицательным суффиксом *un-*, а другие не могут: ср. *happy — unhappy*, но не *short — *unshort* или *silly — *unsilly*. В некоторых немецких словах отрицательный суффикс *un-* превратился в усилительную частицу: *Unmenge* 'большое количество', *Unzahl* 'большое число', *Untiefe* 'большая глубина' (ср. лат. *vegrandis* 'очень большой', 'очень маленький', частицу *vi-* в санскрите). Отдельное слово в языке может не отражать особенностей той системы, в которую оно входит, но и система в целом может не отражать особенностей отдельных составляющих ее слов.

(6) Хотя развитие и существование языка происходит в рамках чередования определенных процессов, ни один процесс в языке не проходит до конца и не охватывает одновременно всех элементов языка.

(7) Системы, связи, отношения в процессе существования языка изменяются, а охватываемые ими лексемы могут нередко остаться неизменными, и наоборот, изменение формы элементов языка часто не сопровождается изменением их свойств и признаков. Так, прибавление отрицательного суффикса не меняет значения русского слова *истовый* (ср. *неистовый*) или англ. *to ravel* 'наматывать'; 'разматывать' (ср. *unravel*).

(8) В пределах одного уровня нередко развиваются элементы другого уровня. Так, в старофранцузском языке глагол *dejeuner* 'завтракать' (вульг. лат. *de-jejūnare*) имел неодинаковые формы в различных лицах в зависимости от того, следовало ли за корнем ударное или безударное окончание: в единственном числе мы находим *dejeune-* (безударное окончание), а во множественном числе — *din-* (ударное окончание). Именно эти два варианта глагольной основы и дали в процессе развития языка два различных французских слова — *déjeuner* 'завтрак' и *dîner* 'обед'. Подобным же образом формы *il menuise* 'он стесывает' и *nous minçons* 'мы стесываем' дали лексемы *menuiser* (ср. *menuisier* 'плотник') и *mincer* 'мелко нарезать'.

В настоящей работе на фоне общей характеристики социолингвистической и лексико-семантической систем рассматриваются некоторые случаи асистемности, допускаемые языковой системностью или обусловленные ею: 1) возможность проникновения в язык произвольных лексем и значений, возникших в связи с ошибками при переписке рукописей (глава II) и 2) асистемность, возникающая на базе индивидуальных (идиолектных) факторов развития языка (глава III); наряду с этим исследуются определенные системные характеристики, возникаю-

щие в рамках асистемных языковых континуумов (глава IV). Анализ ведется на материале лексики и семантики индоевропейских и восточных языков².

² По техническим причинам в примерах из индоевропейских и восточных языков мы были вынуждены опустить диакритические знаки, а в примерах из древнегерманских языков — обозначение долготы, некоторые рунические знаки и лигатуру æ. Примеры из греческого передаются латинскими буквами.

«Naturae vero rerum vis atque majestas in omnibus momentis fide caret, si quis modo partes ejus ac non totam complectatur animo»

Plinius

Глава I

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Изучение значения в языке и соотношения лексемы и ее смысла относятся к наиболее древним и чрезвычайно важным отраслям лингвистики: вряд ли следует доказывать, что без выяснения закономерностей лексико-семантических систем нельзя до конца решить многие проблемы синтаксиса, фонологии, этимологии, сравнительно-исторического языкознания и др. Однако в связи с качественным и количественным своеобразием лексико-семантических реалий исследования в этой области с самого начала натолкнулись на весьма значительные трудности, которые, несмотря на многие усилия, так и не позволили добиться здесь такого же прогресса, который характерен для развития других областей лингвистики, особенно в последнее время. Стараясь выйти из этого положения, некоторые исследователи пытались вообще исключить семасиологию из сферы науки о языке (Р. Харрис) или, неоправданно отрывая значение от лингвистической формы (Ч. Базелл), придерживались того мнения, что лексико-семантические элементы в отличие от фонологических и морфологических лишены системности и поэтому не могут обладать системными свойствами [42]. Необходимо указать, что в этом последнем случае правильнее было бы говорить, видимо, не об отсутствии системных свойств как об имманентном признаке лексико-семантических реалий вообще, а скорее о непригодности тех методов, при помощи которых до сих пор исследовались элементы лексико-семантического уровня.

В современной семантике широко используются методы и понятия фонологии: семасиологи оперируют такими, например, понятиями, как «оппозиция», «различительный признак», «архисема» и др. Некоторые исследователи, пытаясь уйти от собственно лингвистического рассмотрения семасиологии, изучают значение с точки зрения других дисциплин, особенно в

математическом ракурсе. В самом деле, в огромном потоке специальных монографий и статей, появившихся в последние десятилетия, значение подвергается анализу с точки зрения теории знаков, теории коммуникации, в плане соотношения с мыслительными категориями и действительностью, с точки зрения теории информации и символической логики. Наконец, делаются попытки исследовать не значения отдельных лексем, а значение целых предложений, абзацев, параграфов повествования (гиперфраза) и даже значение отдельных литературных произведений (А. Греймас). Что же касается чисто лингвистических работ, посвященных семантике, то они в основном имеют, как теперь принято говорить, скорее «поверхностный», чем «глубинный», характер и строятся преимущественно на «интуиции» исследователя, что в свою очередь обычно приводит к субъективному толкованию значения, к соединению несовместимого и к разъединению единого. Таковы субъективная атомизация значения («reduction analysis» у Ф. Лаунзбери) и построение так называемых семантических деревьев, типичные для компонентного анализа американских дескриптивистов, таковы произвольные, построенные на логических, а не лингвистических принципах сближения лексико-семантических реалий в рамках «семантических полей» Трира — Вейсгербера, не говоря уже о методах изучения значений на основе «интуиции», широко практикуемых последователями Н. Хомского, или о статистическом подходе к семантике, при котором решающим фактором для выводов о значении является так называемая кривая частотности.

Основное, однако, состоит в том, что в имеющихся специальных работах, как правило, лишь констатируются «готовые», статические качества значений (синонимы, антонимы, омонимы, «улучшенные» или «ухудшенные» значения, конкретные и абстрактные, прямые и переносные значения и т. д.)¹, но вовсе не рассматриваются лингвистические свойства значений, которые привели к возникновению именно данных значений в результате определенных процессов, а также условия и возможности динамического проявления и взаимодействия этих свойств. При этом не учитывается, что одно и то же явление (в частности, значение) может быть результатом различных процессов, а внешне различные явления нередко бывают результатом одного и того же процесса. Не учитывается также и то обстоятельство, что «готовые» значения, представленные в языке, являются отнюдь не абсолютными, а только относительными величинами, тесно связанными с другими языковыми параметрами, которые только в своей совокупности и образуют единое семантическое целое, причем в системе этих парамет-

¹ Так, семантическими свойствами слов А. А. Уфимцева признает их конкретность и абстрактность, а также полноточность и неполноточность, указательно-заместительную функцию и т. д. (сигнификативная и номинативная стороны значения) [57].

пов значение отнюдь не всегда обладает наиболее сильными структурно-функциональными характеристиками. В этой связи нельзя не отметить, что еще Аристотель во «Второй Аналитике» справедливо отмечал: «Знать, что *есть*, и знать, *почему* есть,— это различное знание, прежде всего в пределах одной и той же науки, и в этой науке — двояким образом: во-первых, когда силлогизм получается не через непосредственные [посылки] (ибо в этом случае не берется первая причина, а знать, почему нечто есть, можно, зная первую причину); во-вторых, когда силлогизм хотя и получается через непосредственные [посылки], однако не через причину, а через более известный из представляемых друг с другом [терминов]» (Аристотель, Сочинения, Т. 2. М., 1978, с. 280).

Необходимо иметь в виду, что установление так называемых семантических преобразований в большинстве случаев основывается на чисто внешних критериях: сопоставляя значения той или иной лексемы, обычно не доказывают и не считают нужным доказывать, почему и как они соотносятся между собой. Однако сама по себе констатация различного содержания одной и той же формы еще не является доказательством причинной и/или временной связи именно данных значений в определенной последовательности (особенно если речь идет о значениях одного и того же слова в близкородственных языках). Более того, само понятие семантического различия весьма относительно: в зависимости от того, по отношению к каким явлениям или элементам это различие рассматривается, перед нами могут быть функциональные или семантические варианты (рефлексы) различных семантических последовательностей в пределах одной и той же лексемы либо просто определенные семантические маркеры, необходимые для поддержания равновесия данной системы и допускаемые условиями ее структуризации. Очевидно, каждая лексема обладает той или иной свободой форм и значений, определяющей на данном этапе развития языка сущность этой лексемы, ее тождество самой себе². Изменение же отражает выход за пределы определенной свободы и необходимости, определенного равновесия, характерного для данного синхронного уклада языка или нескольких укладов. Важно учитывать, что различные семантические преобразования (даже внешне сходные изменения, происходящие на разных этапах существования языка или в близкородственных языках) имеют неодинаковый лингвистический смысл — они нередко возникают на основе неодинаковых свойств (комбинаций свойств) и сами обладают различными свойствами. Обычно то, что называют «изменения значения», в действительности оказывается либо внут-

² Ср. у Лукреция (II, 752): «Nam quodcumque suis mutatum finibus exit, Continuo hoc mors est illius, quod fuit ante».

рисистемными, либо межсистемными перемещениями на определенном временном срезе существования языка, т. е. мы имеем здесь дело не с диахроническими, а с чисто синхронными преобразованиями, отражающими различные возможности комбинаторики, допустимые или не допустимые в рамках свободы и необходимости, присущих тому, или иному лексико-семантическому континууму. Именно в связи с неодинаковыми возможностями свободы и необходимости в различных лексико-семантических укладах целый ряд германских слов, не претерпевших в самих германских языках никаких семантических преобразований, на романской почве подверглись глубоким изменениям — в этом измененном виде они «вернулись» в некоторые германские языки, а оттуда были заимствованы и в другие языки. Др.-в.-нем. *balko* в старофранцузском было заимствовано в формах *balc*, *bauch* и употреблялось не только в значении 'бревно', но и 'мастерская, где проводилась обработка дерева', а затем и 'мастерская вообще'. С префиксом *de-* было образовано французское слово *debaucher*, различные значения которого ассоциировались следующим образом: 'отесывать бревна' (ср. франц. *ebaucher* 'делать первые шаги в работе', 'делать черновую работу, эскиз'), 'разбивать', 'отделять', 'раскалывать' → 'разлучать', 'отлучать от ч.-л.' → 'отвлекать к.-л. от работы или обязанностей' → 'сбивать с правильного пути' → 'сбивать(ся) с хорошего поведения' → 'причинять беспокойство', 'нарушать порядок', 'буйствовать'. Интересно употребление того же корня *bauch* с противоположным по значению префиксом: *embaucher* 'вербовать', 'привлекать на работу'. Сами по себе ассоциации, безусловно, являются показателем определенной лингвистической свободы; однако свобода эта неодинакова в различных слоях языка, в различных его структурациях, а также в отдельных временных и территориальных разновидностях: широкие возможности ассоциации, существующие в языке, обычно сковываются в тех или иных конкретных условиях — в одних случаях реализуются только данные ассоциации, а в других — совсем иные. В качестве примера можно указать на тот интересный факт, что английское название Турции (*Turkey*) в слэнге дало имя нарицательное *turkey* со значениями 1) 'неудача', 'провал'; 'неудачный', 'плохой'; 2) 'кошелек'; 'чемодан', а в литературном языке это слово означает, как известно, 'индюк'.

Когда же, стремясь «восстановить» ход того или иного ассоциативного процесса, но не имея для этого точных данных, лингвист начинает произвольно отделять и соединять те или иные значения, отдавая предпочтение тем или иным из них, то результат подобной «реконструкции» обычно очень далек от действительности.

Важно иметь в виду, что появление нового слова никогда не означает появления нового смысла соответствующей лекси-

ческой единицы (в языке на смену друг другу приходят только синонимы), а появление нового смысла не означает появления нового слова (в противном случае мы не заметили бы нового смысла). Учитывая это, можно полагать, что лексико-семантическая система языка состоит из сосуществующих единиц различной величины, конфигурации и структуриации — от мельчайшей единицы, когда в пределах одной лексемы наличествует лишь одна семантема, до наиболее крупных, когда определенная семантема может существовать только в пределах нескольких лексем или одна и та же лексема одновременно входит в несколько лексико-семантических сред и имеет в них неодинаковый функциональный вес. В этой связи особенно важно принять во внимание парные слова, синонимы и др.

Еще в начале нашего века была сделана интересная попытка определенным образом регламентировать и объяснить семантическое развитие языковых реалий. Однако установленные А. Бреалем и Х. Шпербером «семантические законы», как было отмечено в свое время Р. Майером, отличаются крайней неопределенностью и расплывчатостью. Не определено, в частности, в каких условиях, в какой мере и в отношении каких семантических реалий действуют эти законы. Главное же состоит в отсутствии строгой облигаторности многих семантических последовательностей: из одного и того же семантического компонента, как показывает фактический материал, нередко развиваются самые разнообразные семантические континуумы, а один и тот же семантический континуум может развиваться из самых разнообразных исходных компонентов. При этом семантическое развитие слов отнюдь не всегда идет по замкнутому кругу. Нередко семантический континуум вообще не включает в себя строго предсказуемых определенных (одних и тех же) семантических компонентов или повторяет те или иные семантические компоненты в различном порядке.

Вместе с тем (вопреки скепсису Ф. де Соссюра, А. Тома и С. Ульмана), не подлежит сомнению, что сама идея семантических закономерностей, безусловно, верна, хотя истинная языковая природа, сущность и смысл этих закономерностей до сих пор не получили удовлетворительного объяснения. Не ясно также, в какой мере одни и те же «семантические законы» применимы в пределах одного или нескольких близкородственных и неблизкородственных языков и в разные исторические периоды развития языка. Однако уже сейчас ясно, что любое семантическое движение вряд ли можно рассматривать только в одной плоскости, что развертывание и свертывание значений в языке — весьма сложный и многоаспектный процесс, неизменно предполагающий действие (или, наоборот, выключение) целой гаммы, целого комплекса одновременных или последовательных взаимосвязанных и взаимопроникающих лингвистических и экстралингвистических процессов, а также ряд переход-

ных и промежуточных форм. Любой семантический анализ предполагает, как нам представляется, необходимость ответить по возможности на следующие вопросы:

1. Почему слова с одним и тем же значением (в том числе тождественные корни в близкородственных языках) в различных языках и на разных хронологических срезах обнаруживают неодинаковые (и именно данные) семантические переходы, а в некоторых языках и вовсе не меняют свою семантику? Какие значения могут (должны, не могут) изменяться, в какие значения они переходят (не переходят), при каких условиях (внутрисистемных, межсистемных, социальных, индивидуальных и др.) и в какой точке лексико-семантического континуума?

2. Чем определяется порядковая последовательность (одновременность — разновременность, обратимость — необратимость) отдельных семантических преобразований? Ведь именно потому, что одни лингвисты считают то или иное значение начальным, исходным или более ранним пунктом семантического изменения, а другие ученые то же значение признают конечным (или более поздним) пунктом изменения, как бы повисают в воздухе такие понятия современной лингвистической семантики, как «основное значение» (*Grundbedeutung*), «побочное значение», «расширенное значение», «суженное значение» и др.

3. Что определяет качественный и количественный состав семантического континуума? Существует ли какое-либо соотношение между качественным и количественным составом лексико-семантического ряда, между структурой и протяженностью слова, с одной стороны, и его значением — с другой?

4. Можно ли говорить о семантических соответствиях? Какие значения соотносимы, а какие несоотносимы? Существует ли определенная иерархия семантических переходов: какие значения могут переходить в другие значения, а какие не могут? Возможны ли соответствия только в пределах одной лексемы в процессе ее существования в языке или в рамках нескольких слов в одном и том же или в различных языках?

5. Можно ли считать наличие у сопоставляемых слов (в близкородственных или неблизкородственных языках) идентичных значений достаточным основанием для их семантического уравнивания, особенно если учесть, что эти внешне идентичные значения могут быть получены в процессе качественно и количественно неодинаковых и разновременных преобразований, а их исходным пунктом могут быть системно неравноценные (хотя внешне одинаковые) реалии? В связи с этим возникает вопрос: можно ли считать различные значения одного и того же корня, представленного в близкородственных языках или на протяжении истории одного языка, непосредственно связанными друг с другом и в какой последовательности? Каким образом можно исключить промежуточные звенья семантического развития?

6. Чем определяется возможный (невозможный) набор семантических альтернантов в каждом отдельном случае? Является ли та или иная последовательность значений единственно возможной или нет? Чем определяется выбор того или иного семантического альтернанта?

7. Является ли любое новое значение в пределах слова семантическим изменением, эволюцией или просто отражением тех или иных функциональных и структурных сдвигов в пределах одной системы? Является ли каждое последующее значение, отраженное в слове, продолжением предыдущего? Обязательно ли для возникновения нового значения изменение, а не замена прежнего значения другим, не связанным с ним генетически? В связи с этим возникает проблема дискретности или непрерывности семантических континуумов и необходимость определения причин и возможностей семантического развития в том или в другом направлении.

8. Имеются ли какие-либо общие линии (типологические модели) смены значений и каковы возможности их воздействия в языке? Являются ли все наблюдаемые семантические изменения (как в синхронии, так и в диахронии) результатом только одной модели преобразования или в различных случаях действуют и взаимодействуют неодинаковые модели семантического преобразования (хотя результаты таких преобразований могут и совпадать)? Таким образом, необходимо выяснить не только почему происходят семантические преобразования, но и каким образом в каждом отдельном случае протекают эти изменения.

Давно ведутся споры о том, какие именно значения чередуются в семантической последовательности и каковы, в связи с этим, причины семантического развития. Большинство авторов (ср. работы В. Вундта и его последователей и особенно исследования Э. Велландера и других семасиологов скандинавской школы) настаивают на логической, или ассоциативной, связи семантических компонентов, указывая на наличие так называемых психологических импульсов, якобы влияющих на смену семантических и материальных реалий в языке (В. Вундт и его последователи, Х. Шпербер, Ф. Дорнзайф, но особенно представители так называемой бихейвиористской лингвистики, главным образом Л. Блумфилд и его последователи). Такая концепция, основанная на субъективной Gestalt-психологии, приравнивает и смешивает языковые значения и психологические понятия и исходит из ошибочного тезиса о том, что изменение значения слова якобы обязательно отражает развитие и изменение соответствующих понятий. Некоторые ученые предлагают даже ряд особых правил, регулирующих логическую последовательность таких реалий (ср. так называемые entailment rules у Ч. Филлмора). Кроме того, многие исследователи считают культурно-исторические причины решающим фактором семантических из-

менений (ср. теорию «Wörter und Sachen» О. Шрадера и его последователей или так называемую этнографическую семантику Н. Колби). Действительно, учет культурно-исторических факторов в ряде случаев дает возможность вскрыть интересные закономерности семантического развития, которые без использования этого подхода вряд ли можно было бы удовлетворительно объяснить. Именно на основе этого метода можно будет, очевидно, построить в будущем и так называемую сравнительную семантику, сопоставляющую семантическое развитие в различных неродственных языках (ср., например, авест. *vastara-* 1) 'Kleid'; 2) 'Maul', 'Rachen' и нем. *Futter*: 1) 'Kleidungsstück', 2) 'Speise').

Было бы неверно, однако, стремиться объяснить решительно все семантические процессы на основе только культурно-исторических фактов. Именно таким чрезмерным абсолютизированием культурно-исторической семасиологии явилась известная «стадиальная семантика» Н. Я. Марра, который на основе произвольных семантико-палеонтологических манипуляций навязывал языку те или иные стадиальные «трансформации» значений, в угоду своей теории прослеживал «стадиальные смены в мышлении», выделяя, в частности, стадии «тотемическую», «магическую», «космическую» и др.

Вообще для доказательства общетеоретических и особенно философских тезисов вряд ли правомерно опираться на семасиологические и этимологические связи исследуемых понятий. Например, тот факт, что французское слово *sens* означает не только 'смысл', но и 'направление', естественно, не может служить основанием для вывода о том, что основным свойством значения является изменение, движение. В равной мере нельзя признать правомерным использование этимологий слов, означающих «знак» и «мысль» и др., для доказательства тезиса о том, что «осознание смысла в процессе труда создает интеллект человека» [19]. Критикуя некоторых философов в своей работе «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии», Ф. Энгельс со всей решительностью отмечает: «Слово религия происходит от *religare* и его первоначальное значение — связь. Следовательно, всякая взаимная связь двух людей есть религия. Подобные этимологические фокусы представляют собой последнюю лазейку идеалистической философии. Словам приписывается не то значение, какое они получили путем исторического развития их действительного употребления, а то, какое они должны были бы иметь в силу своего происхождения» [3, с. 293].

Еще сто лет тому назад Г. Штейнталь справедливо указывал на глубокие качественные и количественные различия между логическими и языковыми связями и, в частности, на то, что не всякая семантическая последовательность в языке равносильна логическому континууму, хотя логическая последова-

тельность может в той или иной мере покрываться семантической.

Логико-психологический подход к семантике неизменно открывает широкий простор для разного рода субъективных толкований значения, мешающих отличить подлинное семантическое развитие слов от искусственных построений, произвольно навязываемых языку отдельными учеными. При ассоциативно-логическом подходе к значению, как правило, оперируют лишь «чистыми значениями» в отрыве от конкретного слова. Хотя развитие слова и значения осуществляется неравномерно, а закономерности их существования и изменения — неодинаковы, их неразрывное единство совершенно бесспорно. О том, что язык безразличен к выбору определенного слова, наделенного определенным значением, свидетельствует факт «лексической супплетивности» во многих языках: ср. франц. *dormir* 'спать', но *somme* (*sommeil*) 'сон'; новогреч. *koimoumai* 'спать', но *hūpnos* 'сон'; англ. *to steal* 'воровать', но *thief* 'вор' и др. В большой мере супплетивными формами являются и лексические синонимы.

Следует иметь в виду, что в разные периоды развития языка и в различных языках количество и качественная характеристика синонимов неодинаковы, а семантические изменения членов синонимического ряда не обязательно дают синонимы. Интересны также некоторые факты лексического заимствования, в частности селективность определенных значений и выражающей их лексемы.

Произвольное толкование лингвистических фактов уже давно скомпрометировало себя в грамматике (ср. толкование так называемых видовых форм глагола в готском у В. Штрайтберга). Тем более следует избегать толкований в области лексики, где возможности для них гораздо шире, чем в грамматике. Следуя логическому принципу, можно по своему усмотрению бесконечно объединять между собой любые понятия в любом языке, не обращая внимания на твердые ограничения, накладываемые языковой действительностью на возможности и результаты развития значения в каждом отдельном случае. При этом одно и то же понятие можно логически связывать (как это часто делается) с самыми различными ассоциативными цепочками. Уже один этот факт показывает произвольность такого метода. Именно таким образом поступают те этимологи, которые, установив фонетическое тождество сопоставляемых слов на основе так называемых фонетических законов, пытаются во что бы то ни стало сблизить их семантически. Отметим, что при любом толковании значения, как правило, не принимается во внимание историческая перспектива развития слова: такое толкование основывается обычно только на современных представлениях о связи понятий; не принимается во внимание и различие закономерностей развития значений, их

соотношений и связей в прошлом и настоящем. Важно иметь в виду, что отнюдь не все характеристики, признаки, связи, присущие исследуемому объекту, в одинаковой мере существенны (релевантны) для описываемого феномена. Именно поэтому, опираясь на признаки, бесспорно характерные для данного объекта, но стоящие как бы над ним, т. е. признаки панхронические, применимые к любой системе и любой связи внутри системы (в частности, логические, психологические, интуитивные связи значений слова), или признаки, непосредственно не имеющие отношения к рассматриваемой закономерности, мы можем все же дать ложное описание последнего. Только в том случае, если данная характеристика или свойство отражает определенные ограничения, накладываемые спецификой данного объекта, она может служить критерием его идентификации.

Однако было бы ошибочным абсолютизировать «чистые закономерности» в лексике и семантике (как это делают, например, представители копенгагенской школы). Нельзя упускать из виду того факта, что в ряде случаев, где такие закономерности реально имеют место, их действие может перекрываться параллельным действием других закономерностей в той же системе, а также факторами социолингвистического, культурно-исторического и психологического характера (хотя, с другой стороны, лингвистические факторы нередко могут сами нейтрализовать эти последние). Вследствие этого данная закономерность может либо вовсе не проявляться даже в тех случаях, где ее проявление совершенно необходимо, либо манифестироваться иначе и охватывать не те лексико-семантические элементы, которые закономерно должны вовлекаться в данный процесс (маргинальные закономерности).

Одна из основных особенностей лексико-семантической структуры состоит в том, что через одну и ту же лексему в процессе истории языка, в различных диалектах одного языка, а также в пределах близкородственных и неблизкородственных языков могут «проходить» различные семантические континуумы (особенно в связи с различной внутренней формой слов в отдельных языках), а один и тот же семантический цикл может одновременно разворачиваться в пределах нескольких слов, находящихся как бы в дополнительной дистрибуции друг к другу. Так, не всякое слово со значением «тереть» в процессе развития обязательно дает значение «красивый», не всякое слово со значением «сосуд» обязательно возникает из значения «брат». Эти элементы могут либо быть результатом разворачивания неодинаковых семантических рядов, либо давать неодинаковые (количественно и качественно) семантические элементы, либо вообще могут никак не разворачиваться в определенном окружении.

Следовательно, каждый семантический континуум никак не

прикреплен именно к данному и только к одному слову³. Это, естественно, никак не снимает факта неразрывности слова и значения в данный период их существования и их взаимодействия в процессе развития. Интересно учесть факты вхождения в язык произвольных образований, допускаемых, однако, условиями структуризации тех или иных лексико-семантических континуумов. Так, английский глагол *to look*, очевидно, обязан своим происхождением контаминации в глоссах латинских лемм: *videre* и *viduare*, которая глоссировалась др.-англ. *lucan* (ср. совр. англ. диал. *to look* 'to weed'). Таким образом, *to look* 'смотреть' не имеет никакого отношения к тох. *A lak-* 'видеть', брет. *lagad* 'глаз', др.-корнийск. *lagat* 'глаз'. В равной мере др.-в.-нем. *druch* 'a trap', 'a poose' возникло в результате контаминации лат. лемм *amiculum* (<*amicire* 'набрасывать', 'накидывать', 'обвинять') и *amiculus* (<*amicus*, ср. *amicare*), последняя из которых передавалась др.-в.-нем. *truht*, *trucht* (ср. др.-англ. *driht*, др.-исл. *drott* и др.). Ср. нем. *Schlinge* 'западня' <др.-в.-нем. *slingan* 'to wind', 'entwine' (Dalby, с. 204).

Известны случаи, когда одно и то же значение с различными семантическими или грамматическими вариациями представлено только в пределах различных лексем. В этой связи можно указать, например, на факт лексической супплетивности. Можно указать также на явление лексической синонимии. Имеются, однако, случаи, когда семантические связи в пределах различных слов не столь очевидны. Такие связи и значения по традиции, естественно, никогда не сближаются в специальных работах, ибо считается невозможным сблизить различные материальные оболочки, в которых манифестируются эти значения. Мы имеем в виду развертывание одних и тех же семантических циклов в пределах различных лексем.

Сторонники традиционной концепции в исторической семиологии стремятся связывать только те значения, которые представлены в словах с «похожей» внешней оболочкой, которые они считают одним и тем же словом, хотя, конечно, при этом никак не доказывается тождество сближаемых лексем (внешнее сходство лексем далеко не всегда свидетельст-

³ При этом мы не имеем в виду омонимов, которые, как будет показано ниже, не могут развертываться по семантическим циклам. Не имеют к этому отношения и вскрываемые при сопоставлении языков несоответствия объема лексемных и семантических категорий в отдельных языках. Ср., с одной стороны, русск. *относить*, *отвозить*, *отводить* — англ. *to take*; русск. *приносить*, *привозить*, *приводить* — англ. *to bring*; русск. *ставить*, *класть* — англ. *to put*; русск. *разливать*, *рассыпать* — англ. *to spill*; русск. *печка*, *плитка* — англ. *stove*, а с другой стороны, англ. *finger* 'палец на руке', *toe* 'палец на ноге'; *whiskers* 'усы (около углов губ или у животных)', *moustache* 'усы (под носом)'; *thigh* 'бедро (от таза до колена)', *hip* 'бедро (наружная верхняя часть бедра)' и др.

вует об их идентичности, особенно если учесть тот факт, что большинство внешне сходных лексем в языке в действительности не имеют ничего общего между собой), а сближение их значений построено на чисто логических основаниях и само по себе фактически опровергает исходную посылку о возможности только одного семантического континуума в пределах одной лексемы (И. Блумфилд). Именно последовательное проведение этого глубоко ошибочного тезиса привело, как известно, к наивной этимологизации в Древней Греции (ср. «Кратил» Платона) и к так называемым интуитивно-мнемоническим сближениям значений слов (типа русск. *бой* — англ. *boy* 'мальчик', русск. *дед* — англ. *dead* 'мертвый'; русский *ханать* — англ. *harpy* и др.), широко практиковавшимся в лексикографии XVIII в. Как мы уже говорили, интуиция продолжает и поныне играть ведущую роль в грамматико-семасиологических штудиях Н. Хомского и его последователей.

Структура языка в пределах одного уровня (например, лексико-семантического) обнаруживает следующую интересную особенность: языковые компоненты на данном этапе развития тем или иным образом преломляются в одном из нескольких (или в нескольких) неодинаково структурированных языковых подсистемах (ярусах), неравноценных по своим свойствам, по своей иерархии и функциональному статусу в рамках данного уровня. Это как бы различные языковые ступени, различные регистры манифестации языковых феноменов. Каждая из таких подсистем характеризуется качественно и количественно неодинаковым набором или комбинацией «запретов» и ограничений (constraints), обуславливающих различные возможности проявления и развития языковых элементов, их свойств и значений. Свойства и иерархия (да и сами значения), естественно, не являются имманентной категорией, а изменяются в зависимости от лингвистического окружения; с другой стороны, свойства значений влияют на диапазон, порядок и иерархию конкретных семантических реалий, а эти последние в свою очередь воздействуют на значения. Любая часть семантического спектра проявляется в каждой из этих подсистем в виде неодинаковых наборов значений, наделенных различными свойствами, иерархическими характеристиками и системным статусом. Строгое чередование компонентов в некоторых семантических континуумах объясняется как раз строгим порядковым чередованием и неодинаковыми возможностями реактивности и совместимости определенных свойств значений, характерных для отдельных семантических подсистем.

Существование нескольких лексико-семантических подсистем делает возможным своеобразное «защитное» дублирование лексико-семантических реалий, препятствующее нарушению или разрушению материального состава и системной организованности языка. Один и тот же элемент в случае выхода этого

элемента из одной подсистемы остается в языке, так как сохраняется в другой подсистеме. При этом, конечно, не играет никакой роли, изменил ли данный элемент свое значение в одной из подсистем или нет. «Самосохранение» лексем путем дублирования в пределах как одной, так и нескольких систем не подлежит сомнению — об этом неизменно говорят, например, неодинаковые возможности и результаты выхода одних и тех же корней из близкородственных языков. Одни и те же лексико-семантические реалии в различных подсистемах, как правило, обладают неодинаковыми свойствами или комбинацией свойств. Можно выделить следующие семантические свойства.

I. Свойство критических, т. е. конечных, величин развития лексико-семантического ряда в данном окружении. Отметим прежде всего, что всякое значение, обладающее критическим свойством, всегда является конечным в данном семантическом континууме, но не всякое конечное значение обладает критическим свойством. Возможны следующие результаты воздействия критического значения на семантические реалии: 1) значения, достигшие критической величины, выходят из системы (конечный континуум); 2) при определенных условиях достижение критических значений вообще невозможно: семантема либо совсем не изменяется, либо бесконечно чередуется с одними и теми же семантемами (неконечный континуум); 3) в результате появления критического значения возникают самые разнообразные аномальные явления: а) семантическая последовательность (или последовательность семантических свойств) начинает свертываться, т. е. разворачиваться в обратном направлении (укажем в связи с этим на известный процесс регенерации давно вышедших из языка слов); б) данный семантический элемент становится исходным для совершенно иного семантического цикла (в частности, такого, который развивается на основе другой модели и по другим правилам); в) реакцией на достижение критического значения может явиться нейтрализация слов и значений как в том же лексико-семантическом ряду, так и в пределах смежных систем; критическое значение может явиться причиной включения в семантический цикл или в лексико-семантическую систему произвольных (т. е. не обусловленных окружением и не входящих в состав семантического цикла) слов и значений; г) происходит переразложение значений или семантических свойств в данном лексико-семантическом континууме.

II. Свойство разложимости и неразложимости. Имеется в виду способность или неспособность семантических реалий в данном окружении образовывать представленную в языке цепочку последовательных и регулярных семантических компонентов (цикл) [42]. Это свойство не имеет ничего общего с «атомизацией смыслов» при компонентном анализе или с теорией «сложения смыслов», некоторые представители

которой (К. Леви-Стросс) считают даже, что «смысл всегда является результатом комбинации элементов, которые сами по себе не являются значимыми» («Esprit». Vol. 31, 1963, с. 673).

III. Свойство переключаемости и непереключаемости. Имеются в виду значения, которые, развиваясь по циклу или изменяя свои свойства, продолжают оставаться в той же семантической подсистеме, что и предыдущие, или, наоборот, элементы, которые при определенном семантическом движении обязательно переходят в прямом или обратном порядке в другую семантическую подсистему, т. е. образуют семантическую последовательность, элементы которой развиваются не по одной и той же модели, а по разным правилам. Свойство переключаемости—непереключаемости выражается также и в том, что некоторые компоненты лексико-семантического ряда, независимо от вхождения в этот ряд, способны образовывать самостоятельный семантический цикл, манифестируемый как в пределах данной системы, так и в другой семантической системе, некоторые же компоненты такого нового цикла образовать не могут и существуют только в пределах данного семантического континуума. В связи с этим можно выделить замещающие и замещаемые значения, т. е. соответственно лексико-семантические реалии, способные вытеснить один или несколько элементов в пределах слова или ряда (ц:кла), не нарушая при этом целостности системы, и реалии, которые могут быть замещены. В пределах лексико-семантического ряда существуют, естественно, и реалии, не поддающиеся замещению или не способные замещать другие элементы. При вхождении в лексико-семантический ряд новых элементов или при выходе из ряда каких-либо реалий нередко происходит «терапевтическое» изменение или перераспределение (утрата) свойств и значений как заимствованных реалий (ср. франц. *hère* 'ничтожный человек' < нем. *Herr* 'господин'), так и некоторых исконных компонентов ряда.

IV. Свойство обратимости или необратимости. Здесь возможны несколько случаев: 1) значения способны чередоваться либо только в одном направлении, либо в двух направлениях (т. е. не только в прямом, но и в обратном порядке); 2) наличие определенных свойств может обязательно вызывать к жизни определенное значение, но, с другой стороны, обратный процесс не имеет места — появление именно этого значения может и не обуславливать возникновения тех же свойств; 3) наличие определенного свойства (resp. значения) порождает определенное окружение, однако обратный процесс не имеет места — возникновение данного окружения может и не обуславливать появление именно данного свойства и/или значения.

V. Свойство зависимости и независимости значения, т. е. соответственно: 1) обусловленность существо-

вания тех или иных семантических реалий наличием в той же системе каких-либо других лексико-семантических элементов или свойств (resp. значений) и 2) необусловленность существования семантических реалий (resp. свойств, значений) присутствием в той же системе каких-либо других значений и их свойств. Зависимые значения (свойства) не могут замещаться, но могут замещать другие значения (или свойства), а независимые значения могут и замещаться, и быть замещенными.

VI. Свойство одновременности (синхронности) значения и свойства разновременности (гетерохронности). Имеется в виду соответственно: 1) невозможность манифестации тех или иных компонентов семантического цикла порознь, необходимость их одновременной представленности в пределах лексемы при условии, что данной лексеме присущ определенный комплекс свойств или определенный иерархический статус внутри системы; 2) обусловленная структурно-функциональными свойствами системы необходимость смены одного компонента цикла другим.

VII. Свойство нейтрализации значения, т. е. способность определенных значений (или комплекса значений) утрачивать свой системный статус под влиянием определенных семантических свойств, представленных в пределах как данной лексемы, так и лексико-семантической системы в целом. С другой стороны, наличие определенного семантического свойства (или комплекса свойств) может лишить системного статуса некоторые значения.

VIII. Свойство совместимости и несовместимости. Речь идет соответственно: 1) о семантических свойствах, которые могут сосуществовать в пределах слова и/или лексико-семантического ряда и 2) о значениях, которые по своим свойствам исключают друг друга, в связи с чем все эти значения или часть их выходят из системы.

IX. Свойство постоянства (инвариантности) и вариативности значений. Имеется в виду соответственно: 1) невозможность для определенного члена семантического цикла никакого другого значения, кроме одного данного значения, наделенного определенными, иерархическими неизменными свойствами, и 2) способность данного члена семантического цикла быть выраженным одним из нескольких потенциально возможных значений, наделенных как одинаковыми, так и различными семантическими свойствами.

X. Свойство системной равносильности (эквивалентности) и неравносильности значений, т. е. соответственно их способность или неспособность иметь одинаковый структурно-функциональный и иерархический статус в системе, независимо от их качественных и количественных характеристик.

Среди важнейших постулатов лингвистической концепции

Ф. де Соссюра, явившихся исходными и основополагающими для большинства современных направлений в языкознании, следует прежде всего выделить постулат о так называемом равновесии языковых элементов и систем (*l'équilibre linguistique*), который вытекает из учения о языке как о системе [43]. Согласно этому учению, элементы и системы в зависимости от изменения (герр. наличия или отсутствия) тех или иных звеньев образуют дискретные лингвистические модели, одни и те же компоненты которых обладают неодинаковой системной валентностью и комбинаторикой. В этой связи уместно вспомнить известную аналогию Ф. де Соссюра между механизмом языка и игрой в шахматы. Хотя эта аналогия основана на отождествлении равновесия с весьма спорным понятием синхронии, которое противопоставляется не менее проблематичной категории диахронии, многие современные лингвисты с успехом исследуют язык с точки зрения теории игр, что нередко позволяет вскрыть новые и неожиданные стороны языковой структуры, не поддающиеся анализу традиционными лингвистическими методами. Именно на основе указанной аналогии выводятся такие важнейшие понятия современного языковедения, как избыточность и недостаточность, единственность и неединственность, совместимость и несовместимость, являющиеся неотъемлемой частью лингвистического моделирования.

И все же, несмотря на оригинальность этой аналогии Ф. де Соссюра, несмотря на кажущуюся стройность и непогрешимость его концепции, лингвист на каждом шагу сталкивается здесь с явными несоответствиями между закономерностями языковой системы и равновесием на шахматной доске. Укажем хотя бы на следующие два обстоятельства. Прежде всего, в шахматной игре одинаковый набор элементов и одинаковые позиции, занимаемые фигурами на одной или двух досках, являются гарантией наличия между этими фигурами одинаковых отношений и определенных возможностей перемещения отдельных фигур. В языке же этого не наблюдается: в различные периоды развития языка одна и та же комбинация одних и тех же элементов может иметь различное лингвистическое наполнение, а различные комбинации одних и тех же или других элементов могут быть лингвистически равносильными. Одинаковые отношения между элементами никак не гарантируют равносильности тех структурных континуумов, в которые они входят.

Далее, в шахматах существует несколько возможностей произвольного выбора хода, тогда как в языке таких возможностей нет, а обычно имеется лишь одна облигаторная возможность, однозначно определяющая характер, направление и объем соответствующих изменений, охватывающих те или иные отрезки языковой цепи.

Проводя свою аналогию, Ф. де Соссюр по сути дела механически переносит правила шахматной игры на особенности

языкового механизма и развития. В результате такого некритического перенесения постулатов одной области знаний на другую появляется мертвая схема, априорно накладываемая на язык и во многом не отражающая его свойств и специфики. Невольно вспоминается известный французский афоризм: «*comparaison n'est pas raison*». В самом деле, ни в трудах Соссюра, ни в работах его последователей ничего не сказано о том, какие именно языковые элементы находятся (или могут/должны находиться) в равновесии; в каких случаях и почему наступает состояние языкового равновесия и при каких обстоятельствах оно невозможно; касается ли состояние равновесия всех звеньев языковой цепи и какова роль отдельных единиц и участков языковой цепи в создании и сохранении состояния равновесия; чем отличается равновесие отдельных языковых элементов от равновесия целых (больших или меньших) языковых систем; есть ли качественные и количественные различия в равновесии на отдельных участках одной и той же языковой цепи, и, наконец, как собственно определить сущность равновесия в языке, чем оправдывается введение в лингвистику этого понятия и каковы особенности и закономерности языкового равновесия в языках различного строя или в пределах одного и того же языка в синхронии и в диахронии.

Лингвистическое равновесие получило наиболее полное освещение в связи с изучением фонологических процессов. Э. А. Макаев пишет, что «когда фонологи пытаются свести многообразие тенденций, действующих в направлении развития и стабилизации фонологической системы определенного языка, к какому-либо ведущему фактору, они обычно указывают на равновесие фонологической системы и на его нарушение, за которым должно последовать ее восстановление, уже, как правило, на иных основаниях. Хотя не всегда можно объяснить, почему язык теряет равновесие в подсистеме гласных и согласных фонем и, с другой стороны, почему язык, столетия существующий с „хромым“ равновесием в той или иной подсистеме, как будто бы не испытывает необходимости в перестройке, и хотя языковая действительность полнее и сложнее данного принципа, все же не приходится сомневаться в известном его значении. Принцип равновесия фонологической системы является как бы оборотной стороной принципа языковой экономии... Равновесие системы — это не что иное, как наиболее экономная конфигурация элементов языковой системы на всех уровнях» [55].

В лингвистической литературе весьма распространено упрощенное понимание равновесия в языке как своего рода лингвистической симметрии, которая якобы прямо пропорциональна стабильности языковых элементов, входящих в те или иные модели (patterns), т. е. в определенные наборы языковых реалий, обладающих неизменными признаками и составом [102].

Как будет показано ниже, языковая симметрия вовсе не обязательно обуславливает равновесие, а равновесие не обязательно сочетается с симметрией языковых реалий. Стабильность в языке в равной мере не является необходимым условием равновесия, а равновесие отнюдь не всегда сочетается со стабильностью языковых элементов или с неизменностью состава отдельных слов или инвентаря слов. Не все языковые явления в процессе своего развития «компенсируются»; лингвистическая компенсация не является условием языкового равновесия, а «компенсированные» явления могут и не обладать равновесием. Явление равновесия в языке не только совершенно бесспорно, но и представляет собой одно из наиболее важных условий организации, существования и функционирования языковой системы, является основным стимулом ее дальнейшего развития и изменения [101].

В этой связи можно указать хотя бы на фонемное равновесие, проявляемое в оппозициях; на согласование времен в английской грамматике; на невозможность использования в английских отрицательных предложениях формата *-s* в 3-м лице единственного числа спрягаемого глагола в Present Indefinite, где этот форматив переходит к вспомогательному глаголу (*does*); на невозможность использования в английском языке формы Past Indefinite в отрицательных предложениях, где значение прошедшего времени основного глагола переходит к вспомогательному глаголу (*did*); на избыточность и недостаточность одних и тех же грамматических явлений в различных языках (ср., например, избыточность отрицания в русском языке по сравнению с английским), выражаемых в их неодинаковой маркированности и дистрибуции; на фиксированность порядка слов в одних языках (английский, французский) и отсутствие такой фиксированности в других (русский).

Однако наряду с этими частными явлениями в языке наблюдается ряд более общих и широких процессов. Во многих случаях силы равновесия, оказывающие мощное воздействие на системную организацию языка, как бы остаются скрытыми в глубинах языковой структуры, причем в языке внешне проявляются лишь следствия, а не истинные причины тех или иных явлений.

История языков знает немало примеров, когда какой-либо процесс или явление, возникнув в языке, почти сразу же предстает как мертворожденное, или когда какой-либо живой и продуктивный процесс, охватывавший ранее огромную массу лексических единиц, с течением времени, с одной стороны, суживает диапазон своего действия (ср. совр. англ. *happy* — *unhappy* при невозможности *silly* — *unsilly*, хотя в древне- и среднеанглийском такое сочетание было вполне допустимо), а с другой стороны, начинает охватывать элементы, ранее находившиеся за пределами этого процесса. Известны также факты,

когда какой-либо процесс или явление существуют лишь в том случае, если параллельно и одновременно с ним в языке существуют одно или несколько других явлений; и наоборот, тот или иной процесс или явление могут существовать в языке только вплоть до появления в нем другого определенного явления или до выхода из языка определенной категории или явления (ср. регенерацию грамматических и лексико-семантических реалий).

В некоторых случаях при определенной конфигурации и функциональной нагрузке отдельных звеньев ряда то или иное явление вообще не может возникнуть, причем язык проявляет по отношению к таким явлениям своеобразный иммунитет. В этой связи можно указать на лексический пуризм в немецком языке, на неодинаковые возможности создания слов *ex nihilo* в эстонском и в других языках, а также на тот факт, что в близкородственных языках явления аналогии и *s-mobile* часто не распространяются на одни и те же корни.

Иногда языковые процессы охватывают такие участки цепи, которые по всем показателям не подлежат действию этих процессов, тогда как те участки континуума, которые должны были бы охватываться этими процессами, остаются за пределами их действия. Все указанные явления наиболее ярко проявляются в известных языковых универсалиях. Ниже будут рассмотрены некоторые общие закономерности равновесия лексико-семантических структур в свете нашей теории лексической аттракции [42].

Равновесием языковых элементов, или балансом лингвистических потенциалов, мы будем называть сохранение данным лексико-семантическим континуумом своей исходной системной структуризации независимо от изменения (увеличения или уменьшения) ее состава или от переинтеграции функциональной нагрузки отдельных элементов цепочки. Одной из форм лингвистического равновесия является обычно невозможность (абсолютная или относительная) дальнейшей (формальной или функциональной) реактивности между относительно конечными продуктами системы (т. е. нейтрализация их реактивности) при условии образования ими системных континуумов строго определенной структуризации. Понятно, что не всякое изменение есть нарушение равновесия и не всякое уравнивание связано с изменением. Можно различить, с одной стороны, относительно статическое равновесие, при котором данная лексико-семантическая система не обнаруживает каких-либо внешних движений и, с другой стороны, динамическое равновесие, при котором в результате реактивности отдельных участков континуума система характеризуется постоянным изменением своей протяженности, заменой одних членов другими и перераспределением функциональной нагрузки. Говоря о синхронии и диахронии, необходимо различать случаи, когда равновесие сохра-

няется, несмотря на значительные изменения в системе, и случаи, когда одна структурация уступает место другой, независимо от того, происходят в системе внешние изменения или нет.

Под языковой реактивностью мы понимаем либо облигаторную необходимость определенного формального, семантического или функционального изменения какого-либо звена лексико-семантического континуума под влиянием свойств представленного в данном наборе другого строго определенного отрезка лексико-семантической цепи, либо превращение необходимости в свободу под влиянием тех же условий. При этом вовсе не облигаторно изменение элементов, входящих в отрезок, оказывающий влияние (однонаправленный процесс). При нейтрализации тот же процесс имеет взаимонаправленный характер, так как закономерная реактивность любого из наличных отрезков данной лексико-семантической цепи становится невозможной, как бы «замыкается» благодаря наличию в пределах той же цепи тормозящих и ускоряющих сред, имеющих силу только для данного набора. В равновесном окружении любая реакция обычно вызывает к жизни тормозящий импульс (constraint), направленный на отрезок цепи, который обусловил эту реакцию; и наоборот, всякий тормозящий импульс служит исходным пунктом реакции отрезка цепи, которая вызвала торможение, что в свою очередь, как и в первом случае, обязательно «порождает» нейтрализующий импульс, направленный к реагенту.

Разные уровни равновесия обуславливают различные типы развертывания элемента или цепочки, т. е. различные языковые процессы возможны только на определенном уровне равновесия системы. Всякий раз, когда возникает противоречие между характером элемента (цепочки элементов), требуемым уровнем равновесия, с одной стороны, и обуславливаемым взаимодействием тормозящих и ускоряющих сред — с другой, равновесие всего ряда нарушается. Образуются отрезки лексико-семантической цепи, т. е. континуумы, не охватываемые нейтрализацией ряда в целом и находящиеся как бы во взвешенном состоянии в системе. Равносильные уровни равновесия не могут находиться в пределах одного и того же системного континуума. Если в результате тех или иных реакций образуются такие уровни, то их потенции равновесия нейтрализуются.

Понятие реактивности языковых элементов и континуумов весьма относительно с точки зрения их равновесия: формальное развертывание того или иного участка языковой цепи по семантическим и лексическим инвариантам и вариантам при определенных условиях может никак не нарушать функционального равновесия системы в целом и быть необходимым условием сохранения такого равновесия. Отсутствие же формальной и функциональной реактивности определенных еди-

ниц непременно ведет к нарушению или смещению равновесия всей системы. Вообще формальное, или внешнее, равновесие (т. е. равновесие внешне изменяющихся элементов и континуумов различной протяженности) и функциональное, или внутреннее, равновесие, как правило, никогда не совпадают полностью: максимум внешнего равновесия означает минимум внутреннего и, наоборот, максимум внутреннего равновесия означает минимум внешнего равновесия.

Одни лексико-семантические континуумы, уравниваясь по отношению друг к другу в пределах микросистемы, могут не уравниваться по отношению ко всем другим элементам или отрезкам данной макросистемы, в которую они входят. Но данные элементы или континуумы могут и не уравниваться по отношению друг к другу в пределах микросистемы, но уравниваться с другими элементами или системами той или иной структуры в пределах макросистемы. Именно это обстоятельство является одним из основных условий, одной из причин, обуславливающих удержание в равновесии неуравновешенных элементов и нарушение равновесия уравновешенных структур. Вполне понятно, что о полном равновесии всех лексико-семантических систем, входящих в язык, не может быть и речи.

Существует определенная иерархия равновесий как в пределах одного набора, так и между отдельными континуумами. Такая иерархия имеет сложный и многоаспектный характер и сводится к следующему.

1. Данная комбинация лексико-семантических структур может оказаться достаточной для их равновесия только на определенном, например, иерархически более низком, участке цепи, или для континуума меньшей протяженности, тогда как для равновесия континуумов большей протяженности или отрезков, имеющих иерархически более высокий статус, требуется наличие других комбинаций, которые в пределах системы данной структуры выступают как иерархически более высокие равносильные структуры.

2. Наряду и одновременно с этим в языке действует противоположная тенденция: независимо от протяженности ряда и иерархической валентности его элементов, независимо от того, существуют или отсутствуют условия внешнего или внутреннего равновесия ряда, языковое равновесие реально возможно лишь в том случае, если в пределах данного ряда на протяжении его истории чередуются строго определенные, сменяющие друг друга формальные или функциональные комбинации элементов, находящиеся в иерархической зависимости. Лингвистическое равновесие, реально наблюдаемое в языке, является результатом столкновения и взаимопроникновения этих двух противоборствующих процессов («равновесие равновесия»). Необходимо отметить, что иерархия равновесия обычно не совпа-

дает с иерархией между отдельными отрезками и элементами языковой цепи; обе эти категории никак не зависят друг от друга и не обуславливают одна другую.

Понятие иерархии равновесия в языке является относительным: один и тот же континуум в данном наборе может выступать как иерархически более высокий равновесный ряд, а в другом наборе — как более низкий; в одном ряду один и тот же континуум выступает как тормозящий реактивность, а в другом — сам подвергается торможению со стороны других континуумов. Важно иметь в виду, что равновесие (или отсутствие равновесия) одного участка или уровня лексико-семантической цепи в синхронии по необходимости является реакцией на наличие (или отсутствие) равновесия в другом участке или на другом уровне той же системы. Вот почему в зависимости от конфигурации ряда могут возникнуть случаи, когда 1) при равновесии определенных участков цепи все остальные (или часть их) неуравновешены; 2) при отсутствии равновесия определенных участков цепи все остальные (или определенные) уравновешены; 3) равновесие (или отсутствие равновесия) тех или иных участков цепи ведет соответственно к равновесию или к отсутствию равновесия всех остальных (или определенных) участков системы.

В зависимости от иерархии равновесия проявляется различная рекуррентность языковых циклов, т. е. данный лексико-семантический инвариант или континуум, перейдя при определенных условиях равновесия на следующую (закономерную и неизбежную) ступень своего развертывания, при других условиях равновесия как бы возвращается соответственно на одну, две и т. д. ступени назад (при этом необходимо помнить, что при одинаковом составе и отношениях лексико-семантических рядов могут быть разные модели, а при разных составах и отношениях — одинаковые модели). Таким образом, перед нами, с одной стороны, равносильность качественно неодинаковых иерархий равновесия (наличие одних и тех же инвариантов или континуумов при различных иерархиях равновесия) и, с другой стороны, неравносильность одних и тех же иерархий равновесия (различным инвариантам или континуумам соответствуют одни и те же иерархии равновесия). Рекурсия всегда ведет к равновесию, но равновесие не обязательно означает рекурсию. Всякий раз, когда внутри данной системы образуется остаток или остаток включается в состав системы, происходит рекурсия. Рекуррентность является одним из важнейших и необходимых условий длительного сохранения равновесия в языке. В противном случае в языке в целом или на многих участках языковой системы практически отсутствовало бы равновесие: ведь возможности развертывания и инвентарь лексико-семантических циклов весьма ограничены, а отдельные инварианты и континуумы, представленные в языке, ни-

когда не находятся на одинаковой ступени своего развертывания. Необходимо учитывать, что отдельные элементы или континуумы лексико-семантического ряда не всегда вступают в равновесие со всеми компонентами, составляющими лексико-семантический ряд. Во многих случаях наблюдается равновесие того или иного отрезка лексико-семантического ряда только с одним или с несколькими элементами или отрезками ряда при отсутствии равновесия этих отрезков с остальными участками ряда. В процессе изменения и развертывания отдельные участки лексико-семантической системы, ранее находившиеся в равновесии с тем или иным отрезком цепи, могут выйти из состояния равновесия, а участки, ранее не уравновешенные ни с одним из отрезков системы, могут вступить в равновесие с тем или иным континуумом или с несколькими континуумами.

Основной принцип развертывания по уровням равновесия состоит в следующем: чем выше уровень равновесия, тем меньше лексико-семантические элементы и континуумы развертываются по функциональной шкале и тем больше они развертываются по своей протяженности. И наоборот, чем ниже уровень равновесия, тем больше функциональное (внутреннее) развертывание лексико-семантических континуумов и тем меньше они развертываются по своей протяженности. Если изменяется протяженность, состав, позиция или функциональный статус отдельных элементов ряда, то соответственно не меняется протяженность, состав, позиция и функциональный статус данного ряда (или подряда) по отношению к другим рядам системы. При изменении позиции, протяженности, состава и функционального статуса ряда в целом входящие в него отдельные элементы не испытывают тех же изменений. В результате одной или нескольких последовательных реакций тот или иной лексико-семантический элемент или континуум может приобрести качественно неодинаковые потенции: с одной стороны, данное состояние может быть рекуррентно неповторимым в данном окружении, но повторимым (в любом из своих вариантов, т. е. независимо от формы и протяженности повторяемых элементов и рядов) во всех других окружениях, а с другой стороны, данное состояние может быть рекуррентно повторимым в данном окружении, но неповторимым во всех других. В первом случае набор вариантов данного элемента представлен взаимодополняющими единицами, во втором случае в набор вариантов входят единицы, которые взаимно не дополняют друг друга. В последнем случае происходит перераспределение и переключение вариантов, что наиболее ярко представлено супплетивизмом в языке.

Следует иметь в виду, что в зависимости от окружения один и тот же элемент может иметь одинаковое разложение на варианты в разных окружениях и различное разложение в одинаковых (равносильных) окружениях. Кроме того, один и тот

же элемент может иметь несколько различных разложений на варианты в пределах одного и того же окружения и лишь одно разложение в пределах различных окружений [ср. английский глагол *to lie* в значении 'лежать' (*lie — lay — lain*) и в значении 'лгать' (правильный глагол)].

Если в результате одной или нескольких реакций в том или ином окружении возник тот или иной языковой континуум, имеющий структурную значимость в пределах того же ряда, то перед нами внутренний продукт. Если же продукт тех или иных реакций, находясь в пределах одного подряда, имеет структурную значимость только для другого подряда той же системы, мы будем называть его внешним продуктом. Если же, наконец, продукт реакций имеет неодинаковую структурную значимость для данного континуума, с одной стороны, и какого-либо смежного подряда — с другой, то мы будем называть его смешанным продуктом. Одинаковая значимость какого-либо продукта в нескольких подрядах ведет к его нейтрализации.

Механизм лингвистического равновесия вращается вокруг трех основных параметров: среды (окружения), где происходит реакция (вариационная — константная), фазы развертывания элемента или ряда (рекурсивная — нерекурсивная) и валентности. Все эти параметры взаимосвязаны и относительны. Если лингвистическая среда остается структурно неизменной (или заменяется равносильными континуумами), то равновесие может установиться независимо от изменения фазы развертывания и валентности. При изменении структуризации лингвистической среды решающим фактором равновесия становится валентность элементов ряда, а фаза развертывания не оказывает влияния на равновесие. Наконец, в случае перехода элемента из одной среды в другую (с остатком или без остатка) равновесие не зависит от изменения лингвистической среды и валентности, а зависит только от фазы развертывания. В этом случае равновесие практически возможно только за счет образования «пустых клеток» или структурного выключения равновесной потенции тех или иных отрезков лексико-семантической цепи.

При структурной неизменности лингвистической среды равновесие устанавливается за счет свертывания (лексемного и семантического) структурных компонентов ряда (иногда вплоть до уровня недостаточности), а при изменении среды — за счет развертывания (в том числе избыточного) тех же элементов (ср. англ. диал. *the worstest, the bestest* и др.). При этом рекурсия равносильна свертыванию. Вполне понятно, что в случае, если в пределах ряда одновременно действуют другие процессы (т. е. тот или иной отрезок, одновременно входя в более крупное окружение, в данной среде не может ни свертываться, ни развертываться, ни переходить в другую среду, хотя это структурно

необходимо для установления равновесия), равновесие нарушается, а среда изменяется, так как она приходит в противоречие с валентностью или с фазой развертывания.

Однако свойства лингвистической структуры таковы, что в большинстве случаев нарушение равновесия одновременно как бы создает условия для нового восстановления равновесия в пределах той же среды или для установления равновесия в смежных средах, ранее неуравновешенных. Но в то же время любое лингвистическое равновесие весьма относительно, так как оно таит в себе большие или меньшие предпосылки для его нарушения. Так, например, при невозможности свертывания одного отрезка происходит развертывание другого, при невозможности развертывания одного отрезка происходит свертывание другого, а если данный отрезок не может перейти в другую среду, то происходит рекурсия (т. е. восстанавливается равновесие).

При неизменной среде ни один отрезок лексико-семантической цепи не имеет ни одного значимого разложения: все разложения в этой среде являются лишь реакцией на вхождение данной неизменной среды в более крупное окружение и не имеют для этой среды никакой структурной значимости. В изменяемой среде уравнивающими являются только первое или последнее разложение каждого отрезка лексико-семантической цепи. При переходе тех или иных отрезков из одной среды в другую уравнивающей является только нулевая ступень разложения, т. е. только пустые клетки, образуемые после последовательного полного разложения всех циклов данного отрезка цепи (или элементы, не являющиеся продуктами разложения). При образовании остатка, не входящего в систему, в качестве уравнивающих выступают любые разложения, кроме первого и последнего. Во всех случаях, когда в ряду оказываются взаимодополняющие континуумы, перед нами непозиционные элементы, т. е. элементы, системная значимость которых не меняется в зависимости от позиции в ряду. В случае же взаимодополняющих элементов мы имеем дело с позиционными континуумами. Свертывающиеся континуумы, как правило, занимают более низкое место в иерархии равновесия по сравнению с тем, которое они занимали до свертывания; развертывающиеся же континуумы занимают более высокое место в иерархии равновесия по сравнению с тем, которое они занимали до развертывания. Естественно, что при свертывании определенного отрезка континуума уравниваются развертывающиеся континуумы, а при развертывании — уравниваются свертывающиеся континуумы. Другими словами, при свертывании процесс уравнивания затрагивает только те участки континуума, которые находятся ниже уровня равновесия развертывающихся элементов, а при развертывании процесс уравнивания затрагивает лишь участки языково-

го ряда, которые находятся выше уровня равновесия свертывающихся компонентов, независимо от того, коснулось или не коснулось структурное нарушение участков цепи, подвергаемых уравниванию.

Если первый член развертывающегося цикла является продуктом, то образуется остаток. Если последний член развертывающегося цикла является продуктом, то остаток не образуется. В изменяемой среде наличие неуравновешенного остатка в системе является обязательным условием равновесия, тогда как в неизменяемой среде остаток для равновесия необязателен. Ни в одном окружении не может быть более одного остатка, потому что все прочие остатки нейтрализуются. Своеобразным случаем уравнивания, когда в пределах лексемы сочетаются два крайних члена семантического цикла (начальный и конечный), причем один из них представляет собой продукт, а второй не представляет, является энантиосемия. Такая комбинация удовлетворяет случаю, когда данный континуум одновременно входит как в более высокий, так и в более низкий уровень равновесия, причем на одном из уровней сохраняется неизменная среда, а на другом — среда характеризуется изменчивостью.

Ср., например, совр. англ. диал. *hagg*: 1) 'a wooded enclosure'; 'a wood', 'a copse', 2) 'a rock or cliff'; 'an abrupt, cliffy prominence'; 3) 'a muddy hollow'; 'a deep hole in a rut'; [ср. семасиологические параллели: нем. диал. *Berg*: 1) 'гора', 2) 'лес'; исп. *monte*: 1) 'гора', 2) 'лес'; русск. диал. *гора*: 1) 'гора', 2) 'лес'; лит. *gire*, лтш. *dzira* 'лес']; совр. англ. диал. *cave*: 1) 'быстрый', 'прыткий', 2) 'вялый'; *bolter*: 1) 'to cohere', 2) 'to splinter'; *boss*: 1) 'hollow', 'empty', 2) 'protuberance'; *cradden*: 1) 'cowardly', 2) 'brave'; *frack*: 1) 'stout', 'firm', 'hale', 2) 'weak', 'delicate'; *to say*: 1) 'to speak', 2) 'to be (keep) silent'; *feck*: 1) 'able', 2) 'worthless'; *gale*: 1) 'hollow', 2) 'protuberance'; *game*: 1) 'gay', 'plucky', 2) 'wavering', 'uncertain'; *goaf*: 1) 'a stack', 2) 'a hole'; *to ravel*: 1) 'entangle', 2) 'disentangle'; *to hackle*: 1) 'to agree', 2) 'to dispute'; *kilter*: 1) 'proper method', 'full understanding'; 'good condition', 2) 'rubbish', 'worthless litter'; 'silly talk', 'nonsense'; *gowl*: 1) 'a hole', 2) 'a swelling'; *to kilter*: 1) 'to elevate', 'lift anything quickly', 2) 'to overturn', 'upset'; 'to crumble', 'to fall away'; *hale*: 'healthy', 'sound'; *halish*: 'pale', 'sickly in appearance', 'sickly'; *brent*: 1) 'steep', 2) 'straight'; *cob*: 1) 'a muddle', 'mess', 'badly executed work', 2) 'top', 'summit'; 'excellent'; 'to surpass'; 'to outdo'; *crank*: 1) 'infirm', 'weak', 'ailing', 'sick', 2) 'brisk', 'listy', 'mergy', 'good-humoured', 'clever'; *to justify*: 1) 'to execute', 2) 'to acquit'.

Интересны случаи, когда энантиосемия представлена не в пределах одного слова (свертывание), а выражается несколькими противоположными по смыслу словами, входящими в

единный комплекс: ср. нем. (берл.) *janein* 'нет' (вместо *nein*), англ. *without* 'без' (*with + out*).

Законы лингвистического равновесия пронизывают языковую структуру, являясь как бы равнодействующей силой, которая объединяет различные участки языковой сетки и регулирует существование языка как целостного единства на всех этапах его развития. Как мы пытались показать, лингвистическое равновесие не перекрывается симметрией языка, языковой экономией (при уравнивании протяженность системы может увеличиваться, что, естественно, не способствует экономии) или компенсацией выпавших звеньев и нередко не имеет ничего общего с этими категориями.

Атомистическая концепция лексики и семантики (часто претендующая на структурность) обычно не идет дальше простой инвентаризации внешне представленных феноменов, нередко произвольно разрывая естественную ткань языка и навязывая языку чуждые ему категории (например, логические типы так называемых семантических полей). Если мы действительно хотим понять сущность языковой реальности и удовлетворительно объяснить ее, необходимо, отказавшись от чисто поверхностного подхода, постараться выявить те глубинные формирующие факторы, которые непрерывно действуют в языке, и, в частности, подробнее исследовать вопрос о лингвистическом равновесии, который, как это ни парадоксально, лишь совсем недавно встал на повестку дня и до сих пор остается на периферии лингвистической проблематики.

Все свойства значений одновременно являются и признаками в лексико-семантическом ряду: каждое из них в зависимости от окружения обязательно символизирует избыточность, недостаточность (и вообще системный статус, в частности нулевую ступень, системный «остаток», системно «пустые» элементы и т. д.), обусловленность соответствующих элементов действием лингвистического равновесия или тенденцией к «терапевтической» консервации. Кроме того, каждое семантическое свойство в пределах системы может оказывать вторичное воздействие, не сходное с этим свойством. Так, в определенных условиях элемент, который обладает, например, критическим свойством или свойством переключаемости, может одновременно обуславливать обратимость, синхронность или совместимость (несовместимость) одного или нескольких элементов системы или нейтрализовать присущие им свойства.

Подобно тому, как комбинация нескольких красок приводит к появлению новых цветов, различные комбинации различных (или одинаковых) свойств в пределах слова или системы обычно приводят к возникновению одного или нескольких новых свойств при полной или частичной элиминации составляющих. При этом в пределах лексико-семантического ряда обычно сталкиваются и взаимодействуют друг с другом не только

свойства отдельных семантем, но и свойства, присущие данной системе в целом, т. е. данной семантической модели, действующей в рамках определенной системы. Аналогичным образом и в грамматике изменение свойств какой-либо части речи в одной плоскости приводит к изменениям ее свойств в другой плоскости (например, изменение числа существительных в румынском языке приводит к изменению их рода). Вполне понятно, что в синхронии определенный континуум лексико-семантических единиц дан в состоянии относительного равновесия, в связи с чем все без исключения семантические свойства представленных в языке лексем должны быть реализованы, так как они по природе своей имеют динамический характер. Такая реализация происходит только в пределах одной системы, но не в пределах одного слова или нескольких элементов различных систем. Именно способность или неспособность тех или иных свойств взаимно реализоваться и нейтрализоваться в системе, совместимость или несовместимость новых значений и свойств, полученных в результате такой реализации, и особенно реактивность или нереактивность этих последних, т. е. способность (неспособность) семантических свойств при реакции потенциально переходить в новые свойства, которые могут (или не могут) вступать в дальнейшие реакции, определяют как иерархию соответствующих семантических свойств, так и жизнеспособность тех или иных лексико-семантических единиц вообще.

Таким образом, семантическую систему языка можно определить как совокупность сосуществующих континуумов семантических реалий и их свойств, структурно взаимообусловленных и взаимосоотнесенных, но иерархически неравноценных между собой. Каждая из этих совокупностей испытывает давление лексико-семантической системы и разлагается (resp. свертывается) по семантическим циклам и свойствам в соответствии с неодинаковыми (качественно и количественно) правилами и моделями и представлена в системе на различных стадиях своего семантического развития.

До сих пор мы отмечали два основных параметра развития лексико-семантических реалий: семантические циклы и семантические свойства. Существует, однако, еще и третий фактор, определяющий механизм лексико-семантического развития — семантическая среда. Дело в том, что ни одно значение и ни одно его свойство немислимо в отрыве от того или иного внешнего окружения определенной конфигурации: в качестве такого окружения или среды может выступать как отдельная лексема или несколько лексем, так и отдельное значение или несколько определенных значений в пределах одной или нескольких лексем. Воздействие среды наиболее ярко проявляется в так называемых окаменелых образованиях [76], в пре-

делах которых удерживаются даже элементы, давно вышедшие из языка: ср. нем. *Leichdorn* 'мозоль (на ноге)', *Orlogschiff* 'военный корабль', *Walfeld* 'поле битвы'. В качестве «удерживающей» среды могут выступать даже аффиксы: ср. русск. *безалаберный* (русск. тверск. диал. *алабер* 'порядок'); *неряха* и др. О том, что семантическая среда является реальностью, недвусмысленно говорит тот факт, что вхождение в язык или выход из языка тех или иных слов и значений, как правило, обуславливает глубокие качественные и количественные изменения в системе в целом или в отдельных звеньях системы. Четвертым фактором, существенно влияющим на семасиологические процессы, является репрезентация тех или иных значений. Мы имеем в виду одновременную или последовательную представленность нескольких ступеней (или одной и той же ступени) семантического цикла в пределах одного или нескольких слов, связи между данными значениями и данными лексемами и т. д.

В ряде случаев данная лексема или семантема (или ряд лексем и семантем) вызывает к жизни определенную лексико-семантическую среду, не только совместимую, но и несовместимую с другими наличными семантемами или семантическими средами, обуславливая их выход из системы или «терапевтическое» изменение в определенном направлении. С другой стороны, лексико-семантическая среда в свою очередь нередко порождает определенную семантему (resp. лексему) или ряд семантем (лексем), жизнеспособность которых в данной системе зависит от их совместимости или несовместимости хотя бы с одной из сред, манифестируемых в системе. Таким образом, представленные в данной лексико-семантической системе семантические реалии (resp. лексем) и лексико-семантические среды взаимно порождают и элиминируют друг друга, тем самым вызывая к жизни новые семантемы (resp. лексем), новые среды и новые их комбинации в системе.

В ряде случаев разные семантические циклы и разные наборы семантических свойств могут существовать в пределах одной и той же среды, а разные среды оказываются совместимыми с одним и тем же семантическим циклом или набором семантических свойств. Чем больше семантических сред связано с той или иной лексико-семантической единицей, тем ниже ее иерархия в системе, тем более непрочен ее системный статус. Поскольку соотношение семантических свойств, значений и сред в пределах семантического цикла, внутри лексико-семантического набора и в пределах лексико-семантической подсистемы — неодинаковы, возникает тенденция выравнивания, уравновешивания этих факторов: чем ниже (resp. выше) иерархия семантического элемента в «малой» системе, тем она выше (resp. ниже) в «большой» системе; чем меньше (resp. больше) отрезок «малой» системы, охватываемый определенными се-

мантическими свойствами, тем больше (resp. меньше) отрезок, охватываемый этими же свойствами в рамках «большой» системы; чем меньше (resp. больше) семантических реалий связано с данной средой в «малой» системе, тем больше (resp. меньше) лексико-семантических элементов связано с той же средой в «большой» системе, чем длиннее семантический цикл, тем меньше семантем входит в среду, необходимую для его существования, и т. д. Суть семантической стратификации (resp. свертывания/развертывания) по семантическим циклам сводится, с одной стороны, к постоянному стремлению элементов лексико-семантической системы к созданию такой комбинации свойств (значений, лексем), которая ведет к конечной семантической величине, критическому значению. Некоторые лексико-семантические элементы развиваются только по линии утраты своих свойств (значений, исходных лексем), а некоторые, наоборот, по линии приобретения новых свойств, значений или лексем, в которых манифестируются те или иные свойства и/или значения. С другой стороны, ответной (защитной) реакцией системы на эту тенденцию является стремление изменить значение (или лексемный состав) в направлении, не совместимом с критической величиной, в направлении нейтрализации критичности, превращения критических величин в промежуточные и сохранения целостности лексико-семантического континуума (поляризация, обратное семантическое развитие, одновременное включение нескольких элементов семантического цикла, переразложение семантического цикла, развертывание того или иного значения в пределах нескольких лексем и др.).

Изучение фактического материала позволяет выявить несколько различных возможностей, способов эволюции лексико-семантических элементов. Укажем на следующие основные случаи.

(1) Данный лексико-семантический элемент или отрезок континуума обнаруживает определенную избирательность (по свойствам, системному статусу, иерархии и др.) в отношении реалий, с которыми он соответственно может (не может) или должен (не должен) вступать в реакцию, т. е. в зависимости от конкретной ситуации вступает, например, в реакцию со всеми элементами определенного ряда, представленными в языке, или только с одним; реакция протекает либо только в пределах слова (лексемы), но не значения, либо только в отношении значения, но не лексемы, которой оно выражается, либо реакция охватывает одновременно и лексему, и значение; реакция происходит лишь в том случае, если в нее вступают несколько лексем, но не значений, или несколько значений, но не лексем, либо, наконец, реакция протекает в пределах нескольких лексем и значений одновременно.

(2) Данный лексико-семантический элемент в своем развитии влияет только на одну и ту же лексико-семантическую

реалию. В то же время данный семантический элемент в своем развитии каждый раз может реагировать только на разные лексико-семантические реалии. В процессе реакции, с одной стороны, выделяются значения, свойства, лексемы, оказывающие воздействие либо на любое другое значение или свойство, либо на определенные свойства и значения, с другой же стороны, лексемы, значения и свойства, реагирующие либо на любые другие свойства и значения, либо только на определенные свойства и значения.

Отметим следующие основные процессы взаимодействия лексико-семантических реалий.

1. «Смешение», «слияние», «растворение» нескольких значений и/или лексем (интеграция). Этот процесс протекает либо только в плане значений, либо только в плане лексем, либо одновременно и в плане значений, и в плане лексем. При этом из двух наличных значений или слов либо возникает новое, третье значение или слово (в частности, и такие значения и лексем, которые ранее вышли из языка), либо сохраняется лишь одна из нескольких взаимодействующих реалий⁴. В ряде случаев в связи с различными системными факторами возникновение этого нового значения (слова) не исключает существования исходных элементов на другом лексико-семантическом ярусе. Отметим прежде всего, что отдельные элементы лексико-семантического континуума удерживаются в системе именно потому, что они либо сами отреагировали (формально или семантически) на присутствие (или отсутствие) определенного набора лексико-семантических реалий, либо заставили отреагировать другие звенья ряда (вплоть до выхода их из системы). Даже отсутствие каких-либо внешних изменений формы слов и их значений в системе, как правило, говорит о том, что они пре-

⁴ Попытки подойти к объяснению «интерференции смыслов» неоднократно предпринимались в специальной литературе (см. особенно работы Б. Поттье, А. Греймаса). Суть этих исследований, к сожалению, неизменно сводилась к эклектичному смешению семантического и компонентного анализа и строилась исключительно на субъективном толковании языковых фактов, рассматриваемых в свете перенесенных на семантику понятий фонологии (архисемема, классема, различительный признак и др.). Так, Э. Косериу [105] следующим образом определяет выдвигаемое им понятие семантической «солидарности»: связь между лексемами, принадлежащими двум различным семантическим полям, одна из которых в своей семантической целостности или частично содержится в другой в качестве различительного признака (семы). Э. Косериу различает три типа «солидарностей»: 1) родственность (Affinitat), 2) селекцию и 3) импликацию, и приводит соответствующие формулы. Речь, таким образом, идет о различной субординации и взаимном пересечении или наложении друг на друга субъективно выделяемых и толкуемых смысловых категорий более высокого или низкого ранга (так называемые ядерные и неядерные семы или семемы), а не о реальном языковом процессе интеграции лексико-семантических элементов, указанном выше. Ничем не отличается от «солидарностей» Э. Косериу и «семантическая контруентность» Э. Лейзи, а также «семантическая совместимость» У. Вайнрайха, который, кроме того, оперирует элементами символической логики.

терпели определенную реакцию, результатом которой явились неизменность их формы и значения.

Весьма велика роль интеграционных процессов при формировании тех или иных лексико-семантических «массивов»: по сути дела большинство членов ряда представляют собой продукт интеграции, причем один и тот же элемент за время своего существования в системе нередко подвергается этому процессу многократно. В этой связи можно указать на тот факт, что на разных этапах развития одной и той же системы одни и те же лексико-семантические реалии изменяют свое значение, форму и функциональную валентность в системе. Те же явления наблюдаются и при развитии одной и той же лексико-семантической единицы в разных системах. С другой стороны, интеграция нередко имеет место в пределах сочетаний слов, ср., например, кит. *шу* 'терять' + *йинг* 'выиграть' = *шуйинг* 'результат', *ху* 'фальшивый' + *ши* 'правильный' = *хуши* 'состояние дел', *зао* 'рано' + *уан* 'поздно' — *заоуан* 'интервал' и др. Нередко процесс интеграции может неоднократно происходить в пределах одной и той же лексемы или семантической реалии, причем вновь вступающие в реакцию лексемы или семантемы как бы наслаиваются друг на друга (ср. англ. *lump* 'кусок' + *munch* 'жевать' = *lunch* 'завтрак', но *breakfast* + *lunch* = *brunch* 'завтрак').

Процесс интеграции, таким образом, по необходимости предполагает наличие определенной степени лексемной или семантической сложности в зависимости от количества и результатов реакций, в которые вступала данная лексико-семантическая реалия в процессе своего существования⁵. При этом лексико-семантическая «сложность» вовсе не означает обязательного увеличения количества значений или протяженности слова.

Иногда интеграция наступает в пределах определенных окружений. Так, например, слова *tot*, *fest*, *satt*, *brach*, *heim*, *empor*, *schwarz*, *blank*, *kalt* в немецких сложных словах *totschlagen* 'убивать', *feststellen* 'устанавливать' (*festmachen* 'закреплять'), *sattessen* 'сытно поесть', *brachliegen* 'оставаться под паром' (о земле), *heimsuchen* 'постигать'; 'поражать'; 'наказывать'; *emporblicken* 'посмотреть наверх', *schwarzgehen* (-fahren) 'ездить зайцем', *blankputzen* (-schleifen, -ziehen) 'начистить до блеска', *kaltstellen* (-lassen, -machen) 'лишать влияния'; 'дать отставку'; 'бойкотировать'; 'обезвредить' фактиче-

⁵ Понятие «сложность семантической структуры» разрабатывалось в лингвистике главным образом в связи с потребностями машинного перевода. В связи с этим указанное понятие не имеет ничего общего с концепцией, излагаемой в настоящей работе. Некоторые лингвисты используют термины «ослабление значения» [*Bedeutungsschwachheit* у А. Регулы (IF, Bd 65, 1960, с. 9), *affaiblissement du sens* у М. Бреалья] или «усиление, сгущение значения» (*eppaïssissement du sens* у М. Бреалья) в традиционном плане, например, когда речь идет о переходе конкретного значения в абстрактное или абстрактного в конкретное.

ски превратились в отделяемые приставки, утратили свое значение и перестали выступать как самостоятельные слова (ср. *Er schlug ihn tot* 'Он убил его' и *Die Sonne ging auf* 'Солнце взошло', *Der Winter kommt heran* 'Зима наступает' и др.). Лексемы же, с которыми эти утратившие свою былую самостоятельность слова сочетаются (соответственно *schlagen, machen, essen* и др.), таким образом, относятся к одному и тому же семантическому уровню (рангу) и обладают одинаковой семантической сложностью. Это становится особенно показательным в свете данных К. Э. Циммера, который установил, что одни и те же лексемы в разные периоды своего развития могли сочетаться или не сочетаться с определенными префиксами [347]. Точно так же интегрируются некоторые слова в пределах идиом: ср. русск. *таков* и *он был таков* и др. Утратили свое лексическое значение и глаголы «быть», «иметь», «становиться» в пределах сложных времен английского, немецкого, французского, шведского и других языков. Наконец, такие слова, как нем. *Hand* 'рука', гот. *leik* 'тело', лат. *mens (mentis)* 'разум', др.-англ. *had* 'состояние', 'положение', 'ранг', при сочетании с определенными лексемами (resp. в определенном окружении) вообще утратили всякую значимость и превратились в суффиксы: ср. нем. *vorderhand* 'пока', *freundlich* 'дружественный', франц. *lentement* 'медленно', англ. *brotherhood* 'братство' и др.

Частным случаем интеграции лексико-семантических элементов является сохранение лишь одной из двух (или нескольких) взаимодействующих реалий (значений или/и лексем). Наиболее наглядны в этой связи следующие примеры: англ. *without* 'без' (*with* 'с' + *out* 'вне'); нем. диал. *mitohne* 'без' (вместо *ohne*); копт. *khelseri* 'молодой' (*khel* 'молодой' + *seri* 'старый'), копт. *ueston* 'близкий' (*ues* 'далекий' + *on* 'близкий'); *latbes* 'связывать' (*lat* 'связывать' + *bes* 'разъединять'); *ebol-khen* 'вовне' (*ebol* 'вовне' + *khen* 'внутри') и др.

Рассмотрим следующие примеры: 1) ср. греч. *hügros* 'мокрый', 'влажный', но авест. *ixsam* 'бык', нем. *Ochs* 'бык' или санскр. *varsati* 'идти' (о дожде), 'мочить' и авест. *varsna* 'мужчина', 'самец', лат. *uerres*, лит. *versis* 'бык', 'самец'; 2) др.-инд. *xsusta* 'жидкий', 'текучий', но др.-инд. *ksud* 'толкать'; др.-инд. *ardati* 'мучить', 'убивать', но *ardra-* 'сырой', 'мокрый'; 3) лат. *aqua* 'вода', 'жидкость', но *aquilus* 'темно-коричневый'; 4) др.-инд. *mud-, muda-* 'жажда', 'желание', 'радость', но *modate* 'быть мокрым'.

Во всех этих случаях один и тот же семантический элемент «мокрый» находится в зависимости от самых разнообразных семантем («самец», «толкать», «темный», «радость»), которые сами по себе независимы друг от друга в системе языка. Подобным же образом самые разнообразные семантические элементы могут быть связаны с одной и той же семантемой «бо-

яться», «страх»: 1) греч. *fobeo* 'боюсь', но *fobe* 'волосы'; 2) нем. *bange* (= *be-ange*, ср. *Angst*) соотносится с *enge* 'узкий', ср. лат. *angor* 'страх', но *angere* 'сжимать', 'душить', лат. *angustus* 'узкий', арм. *anjuk*; ср. греч. *porkes* 'кольцо, служащее для закрепления ч.-л.', 'наконечник копья' и нем. *Furcht* 'страх'. Семантика «бояться» также связана в различных языках с семантиками «бить» и «шуметь», «кричать» (ср. *Buck*, s. v.). Если какие-либо независимые друг от друга семантические элементы при любых реакциях интегрируются одинаково и дают один и тот же семантический элемент, то этот последний мы будем называть общим семантическим членом для всех этих семантем. Чем больше общих семантических членов имеет тот или иной лексико-семантический элемент, тем меньше лексем и значений стремится к этим общим членам; и наоборот, чем меньше общих семантических членов имеет какой-либо лексико-семантический элемент, тем большее количество значений стремится к этому общему члену (например, количество элементов, стремящихся к единому общему семантическому члену, в английском слэнге больше, чем в литературном языке).

Отметим, что семантически зависимые, связанные между собой элементы не могут интегрироваться. Такие элементы обычно образуют замкнутый семантический ряд, как бы вращающийся по кругу; они либо сосуществуют, либо переходят друг в друга.

При рассмотрении явления интеграции особенно очевидной становится целостность лексико-семантической системы на ее различных уровнях. Значения лексико-семантических реалий, сосуществующих в пределах одной и той же системы на определенном этапе ее развития, никогда не интегрируются. В то же время в рамках многозначного слова отдельные значения также никогда не интегрируются: все звенья системы, как крупные, так и более мелкие, характеризуются нулевой величиной взаимной реактивности.

2. Другим возможным процессом взаимодействия лексико-семантических реалий, в значительной мере связанным с явлением интеграции, дополняющим, а нередко и порождающим его, является их разложение, дезинтеграция. В качестве примера дезинтеграции можно указать хотя бы на тот факт, что в индоевропейских языках семантика «тянуть» раскладывается на следующие не связанные между собой компоненты: 1) 'время'; 2) 'пробовать'; 3) 'мочь', 'быть способным'; 4) 'тяжелый'; 5) 'грустный', 'вялый'; 6) 'препятствовать' (*Buck*, s. v.). Единый элемент, из которого исходят все эти значения, мы будем называть общим членом дезинтеграции. Отметим, что полученные путем разложения элементы при вступлении в реакцию вовсе не обязательно снова образуют первоначальные семантические реалии (такие элементы вообще не

всегда могут вступать в реакцию между собой) и вовсе не во всех случаях соответствуют тем, которые ранее послужили исходными для получения соответствующей интегрированной единицы. Некоторые авторы (особенно те, которые занимаются так называемой формализацией естественных языков) считают, что если элемент А может переходить в В, но элемент В не может давать А, то В «сложнее» А. Вполне возможно, что указанное положение уместно для искусственных языков, используемых и исследуемых при машинном переводе. Однако оно никак не соответствует реальным закономерностям живых языков, особенно в области семантики. Необратимость значения является необходимым условием не только для интеграции, но и для дезинтеграции (т. е. имеет место и при упрощении смысловой сложности). При этом при семантической интеграции, как мы уже говорили, вовсе не всегда получаются более сложные элементы по сравнению с исходными: большее количество реакций не всегда влечет за собой усложнение смысловой структуры конечного элемента. В ряде случаев, напротив, интеграция может привести к упрощению семантики. Но и при разложении отнюдь не всегда изменяется форма той или иной лексемы или ее значение, а только ее свойства или иерархия.

Дезинтеграция — это не обязательно чисто количественная категория: при интеграции могут образовываться несколько реалей (лексем и значений), а при дезинтеграции — только одна (ср., в частности, неодинаковую синтаксическую сочетаемость одной и той же семантемы и/или лексемы в различных территориальных и социальных диалектах одного языка или в различных языках). В этой связи интересно отметить, что в некоторых языках (особенно в африканских или в языках американских индейцев) разные семантемы и соответствующие лексемы при их синтаксическом употреблении как бы сливаются, интегрируются, сходятся в одну семантему. Однако можно наблюдать случаи, когда одна и та же семантема при ее синтаксическом употреблении семантически как бы разлагается на несколько (ср., например, английские глаголы *to make, to get, to have*, франц. *tenir, aller, venir* с предлогами и др.).

3. Семантическая ассимиляция и диссимиляция. Речь идет, с одной стороны, о процессе, при котором тот или иной лексико-семантический элемент может передать компоненты манифестируемых в нем семантических последовательностей другому лексико-семантическому элементу, которому они несвойственны, а с другой стороны, — о процессе, при котором тот или иной лексико-семантический элемент может под влиянием существующей в той же системе другой семантемы изменять свое значение в направлении, не совместимом с манифестируемыми в нем лексико-семантическими последовательностями. Рассматриваемый процесс не имеет ничего общего ни с известным явлением семантической контаминации значе-

ний (в том числе и с рифмованным образованием значений), ни с так называемой семантической синэстезией, а представляет собой явление, связанное обычно с переинтеграцией системы. Именно явлениями семантической ассимиляции и диссимиляции во многих случаях можно объяснить нередко встречаемые в языке „неожиданные“ смысловые переходы: в языке часто возникает противоречие (асимметричность) между семемной и лексемной комбинаторикой языковых единиц — совместимые значения нередко сочетаются с несовместимыми лексемами, а в совместимых лексемах реализуются несовместимые значения. Так, синонимический ряд нередко предстает как результат транспозиции одного значения (с теми или иными вариантами, обусловленными системностью) на несколько лексем, не совместимых в одном континууме. На это указывает тот факт, что те же лексемы в другом одновременно сосуществующем лексико-семантическом континууме (например, в близкородственном языке или на другом этапе существования рассматриваемого языка) уже не выступают как синонимы. С другой стороны, несколько значений, не совместимых в данном континууме, могут сосуществовать, транспонируясь на лексемы, являющиеся неотъемлемой частью этого континуума: так, нем. (арго) *Affe* означает не только 'обезьяна', но и 'опьянение' [подобное же явление наблюдается в итальянском (*monna; scimia; bertuccia*), в испанском (*mona*), в чешском (*opice*), в английском (*to suck the monkey* 'напиться пьяным')]; др.-англ. *sneithan* означает не только 'резать', но и 'ассумбеге' и т. д. Ср. также лит. *mokeiti* 1) 'знать, уметь, владеть (языком, ремеслом)', но также 2) 'платить, оплачивать (долг)'; франц. *causer* 1) 'обусловливать', 'быть причиной', но также 2) 'беседовать'.

Для понимания сущности языка важно не только осознание огромной роли лингвистической комбинаторики в создании многоуровневой, многоярусной архитектоники языка, но в еще большей степени понимание того факта, что сосуществующие комбинаторные варианты постоянно нарушаются и затем снова уравниваются на основе разного рода «терапевтических» закономерностей. Это, в свою очередь, ведет к значительным качественным и количественным перестановкам, «не предусмотренным» условиями того или иного комбинаторного уклада. Именно благодаря нарушениям тех или иных комбинаторных вариантов в ряде случаев значение слова нельзя признать изначальной характеристикой той или иной лексемы, присущей ей по принципу *fūsei*, или возникшим в результате естественного преемственного развития одного и того же значения. Во всех этих случаях речь может идти только о чисто комбинаторном происхождении значений. Более того, любое из значений, возникшее чисто комбинаторно, может в дальнейшем выступать в качестве исходного и подвергаться новым комбинаторным изменениям. В свете сказанного

становится ясным, что даже одна и та же лексема, обладающая одним и тем же значением, но представленная в разные периоды развития языка или в близкородственных языках, все же не может быть признана идентичной самой себе, ибо она, как правило, входит в различные комбинаторные уклады. Разные значения одной и той же лексемы в близкородственных языках также нельзя признать преемственно связанными по указанным причинам.

Семантическое развитие проходит на различных структурных уровнях, позволяющих выделить неодинаковые системно-функциональные ранги (ступени) одного и того же значения. Не следует смешивать такие понятия, как ранг (ступень) значения и ступень интеграции (дезинтеграции). Каждый из рангов значения даже при материальной идентичности лексико-семантических реалий, обладающих различными семантическими рангами, характеризуется неодинаковыми (присущими лишь данному рангу) семасиологическими процессами. Имеются в виду два основных вида семантических изменений: 1) линейное развертывание семантического ряда по семантическому циклу, при котором каждый последующий член зависит от предыдущего и не совместим с ним, но является не результатом реакции нескольких семантем, а итогом необратимой вариации только одной семантемы в определенном окружении, причем как исходной, так и конечной может быть только одна строго определенная семантема. При линейном развертывании нет и не может быть общего семантического члена, поскольку в этом случае ряд развивается по направлению к критической величине; 2) комплексное семантическое изменение (интеграция, дезинтеграция), при котором несколько независимых семантических элементов, вступая в необратимую реакцию с различными элементами, стремятся к общему семантическому члену, который, в свою очередь, обладает различным функционально-структурным рангом по отношению к исходным элементам (при дезинтеграции, наоборот, от одного общего члена исходят несколько независимых семантических элементов). Каждый семантический ранг характеризуется также неодинаковым набором семантических свойств, которые обуславливают возможность или невозможность определенных значений или лексико-семантических реакций. Если в реакцию вступают элементы различных семантических рангов, то одно из взаимодействующих значений элиминируется, а другое остается неизменным; элементы одного и того же семантического ранга не могут вступать в реакцию и не имеют общего члена. Смена различных значений в процессе семантического цикла еще не означает смены различных ступеней значения: самые различные значения (входящие или не входящие в один и тот же семантический цикл) могут быть просто проявлением «защитной» вариативности, но принадлежать при этом к одному и тому же

структурному рангу, тогда как одно и то же значение в зависимости от условий окружения может выступать на различных семантических уровнях. Таким образом, не всякое новое значение представляет собой семантическое изменение и не всякое семантическое изменение есть разложение по циклам.

Каждому семантическому свойству или комбинации свойств, как правило, соответствует определенный ранг значения в пределах цикла или более крупной системы. Именно в связи с неодинаковым статусом свойств одни и те же корни в близкородственных языках и на разных этапах развития одного языка представлены не одними и теми же семантическими элементами. В то же время каждое значение предполагает наличие той или иной комбинации семантических свойств. В связи с этим открывается возможность определять явно не манифестируемые свойства значений по конкретной семантической и лексической репрезентации, а также на основе одновременного изменения семантики и лексемного состава членов данного лексико-семантического ряда. С другой стороны, на основе семантических свойств можно восстановить не представленные в языке значения, определить возможность и направление дальнейшего семантического развития слова и его лексико-семантическое окружение. В самом деле, совместимые значения, например, не образуют цикла, вариативность исключает интеграцию, возникновение одних и тех же лексемных зависимостей нередко ведет к семантической регенерации, а появление семантических зависимостей приводит к регенерации некогда выпавших, но необходимых для этой зависимости лексем. Ярким доказательством зависимости значений от семантических свойств и влияния свойств на значения могут служить семантические параллели. Интересен в этой связи и тот факт, что явление энантиосемии (т. е. обратимая семантическая последовательность) возможно отнюдь не от всех значений, а ограничивается такими семантемами, как «большой — маленький», «купить — продать», «хороший — плохой» и несколькими другими. Любая лексема по необходимости характеризуется определенным системным статусом и способна в связи с этим накладывать ограничения на возможности отражения в ней (или в других словах той же системы) различных частей данного семантического спектра. Значение же в свою очередь по-разному отражается в пределах данной лексико-семантической системы (в нескольких лексемах, в одной лексеме) и неодинаково воздействует на форму и существование лексем (ср. усечение слов типа франц. *gaine* < лат. *vagina* и выход их из языка).

В ряде случаев при эллипсисе сложных слов оставшаяся после укорочения часть лексемы принимает значение отпавшей части, к которой она не имеет никакого отношения. В новогреческом языке широко распространено отрицание *den* (из др.-греч. *ouden*), хотя истинное отрицание *ou* отпало. Вместо

словенского *nobeden* в восточномакедонских и болгарских диалектах находим *boedin*.

Количество не отраженных в языке семантических компонентов цикла находится в прямой зависимости от количества представленных лексем, в которых манифестируется тот или иной из этих компонентов, и в обратной зависимости к количеству представленных в этих лексемах компонентов семантического спектра. Так, в современном английском слэнге отражается лишь один компонент следующего семантического спектра: «делить, наделять» (ср. др.-инд. *bhajati*) → «господин, бог» (ср. др.-инд. *bhagah*, авест. *baga*) → «счастье, богатство» (ср. др.-инд. *bhagah* 'богатство', 'счастье', русск. *бог, богатство*) → «кушать; еда» (др.-инд. *bhaktam*, греч. *fagein*), но этот компонент представлен в нескольких лексемах, первоначально не имевших ничего общего с понятием «еда»: *chop, chuck, grub, junk, muggins, prog, scoff, scran, sock, truck, tuck*. С другой стороны, в древнеиндийском отражается сразу несколько компонентов семантического спектра «терять → красивый → чистый → маленький → мокрый → черный → радость, желание → бык, самец», но все эти компоненты представлены в пределах одной лексемы: ср. 1) др.-инд. *modate* 'радуется', *moda* 'похоть', 'желание', 'радость', *mud-*, *muda-* 'желание'; 'радость', *mudra* 'радостный'; 'похотливый', но 2) др.-инд. *modate* 'быть мокрым' [ср. лат. *madeo* '(я) мокрый', греч. *mūdos* 'сырость']; ср. параллель: др.-инд. *sneha* 'склонность', 'любовь' и *snihyati* 'становится мокрым' и 3) др.-инд. *mudira* 'облако' (ср. др.-ирл. *muad* 'облако'). Ср. ср.-ирл. *dobur* 'вода', но ирл. *dub* 'темный', 'черный', норв. и швед. диал. *dunken* 'сырой', но ср.-ирл. *dem* 'черный', 'темный', норв. *daam* 'темный', *daame* 'облака', 'небо, покрытое облаками', нем. *dunkel* 'темный' и др.

В связи с разбираемой закономерностью интересно проследить качественное и количественное соотношение слов и значений, выходящих из языка, и входящих вместо них в язык лексико-семантических элементов (как исконных, так и иноязычных), например, массовый выход древнеанглийских слов в период норманского завоевания и замену их соответствующими французскими. В процессе такой замены одно исконное слово может замещаться несколькими иноязычными, но может и соответствовать лишь одному заимствованному слову; в то же время несколько исконных слов могут замещаться лишь одним заимствованным.

Указанная закономерность в ряде случаев может, однако, нарушаться в связи со следующими обстоятельствами. Многие семантические элементы языка являются зависимыми, т. е. возможность их существования связана обычно с одновременным наличием в системе нескольких других семантических элемен-

тов, обладающих определенным системным статусом. Такая зависимость [в качестве «окружения», как мы видели, могут выступать (1) однозначные элементы и (2) члены одного и того же семантического спектра; к этому следует добавить (3) элементы единого лексико-семантического ряда, особенно в случае многозначных слов] неизменно препятствует семантическому развитию взаимосвязанных лексем. При этом по мере семантического развертывания состав окружения, естественно, изменяется качественно и количественно. С другой стороны, отражению в языке всех элементов семантического спектра противостоит возможность или невозможность их совместимости, в частности, в связи с колебаниями семантического ранга этих элементов. Если, например, значения, которые должны отражаться в той или иной лексеме, не совместимы с этой лексемой, то они манифестируются в различных лексемах; если же две или несколько лексем, в которых отразились те или иные значения, не совместимы между собой в данных значениях, то эти значения манифестируются лишь в одной лексеме, за исключением случаев, когда эти слова претерпевают определенные структурные изменения (подвижные формативы, укорочение слов, вставное *-r-*, метатеза и др.). Именно несовместимость в системе является одной из основных причин выхода из языка слов и значений, а также своеобразного семантического «замыкания», не допускающего развертывания по семантическим циклам [ср. нем. *horen* 'слышать', но *aufhören* 'прекращать' (ср.-в.-нем. *horen* 'прекращать'), *gehören* 'принадлежать', *fallen* 'падать', но *gefallen* 'нравиться' и др.]. Именно несовместимость ведет в ряде случаев к необходимости для передачи тех или иных значений пользоваться в языке описательными выражениями, ибо в этих случаях в языке, видимо, отсутствуют определенные лексемы, совместимые с этими значениями. Ср. франц. *mont-de-piete* 'ломбард' (букв. 'гора благочестия'), *beaucoup* 'много' (букв. 'хороший удар'), *quatrevingt-dix* 'девятносто', *se tenir debout* 'стоять', нем. *zumachen* 'закрывать', *wehtun* 'болеть' и др.

*«Man müßt mich nicht durch Widerspruch verwirren!
Sobald man spricht, beginnt man schon zu irren!»*

W. Goethe

*«Die Worte werden dir manches sagen,
Verstehst du nur sie auszufragen»*

P. Heyse

Глава II

АСИСТЕМНОСТЬ, ОБУСЛОВЛЕННАЯ ОШИБКАМИ (антиномия свободы и необходимости)

В развитии лингвистической теории за последние два столетия все более явно обнаруживается тенденция к максимальному обобщению и кодификации языковых факторов. В центре внимания исследователей оказываются вопросы о свойствах, связях, зависимостях, соотношениях и соответствиях лингвистических элементов, о возможных и невозможных способах их организации, об условиях, причинах и следствиях их сосуществования и эволюции, т. е. все те моменты, которые в их совокупности теперь принято называть системой. Понятие это неопределенно и противоречиво — оно нередко либо уравнивается в своем значении с понятием «схема», либо смешивается с качественно отличным от него понятием структуры, либо скрывает за собой атомистическое, несистемное исследование (ср., например, многие попытки построения лексико-семантической системы).

В лингвистике последнего времени вошло в практику подводить любые явления языка под систему, постулировать обязательную связь языковых феноменов, не задаваясь вопросом о том, что такое связь и какова ее роль в системе, как и почему связаны данные элементы, в каких случаях возможны или невозможны те или иные виды связи и др. Между тем еще Ф. Бэкон справедливо отмечал, что «человеческий разум по своей склонности легко предполагает в вещах больше порядка и единообразия, чем их находит. В то время как многое в природе единично и совершенно не имеет себе подобия, он придумывает параллели, соответствия и отношения, которых нет» [16, с. 118].

Особенно шаткой и произвольной представляется методика установления возможных и невозможных путей лексико-семантических преобразований, впервые сформулированных в виде

так называемых семантических законов Х. Шпербером и Ф. Бехтелем и с тех пор не претерпевших почти никаких изменений. Во главу угла обычно ставятся фонетические соответствия, семантическая же близость фонетически сопоставимых слов основывается лишь на логических и психологических ассоциациях отдельных исследователей (или даже на «здоровом смысле»), отличающихся крайней субъективностью и нередко ведущих к множественности («неединственности») семасиологических решений.

Одна из основных ошибок предложенных до сих пор объяснений семантических преобразований, с нашей точки зрения, состоит в том, что смена значений понимается как изолированный, линейный, одномерный и одноплоскостной процесс *ad hoc*, оторванный не только от всего комплекса различных (по своей природе, свойствам, иерархии и совместимости) феноменов, одновременно действующих в языке, но и от взаимодействия формы и количества лексем при подобных изменениях. Весьма показателен в этом отношении так называемый принцип простоты лингвистического исследования, который нередко превращается в преднамеренное упрощение фактов и игнорирование сложных соотношений и связей внутри языка [89]. Для выяснения причин и возможностей семасиологических изменений важно принять во внимание не одну какую-либо возможность или линию такого развития, а всю совокупность соответствующих явлений. Следует учитывать, как отмечал Гегель, **«цельность, совокупность моментов действительности»**, которая в своем **развертывании** оказывается необходимостью» (цит. по [5, с. 141]).

Однако наряду с выяснением вопроса о том, почему и каким образом происходят семантические преобразования в каждом отдельном случае, необходимо поставить и следующий основной вопрос: всегда ли и все ли лексико-семантические преобразования обусловлены только закономерностями, существуют ли какие-либо другие факторы, обуславливающие такие изменения, и (если да) в каких пределах они могут действовать. Иными словами, можно ли утверждать (как это делают сторонники семантических законов), что лексико-семантические преобразования заранее «заданы» и являются своеобразными «языковыми генами», или, наоборот, правомерно ли считать (как это делают поборники фонетической этимологии), что любая лексема (в отличие от звуковых единиц) может претерпевать любые семантические изменения при условии, что эти изменения оправдывают «фонетическое» тождество сопоставляемых слов. Ниже будет сделана попытка подойти к решению именно этих проблем, представляющих, как нам кажется, не меньшую важность, чем установление определенных семасиологических связей: характер соотношения закономерных и отклоняющихся от закономерности явлений, т. е. фактически необходимости и сво-

боды в языке, может явиться тем контрольным критерием, который позволит определить, в какой мере та или иная реконструкция исторического становления лексико-семантических элементов отвечает языковой реальности.

Ошибки в языке (т. е. явления, не соответствующие определенному языковому узусу, а также незамеченные контаминации отдельных слов и значений, неправомерный перенос значений одних слов на другие) возникают в результате самых различных причин [177]. Сюда относятся не только спонтанные, чисто психологические или индивидуальные факторы речи [229; 301; 331], но и такое распространенное в языках явление, как заимствование. Известный английский лексикограф С. Джонсон в предисловии к своему «Словарю» писал, что слова изменяют свои «манеры» (manners), как только они покидают свою родину. Г. Габеленц справедливо отмечал, что любые инновации в языке первоначально представляют собой ошибки. Безусловно ошибочными с точки зрения синхронной языковой системы являются и слова, искусственно создаваемые *ex nihilo* и преднамеренно вводимые в языки, например, такие, которые Й. Аавик ввел в свое время в эстонский язык [274], а также образования, возникающие на почве пуризма. Особым видом языковых ошибок, который в последнее время все меньше оказывается в поле зрения исследователей, являются фонетические, формальные и семантические искажения и ошибки, возникшие при глоссировании древних письменных памятников из-за небрежности или неграмотности писцов. Впоследствии эти ошибочные формы и значения проникали в язык и становились общеупотребительными, не осознаваясь говорящими как неверные. Только тщательный филологический анализ, основанный на привлечении и сопоставлении большого фактического материала, может вскрыть такие ошибки, в частности фонетические, нередко принимаемые за регулярные соответствия (или, наоборот, отклонения от них) или толкуемые как фонетические варианты [177; 235; 236; 257; 259, с. 264]. Ошибки наблюдаются и в словообразовании: в ряде случаев, например, произвольно вычлененные осколки слова в американском варианте английского языка новейшего времени превратились в продуктивные суффиксы (ср. *alcohol-ic* > *alco-holic*, *tobacco-holic* 'nikotinsüchtig', *gummo-holic* 'kaugummisüchtig', *worko-holic* 'arbeits-süchtig', *hamburg-er* > *ham-burger*, *beef-burger*, *cheese-burger*, *basket-burger*, *husky-burger*, *wimpy-burger*). Ср. также возможность произвольного членения слов в английском слэнге (типа *abso-bloody-lutely*), что напоминает о соответствующем явлении в готском.

Следует отметить, что до сих пор усилия семасиологов и этимологов, подбирающих самые разнородные лексико-семантические соответствия к одному и тому же слову, в большинстве случаев были направлены на установление связей исследуе-

мых слов, хотя неоднократно указывалось на то, что «параллельно лексические часто являются спорными» и что «значительную большую доказательность представляют лексические различия в сочетании с грамматическими» [22, с. 23—24] и (добавим) фонетическими. При оценке тех или иных явлений языка (и, в частности, лексико-семантических) приходится считаться, таким образом, не только со сходствами в рамках различного, но и с различиями в рамках сходного, учитывать «единство многообразия или многообразие в единстве» [11]. При прочих равных условиях возможности произвольности и случайности в этом последнем случае значительно меньше, чем при сопоставлении сходств. Нельзя в связи с этим не вспомнить высказывание Ф. Бэкона, который отмечал, что «...уму человеческому постоянно свойственно то заблуждение, что он более поддается положительным доводам, чем отрицательным, тогда как по справедливости он должен был бы одинаково относиться к тем и другим; даже более того: в построении всех истинных аксиом большая сила — у отрицательного довода» [16, с. 119].

Одним из видов таких различий наряду с часто игнорируемыми диалектными факторами являются отклонения, обусловленные ошибками при переписке текстов. В этой связи интересно отметить, что зарегистрированное у Ф. Миклошича на основании неверного чтения одного из списков «Хождения игумена Даниила» мнимое слово *leso* 'озеро' (Vasmer, s. v.) сразу же было сопоставлено с др.-прус. *layson, laysson* 'озеро', причем такое сопоставление оказалось не менее ошибочным, чем само слово *leso*. Ирландское слово *cobla* 'любовь' сопоставляют обычно со словами, относящимися к индоевропейскому корню **leubh* (др.-англ. *lufu*, др.-в.-нем. *liubi*, англ. *love*, нем. *Liebe*, русск. *любовь* и др.), хотя, как показали специальные исследования, оно является мнимым и, следовательно, его вряд ли можно сопоставлять с каким-либо словом вообще (см. Zf.celt. Ph. Bd XX, с. 229). Особенно показательным в этом отношении является немецкое слово *Minne* 'любовь', которое также оказывается мнимым. Эта лексема, которая к XV в. уже почти вышла из употребления, в XVIII в. была снова введена в язык поэтами-романтиками (ср. также голл. *minne*). Указанное слово обычно сопоставляется с производными от индоевропейского корня **men* 'думать': гот. *gaminthi* 'память', лат. *memini* 'вспомнить', *mens* 'разум', греч. *mēnos* и др. Изучение письменных памятников и, в частности, глосс, однако, показывает, что перед нами образование, восходящее к ошибочному расчленению слов *abominosus, abominatio* и др. в латинско-немецких глоссах (*abo-minosus*), т. е. своеобразный «осколок» латинского слова, который был ошибочно принят переписчиками за самостоятельную немецкую лексему. Если учесть, с одной стороны, что элемент *abo* воспринимался глоссаторами как др.-в.-нем.

aba 'Mann', 'Ehemann' (особенно в связи с тем, что лат. *abominare, abominosus* и др. нередко интерпретируются писцами как производные от *homo* 'человек': ср. *abominosus. ab homo scribitur cum h* — Diefenbach, с. 2), а с другой стороны, то обстоятельство, что синонимичная слову *abominosus* лексема *maligna* в глоссах нередко ошибочно уравнивается с *magna, minnaen* (ср. др.-англ. Cant. Ps., fol. 60 — *maligna* l. *magna, i. superba*, ср. также Cant. Ps. 104, 15 — *malignari, thaem minnaen*, но также 105, 21 — *magnalia, thae minnaen*), становится очевидным, что слова *abominosus, abominatio* и др. вполне могли контаминироваться с такими образованиями, как *hominium: hulde, holde, gelibnuß* и *hominium, i. hominis seruicium. munschen dyenst* — Diefenbach, с. 279 (ср. ср.-в.-нем. *holde* 'Dienstmann', но совр. нем. *hold* 'treu', 'ergeben'; семантическое развитие этого слова происходило по схеме: 'dienstbar' > 'ergeben', 'treu', ср. Kluge, с. 314, 319). Можно полагать, что лат. *malignus*, как это часто бывает с религиозной номенклатурой в глоссах (*malignus* — эпитет дьявола), из соображений табу было сокращено до *minus* [ср. такие сокращения, как лат. *spiritus* > *spus, dominus* > *donus*, др.-англ. *drihten* > *drih', diobul* > *diul, diulas* и др.; слова религиозного содержания из эвфемистических соображений нередко подвергались энантиосемии: ср. санскр. *asura* (epithet of the gods), но также 'a demon' — Buck, с. 1487], которое впоследствии было либо контаминировано с указанным осколком слова *abominosus*, либо воспринято как самостоятельная германская лексема.

В этой связи интересны следующие вульгарнолатинские образования в глоссах, имеющие полярные значения: с одной стороны, *abominosus. i. fortunatus. gluckselig, gluckseligkeit*, но также *ungeluckselich* (Diefenbach, с. 2), а с другой стороны — *minabundus. treu-hafftig, treu-achtig; minaciter, treuwelich, treulich*, но также *trotzlich; minax, treuwig*, но также *trotzlich*, ср. еще *minus. i. truutor. lantlauffer, lodder, freyhart, gaugler* (Diefenbach, с. 361), *minnarius. i. maritus cuius uxor mechator et ipsi tacet sim. goeckelman, kocklion, eyn hennen faster* (Diefenbach, с. 381). Ср. швейц. *minlich* 'ekel im Essen' (Staub — Tobler, IV, с. 315), шваб. *Minne* 'grindiger Kopf' (Fischer, IV, с. 1680), нем. арг. *Minne, Manne* 'Qual' (Wolf, с. 2274). Интересно, что в германских языках особенно распространилась форма этого мнимого слова с другой огласовкой: др.-англ. *man*, др.-в.-нем. *mein*, др.-сакс. *men* 'nefarius', 'profanus', 'furnestus'.

В литературе нередко сопоставляются фонетически с другими словами и так называемые Buchstabenwörter (т. е. мнимые слова, совпадающие с алфавитным звучанием той или иной начальной буквы в лексеме), что, естественно, вряд ли допустимо. Ср. англ. диал. *aitch* 'a mantle-piece' (по первой букве в *hearth*); англ. литер. *ache* 'боль' < др.-англ. *aese* — по вуль-

гарнолатинскому названию первой буквы (**accha*, **ahha*, ст.-франц. *ache*, ср.-англ. *ache*) в древнеанглийском слове *hearm* 'боль', 'страдание'; англ. диал. и слэнг *to gee* 'to suit' (по первой букве в слове *to go*, ср. русск. *это платье идет тебе*); англ. слэнг *jay* 'an amateur', 'an inferior actor'; 'a fool' (по первой букве в слове *juggins*); англ. литер. *cue* 'direction for an actor's appearance' [по первой букве лат. *quando*, т. е. 'when (the actor has to come in)']; совр. н.-нем. *Em(el)*¹ 'Querholz' по первой букве слов: бавар. *Matz* 'knorriger Holzblock', швейц. *Matz(en)* 'grosse Holzkeule', др.-англ. (*wull*)-*mod* [ср. совр. англ. диал. *maiden* 'a clothes-horse', др.-в.-нем. (*wolla*)-*meit* 'colus' (ср. др.-англ. *am*<**aem* 'the reed a weaver's loom')]; н.-нем. *Am Eiter* — по первой букве немецких диалектных слов: *Maggi* 'Durchfaule oder Klauenseuche', *Maggen* 'Faulniswunde', *mauklen* 'krankeln', 'bald zu Grund gehen', (*G*)*mauch* 'trockenfaul (von Früchten)'; англ. диал. *ea* 'a watercourse' <*eagre*, *eger*, *egon* 'a tidal wave in a river' — EDD, II, 224. Алфавитное название первой буквы в др.-в.-нем. *freisa* 'опасность', 'испытание', ср.-в.-нем. *vreise* (ср. гот. *fraisjan*), нидерл. *vrees* 'страх', очевидно, легло в основу уже самостоятельных слов — др.-исл. *ej*, *if* 'сомнение', др.-сакс. *ef*, др.-исл. *ef*, *if*.

В английских территориальных диалектах используется глагол *to be* в значении 'нести расходы', 'платить'. Глагол этот представляет собой не что иное, как алфавитное название первой буквы в выражении *to break through with* 'платить', употребительном также в слэнге. Др.-англ. *a*, *ae* 'lex' <др.-англ. *aew* (ср. нем. *ewig*, в нем. *Ehe* буква *e* повторена дважды); англ. диал. *o*, *oe* 'внук' (<гаэльск. *ogha* 'grandchild'); англ. диал. *ee*-(*grass*) 'aftermath or second crop of grass' (<англ. диал. *eddish*); англ. диал. *ess(e)* 'an earthworm' (<*serpent*); франц. *de* (<лат. *digitus*, франц. *doigt*) 'наперсток'; англ. диал. *kay* 'left'; 'crooked' — по английскому названию первой буквы в брет. *kleiz*, ирл. *kle* 'левый'; англ. диал. *to see* 'схватить' (по первой букве в слове *to catch*, ср. *to see hold of* 'to catch hold of'); англ. слэнг *dee* 'a pocket-book' (<*diary*); нем. арго *keß* 'gescheit' (по первой букве др.-евр. *chochem* в том же значении); нем. арго *Kah* 'Dirne' (<*Kebse*). Интересны слова, составленные из алфавитного названия нескольких букв (акрофония), например, др.-исп. *abze* (варианты — *abce*, *auze*, *alze*) 'fate', 'luck' (ср. семасиологическую параллель: англ. *to spell* 'читать по буквам', но *to spell* 'to cast an evil spell'); ср. также

¹ Вполне возможно, что вторая часть этого диалектного слова совпадает с алфавитным названием первой буквы синонимичной лексемы, представленной др.-англ. *lorh* 'colus'; 'liciatorium' (ср. нем. диал. *Lork* 'Schürke', *Lorch* 'Riese'). В нижненемецких диалектах имеется омофон разбираемого слова — *Ammel*, *Emel* 'Blutlaus', др.-англ. *emel*, *aemil* 'cuculio', 'a cankerworm', 'caterpillar', 'weevil', который, по всей вероятности, представляет собой сочетание алфавитных названий первых букв в словах: нем. *Mücke* (или нем. диал. *Miere* 'муравей') и нем. диал. *Lind* (ср. нем. *Lindwurm*).

англ. *geep* 'небольшая военная автомашина ('general purpose car'), русск. *хабе* 'военная одежда из хлопчатобумажной ткани'; англ. *chum* (по первым звукам в словах *chamber-mate*) 'закадычный друг'; амер. слэнг *gee* < *a glass* 'стакан'.

Можно полагать, что так называемые расширители, или детерминативы (во всяком случае те из них, которые являются наиболее достоверными), в ряде случаев представляли собой первые буквы или осколки тех или иных слов (в том числе и незасвидетельствованных), причем эти элементы, видимо, могли добавляться к отдельным слогам других слов (эти слоги нередко принимаются за самостоятельные слова). В связи с тем что при объединении согласных Aplaut'ов в единое «слово» между ними не только в различные периоды развития языка и на различных территориях, но также и в близкородственных языках могли вставляться неодинаковые согласные, при сопоставлении соответствующих слов эти последние часто не совпадают; невозможность применить здесь известные фонетические закономерности нередко приводит к отрицанию какой-либо связи между подобными образованиями.

Известно, что названия букв в некоторых алфавитах несут определенное вещественное значение. Ср. в англо-саксонском: *b=birce* 'birch', *o=cen* 'a torch' или *cene* 'bold', *d=daeg* 'day', *e=eh* 'a war-horse', *f=feoh* 'money', *g=gifu* 'gift', *h=haegl* 'hail', *l=lagu* 'sea', 'water', *m=man*, *s=sigel* 'sun' и др. Ср. также в других языках: семит. *gimmel* 'a camel', *bet* 'a house', *dalet* 'a gate', ст.-слав. *глагол*, *добро* и др., греч. *gamma*, *delta* и др.².

Есть основания полагать, что многие слова в индоевропейских языках представляют собой сочетание первых (или любых других) слогов нескольких (особенно синонимичных) лексем, а в некоторых случаях даже эквивалентны одному слогу тех или иных слов, особенно вышедших из языка или не засвидетельствованных письменностью (акронимия). Такие мнимые слова, получившие «права гражданства» в языке, естественно, не поддаются анализу на основе закономерных звукосоответствий. Со временем подобные искусственные образования могли сами разлагаться на слоги, которые в сочетании с отдельными слогами других слов в свою очередь образовывали новые мнимые слова, отличные от исходных.

Исследование подобных слов имеет огромную общетеоретическую важность, ибо дает возможность иначе оценить сферу действия и результаты известных фонетических, семасиологических и словообразовательных процессов. Нельзя упускать также из виду, что мощным источником возникновения мнимых

² Во многих из этих случаев мы имеем дело с пиктографией или с «математическим» значением букв. Интересны также случаи метафорического использования цифр в определенном вещественном значении, сокращения компонентов сложного слова до начальных букв [119; 237; 335; 342].

слов и значений является анаграмма во всех ее социолингвистических, идиолектных и территориальных разновидностях, особенно в сочетании с акронимией. Интересно, например, известное «магическое» сочетание букв *abracadabra* и связанное с ним *abraksas*, независимо от того, имели ли они чисто символический смысл [эти сочетания обычно писались на особых табличках или каменных плитах в виде треугольника, образуемого одиннадцатикратной записью указанных комбинаций букв, причем каждая последующая строка содержала на одну букву меньше, чем предыдущая: подобные таблички и плиты использовались для изгнания лихорадки или как талисман (сумма цифрового значения букв составляла 365, т. е. количество дней в году)], или обладали каким-либо вещественным значением. Было сделано немало попыток истолковать их в том или ином смысле: А. Якоби, например, считал, что перед нами древнееврейская фраза *abar-dak-dabar* 'пусть он (демон) выйдет вон, как слово' [155], а В. Бранденштейн сводил сочетание *abracadabra* к греческим (из фракийского) словам *afros* 'пена' и *tefra* 'зола' [305]. Эти сочетания явились источником вполне обычных греческих слов — *abra* 'любимая рабыня', 'наперсница' (ср. греч. *abrunomai* 'weichlich leben', 'grosstun', 'sich brüsten', 'in Jugendkraft strotzen', *abros* 'üppig', 'zart', 'weichlich') и *abaks* (<*abraksas*) 'абака', 'доска (для счета, рисования, игры)'. Не исключена возможность, что те же «магические» буквосочетания при определенной комбинации букв дали и такие древнегреческие слова, как *ara* 'Gebet', 'Fluch' и *arkeo* 'wehre', 'halte vor', 'schütze'.

Важно учитывать, что на протяжении своей истории одно и то же слово может иметь несколько этимологических связей, т. е. несколько этимологий одного и того же слова могут оказаться верными, особенно в связи с метафоризацией, народной этимологией и разными видами контаминации. Так, нем. *gesund* идентифицируется как с гот. *swinths* 'сильный', так и с образованием от др.-в.-нем. *senten* с префиксом *ge-*; гот. *holon* 'обманывать' связывается, с одной стороны, с греч. *keléo* 'charm', 'beguile', лат. *calumnia*, но, с другой стороны, также с индоевропейским корнем **kel-* 'скрывать'. Франц. *hasard*, англ. *hazard*, нем. *Hasard*, исп. *azar*, русское заимствование *азарт* в большинстве словарей возводится к араб. *al-zahr* (произносится *az-zahr*). Подобное истолкование этого слова справедливо ставится под сомнение многими исследователями (В. Скит, Л. Девиц) в связи с тем, что слово *zahl* не зафиксировано в словарях классического арабского языка. Весьма интересны в этом отношении факты современных английских диалектов, где находим слова: *azzard* (вариант *azzald*), а также *nazzard*, *nazzle*, *nassel*, *azzy*, *nazzy* 'a peevish, wayward, mischievous child'; 'an ill-tempered person'; 'bad-tempered', 'irritable', *azzardly* 'poor', 'ill-thriven' (EDD, I, 106).

в свете этих данных ставится под сомнение традиционная этимология русского слова *озорной* [ср. русск. диал. *азаристый* ('озаристый'); *азарчивый* 'рьяный'], возводимого обычно к *о-зор*, т. е. к корню, представленному в словах *позорный*, *зозорный*, *зреть*, *взор* и др. В данном случае, очевидно, перед нами народная этимология. Нам представляется, что во всех указанных случаях мы имеем дело с корнем, отраженным в лат. *acer* (ср. также *acies*) 'пылкий', 'горячий', 'страстный', 'бурный', 'неукротимый', 'стремительный'; 'решительный'; 'злой', 'свирепый', 'жестокий'; 'проницательный', 'остроумный'; 'тяжелый', 'трудный' (ср. значения лат. *discrimen*). Переход прилагательных в существительные, в частности на основе эллипсиса словосочетаний, известен в различных языках: ср. русск. *военный*, *пожарный* и др. Особую важность в связи с фонетическим обликом рассматриваемого слова имеет тот факт, что в средневековых вульгарнолатинских глоссариях слово *acer* имеет следующие варианты: *asser-um*, *asseri-um*, *azer-um*, *assero*, *asselo* (Latham, с. 4—5). Ср. англ. диал. *haze* 'to scold', амер. 'subject to brutal horseplay', др.-франц. *haser* 'irriter', 'facher', 'insulter', шотл. *hastard* 'irascible', швейц. *Hasard* 'Zorn'. Интересно англ. диал. *haister* 'фант', 'игра в фанты', 'потеря ч.-л.'. В связи с обычной для английских диалектов «меной согласных» в различных позициях в слове (ср. *haze* 'to drizzle' — *hagger* 'to rain gently' — *hadder* 'a fine rain or drizzle', EDD, s. v.) весьма важно принять во внимание англ. диал. *hagger* (обычно употребляется в форме причастия II *hagger't*) 'in games of marbles: to win all an opponent's marbles, to clear out; a boy who has lost all his marbles or cherry-stones is said to be hagger't' (EDD, III, 16). Ср. англ. диал. *hagglin* 'rash', 'uncautious', *haggle* 'to scold', 'to tease', 'to worry'; 'to do anything with much difficulty', 'to struggle'. Вместе с тем вполне возможно, что в разные периоды истории языка рассматриваемое слово на основе народной этимологии идентифицировалось с лат. *as*, *asser*. Это подкреплялось и на текстологическом уровне: ср. *acer*, *azar*, *asser.scharffe* (Diefenbach, с. 8) и *as*, *asser.scherpff*, *scherff*, *scharpff*, но также *wurffel* (Diefenbach, с. 53). Указанное слово могло также контаминироваться с сочетанием латинских слов *as* и *arrhe*, а кроме того, с сочетанием *as* и *ardus*.

Необходимо постоянно учитывать возможность так называемой «перекрестной этимологии», т. е. возможность контаминации нескольких различных корней в процессе их истории. В этой связи важно, что наряду с традиционной этимологией нем. *Brett* (и.-е. **brhrtom* < **bherd* 'резать' от основы **bher* 'пронзать', 'делать углубления' с расширителем *-d*) существует и возможность заимствования этого слова из латыни, выявляемая при текстологическом анализе. В Ahd.Gl. I, 18 читаем: *trapi. gepretta* (ср. др.-в.-нем. *gibrett*). Однако в Ahd.Gl. III,

10, 60 *trapes* глоссируется *capretta*, а за указанной глоссой находим *capriuns. rafiun.* Здесь мы имеем дело с лат. *capreo* [род. пад. *capreonis* (ср. ст.-франц. *chevron*, др.-прованс. *cabri-on* 'Dachsparren'), ср. лат. *capreolus* 'Stützenträger']. Ср. нидерл. *kepere, keper*, ср.-в.-нем. *kepfen* 'Balken', др.-в.-нем. *chiffa, chiffa*, др.-англ. *cipp* (<лат. *cippus*).

Обратимся к фактическому материалу и рассмотрим некоторые лексемы, проникшие в язык через письменные источники. Слово *Messe* в немецком языке является семантически ошибочным образованием, восходящим к одному из слов в латинской церковной формуле, произносившейся в конце богослужения: «*ite, missa est (conspicio)*», т. е. представляет собой причастную форму от латинского глагола *mittere*. Однако слово это, семантически и генетически не имеющее ничего общего с его источником, не только вошло в словарный состав литературного немецкого языка, но и претерпело семантическое изменение, которое находит параллель в ряде индоевропейских языков: 'церковный праздник; богослужение' > 'ярмарка' [ср. франц. *foire* < лат. *feria*; гот. *dulths* 'Fest', но швейц. (бавар.) *Tult (Dult)* 'Jahrmart']. Английское слово *drug* 'лекарство', 'зелье', 'медикамент' (нем. *Droge* 'Apothekerware') возникло в связи с ошибкой из ср.-н.-нем. *droge fate* 'trockne Fasser', т. е. 'Guter in Packfassern', где *droge* было неверно истолковано как название содержимого упаковки (ср. *Gamillscheg*, с. 327). Семантически ошибочным образованием является и современно-английское слово *dirge* 'похоронная песнь'; 'плач', 'причитание', которое восходит к первому слову следующей строфы латинского церковного гимна: «*Dirige, Domine Deus meus, in conspectu tuo viam meam*» (Psalm V, 8), т. е. является формой латинского глагола *dirigere* 'направлять'. Латинское слово *dog-a* 'сосуд' (ср. франц. *douve*, рум. *doaga*, нем. заимств. *Daube*) в поздних средневековых латинских и латинско-германских рукописях было эквивалентно по своему значению слову *canistrum* (от лат. *canna*). Это последнее, однако, нередко произвольно укорачивалось переписчиками³ — *canis(-trum, -ter)*, причем вторая часть лексемы, вследствие ошибочного чтения, часто передавалась как *crum* (ср. лат. *crumena, bursa*) и выступала в виде вариантной глоссы к *canistrum*. Слово *crumena* в глоссах уравнивается с *pera*: др.-в.-нем. *buttel*, а это последнее в свою очередь соответствует *dog-acium* (*Diefenbach*, s.v.—*dogacium. rede budel, mel beitel*). Именно *canis* — укороченная

³ В этой связи весьма показательным замечание писца в древнеанглийских Лейденских глоссах: «*sicut inveni scripsi, ne reputes scriptori*». Интересна следующая древнегерманская глосса, где переписчик уравнивает по значению слова, не имеющие ничего общего между собой: *crisis. i. aurum l. iudicum. unctio* (смещение греч. *hrūsos.krisis.hrisis* (*Diefenbach*, с. 158)). Ср. также *pullus, juger. eyn acker landes*, где др.-в.-нем. *juger* было воспринято как латинское слово (*Diefenbach*, с. 472).

часть латинского слова *canistrum* — было ошибочно истолковано последующими глоссаторами в смысле *canis* 'собака', и это значение перенесено на латинскую глоссу этого слова — *doga*, которое было неверно воспринято как германское. Англ. *dog* 'собака', вытеснившее исконно германское слово *hund* (ср. англ. *hound* 'охотничья собака'), засвидетельствовано в письменных памятниках довольно поздно и лишь в одной глоссе (Prud. GL. 148. 23 — *docgena.canum*) и представлено главным образом только в среднеанглийском (ср. «Piers the Plowman» — *dogge*, Chaucer — *dogges*, pl.), откуда оно было заимствовано в нидерландский, немецкий, датский и шведский языки. Ни в одном языке это слово не имеет исконных соответствий. Интересно, что подобная же ошибка произошла и в средненемецком языке, где лат. *canistrum* глоссируется *kipe* (ср. нем. литер. *Kiepe* 'Kasten'; *Kuppe* 'Becher' < лат. *cuppa* 'Kuppel', вульг. лат. *cuppula*). Однако в немецких диалектах и в арго (Rotwelsch) слово *Kipp* используется в значении 'собака': ср. шваб. *Kipp* 'Hund' (Fischer, IV, с. 388); нем. арго *Kipp* 'Hund' (Wolf, s. v.) (ср., с другой стороны, также название передвижного ящика для угля в профессиональном языке французских шахтеров — *chien des mines*). Ср. также амер. слэнг *dog* 'тележка', 'повозка'. В средневековых английских глоссах встречается любопытное слово *kardaga* 'a sector containing 15 degrees', которое употреблено в математике. Не подлежит сомнению, что это слово представляет собой слияние указанного выше латинского *doga* и синонимичного ему германского слова, представленного гот. *kas*, др.-в.-нем. *char*, др.-сакс. *kar*, др.-англ. *cear*, швед. *kärr*, норв. диал. *kjerr*, дат. *koer* (ср. швейц. *Char* 'holzernes Gefäß' — Staub—Tobler, III, с. 420, шваб. *Kar* 'Schüssel' — Fischer, IV, с. 216 и др.). Бесспорно также, что слияние этих лексем произошло в пределах единой глоссы. Именно на этой основе можно объяснить, очевидно, возникновение ныне широко распространенного английского слова *cur* 'пес' (ср. заимствованные швед., норв. диал. *korre*, *kurre* 'собака', нидерл. диал. *corre* 'canis villaticus domesticus'). Переписчик, видимо, ошибочно принял *kar* (или один из его графических вариантов) за эквивалент *doga* в значении 'собака' (отметим, что англ. *cur* первоначально встречается только в сочетании *curdogge*). Интересно, что мнимое слово *docga* претерпело в языке и семантические преобразования. Ср. этимологический дублет этого слова в древнеанглийском — *doc*: ср. Wrt. Voc. I, 456, 9 — *dooc*. *hornungsunu*. *nothus*; Wrt. Voc. I, 194, 27 — *aworden vel doc*. *bigenner*; Hpt. Gl. 33, 238 — *docinel*. *nothus*. Ср. аналогичное семантическое развитие: греч. *kuon* 'неверный ход', 'ошибка' (букв. 'собака'), др.-инд. *svaghnin* 'профессиональный игрок, который делает неверный ход' (на этой основе можно, видимо, объяснить и русское выражение *он на этом собаку съел*). Подобное же семантическое развитие прошло и слово *cur*; ср. англ. диал.

car 'left-handed' (EDD, s. v.). Ср. также англ. диал. *dog* 'to make bankrupt'.

Современное английское слово *bird* 'птица', которое не имеет соответствий ни в одном языке, также обязано своим возникновением ошибке глоссаторов. В самом деле, в поздних древнеанглийских глоссах *bird*, *brid* глоссирует лат. *pullus*; ср. Lind. Lk. 2, 24 — *birdas. pullos*. Следует, однако, учитывать, что *pullus* в вульгарной латыни употреблялось не только в значении 'детеныш (животного)'; 'птица', но и в значении 'доска', 'планка' [Ср. CGL, IV. 558 — *puellaris. tabula*; в «Капитуляриях» Карла Великого *pulletrus*, откуда и совр. франц. *poutre* 'балка', 'брус' (Dauzat, с. 580); Diefenbach, с. 472 — *pultrum. schrine-bret*, ср. *pultrinus. vogelken* (Diefenbach, с. 472), *pultum. prige* (совр. *Prügel*) (Diefenbach, с. 472)].

Глоссатор, видимо, смешал различные значения латинской леммы *pullus* и воспринял древнеанглийскую глоссу *bred* (также *brid*, *bryd* < *bord*, ср. нем. *Brett*, диал. *Pritsch*) 'доска' как 'птица', которая впоследствии в английском языке вытеснила исконно германское слово *fugel* (ср. совр. англ. *fowl* только 'курица'). В этой связи интересны факты шотландского диалекта английского языка, где изучаемое английское слово обнаруживает все значения латинского *pullus*: *burd* 'a table' (= *board*), *burd* 'a young lady', 'a maiden', *burd*, *bird* 'offspring, especially of a fox' (Warrack, s. v.), англ. диал. *breed* 'cross-beam end'. Ср. также реликтовое германское слово *brid* 'Vogelbrett' («Romania Germanica», I, с. 397) в южнофранцузских диалектах (слово употребительно в профессиональном языке охотников) и англ. слэнг *bird* 'человек', 'мужчина' (из корня, представленного нем. *Brett*). Ср. семантическое развитие нем. *Knabe* 'мальчик' (см. ниже).

Рассмотрение фактического материала показывает, что средне немецкие переписчики глосс нередко смешивали значение латинских лемм *pellex* (особенно в форме *pellice*) 'сопубина' и *pellicium*, *pellifex*, *pellicula* (< *pellis*). Так, в средне немецких глоссах читаем: *pellicium* i. *vestis de pellibus facta* l. *deceptio* (Diefenbach, с. 421); *pellacia* i. *fallacia* l. *pellis* (Diefenbach, с. 421); Лемма *pellicula* в средне немецких глоссах передается, в частности, через ср.-в.-нем. *hut*, а нем. *hut* соответствовала также лемма *tugurium* (см. Diefenbach, с. 601; *hutte*, *hitt*, *hude*, *huett*). В свою очередь лемма *tugurium* соответствовала нем. *cubisi*, *chubisi*, *chupisi* (Schade, s. v.).

Это немецкое слово в связи с контаминацией указанных выше латинских лемм ошибочно получило в поздних глоссах значение 'сопубина' и в этом значении было воспринято не только в современном немецком (*Kebse*), но и в родственных языках: др.-англ. *cyfes*, а также *cebise*, *cebisae*, *caebis*, др.-исл. *kefsir* и др. Кроме того, в результате контаминации лемм лат. *dolium* (= др.-англ. *cyf*, др.-в.-нем. *kuyp*, *koffe*) и *dolosus*, *dolos*

(= пр.-англ. *cyfes*, *caebis*, др.-в.-нем. *chebis*) произошло и семантическое смешение соответствующих глосс. Ср. Diefenbach, с. 187: *dulus*, *list*, *betregunge*, но также *ain zuber*. В этой связи весьма показательное современное арготическое немецкое слово *Kübbe* (ср. англ. диал. *kip* 'a house of ill-fame' — EDD, III, с. 498) 'Hurenhaus', *kobern* 'dem Dirnengewerbe nachgehen', *sich kobern lassen* 'sich geschlechtlich preisgeben' (Wolf, с. 2806). Ср. англ. диал. *to cob* 'to take a liking to anyone' (EDD, I, 675; относительно значения ср. лит. *kekše* 'Hure' и польск. *kochać* 'любить', чеш. *kochati* 'ласкать', 'любить', *kochati se* 'наслаждаться', ср. ВВ, Bd 2, с. 157, KZ, 41, с. 287). Ср. также нем. арг. *Kipper* 'Betrüger' и англ. диал. *keb* 'a villain' (EDD, s. v.). Ср. подобное же семантическое развитие англ. *cullion* 'a base fellow' < франц. *coullon* < лат. *coleus* 'testicles', ср. англ. слэнг *to cob* 'to deceive'. Ср. еще нем. арг. *Kibitz* 'vulva' (Wolf, с. 2590) и англ. диал. *cob* 'a basket' [см. 253, vol. IV, с. 199]. Как показали Э. Фрэнкель и М. Фасмер [Vasmer, I, с. 698], понятие «сопубина» часто связано с названиями животных и особенно птиц. В этой связи нельзя не отметить соотношение разбираемого слова, с одной стороны, с англ. *cob* 'чайка', позднелат. *coppa* 'hen' (Latham, с. 115), а с другой — с англ. *sub* 'щенок' [ср. подобное же развитие: исп. *loba*, ит. *lupa*, франц. *louve* 'a whore' (от лат. *lupa* 'a she-wolf'); др.-англ. *teofe*, *tife* 'a bitch', ср. эльзас. *Zupp* 'Dirne', 'Hure' (Martin—Leinhart, II, с. 910); бавар. *Zaup*, *Zupp* 'Hündin'; 'liederliche Weibsperson' (Schmeller, II, с. 1141)].

Можно полагать, что сравнительно поздно засвидетельствованное английское слово *bitch* 'самка собаки' [др.-англ. *bicge*, *canicula* (Wrt. Voc. I, 120, 18; 699, 13), др.-исл. *bikkja*, совр. нем. *Petze*, ср. др.-в.-нем. *vulva*, *buc* (Diefenbach, с. 633)⁴] представляет собой весьма типичное для жаргонной лексики обратное образование [ср. английский обратный слэнг: *delog* < *gold*; *yob* < *boy*; *delo nam o' the barrak* < *old man of the barrack* 'master of the house'; *emit* < *time*; *dab* < *bad* (Partidge, s. v.); франц. *putain*, ит. *puttana* 'a whore' > бавар. *Zaup* 'Dirne'], обусловленное табу. Сюда же следует отнести и этимологические дублиеты этого слова: англ. *beagle* 'охотничья собака', в диалектах 'an opprobrious epithet applied to depraved, unmanageable and troublesome person' (EDD, I, 203), а также *big* 'большой', первоначальное значение которого, как свидетельствует диалектный материал, было 'great with young' (EDD, I, 261). Ср. швейц. *Bigger* 'kleines Tier' (Staub—Tobler,

⁴ Как уже указывалось в специальной литературе, др.-инд. *bhagah* 'vulva' никак не соотносится с др.-исл. *bak*, др.-англ. *baec* или с др.-исл. *bikkja* 'Hündin' [de Vries, s. v.]. Что же касается др.-инд. *gabbah* 'vulva', то это слово и др.-инд. *gāmbha* 'depth', как отмечает Барроу, являются результатом диссимилиации от **grambhira*-, **grambhara* (Mayrhofer, Bd I, с. 324) и не имеют никакого отношения к таким словам, как нем. *Kebse*, англ. *sub* и др.

IV, с. 1081); *Baggel* 'Kalbchen', 'Schäfchen' (Staub—Tobler, IV, с. 1076). ср. также швейц. *biglen* 'in kleinen Schichten über einander legen'. К тому же корню относится и англ. *pig* 'свинья', ср. англ. диал. *pig* 'a jar or pitcher', 'a pot'; 'any piece of earthenware', 'a potsherd' (EDD, s. v.). Подобное же семантическое развитие: лат. *porcus* 'свинья' > лат. *porcus* 'vulva' (это значение засвидетельствовано уже у Варрона) > итал. *porcellana* 'морская раковина Concha Veneris'; 'фарфор' (ср. англ. *porcelain*, нем. *Porzellan* и др.). Кроме того, разбираемый корень представлен и в англ. *back* 'спина' [ср. др.-исл. (*grey*)-*baka*]. Не исключена возможность, что вхождению слова *bitch* в язык в определенной мере способствовало нередко встречаемое в глоссах лат. *pecten* (или его сокращенная форма *pec*), которое, как известно, могло означать не только 'гребень', но и 'vulva' [260, с. 285].

Значение немецкого слова *Ekel* возникло вследствие ошибки. В позднем древненемецком и в средненемецком существовало слово *eckol*, *eckel*, которое глоссировало лат. *chalybs* (это слово является транслитерацией греч. *halüps* — от имени собственного *Hálubes* [162], ср. Ahd.Gl. I, 30; II, 185, 52; 545, 70). Однако значение указанной леммы было контаминировано с транслитерацией другого (внешне похожего) греческого слова — *halepos*, в связи с чем и немецкая глосса *eckel* приобрела значение этого последнего греческого слова 'тягостный', 'неприятный'; 'враждебный'. Кроме того, на значение немецкого слова, видимо, оказали определенное влияние и такие древненемецкие омофоны леммы, как *chaliwi* 'hogripilatio', 'Schauder' и *kaluppi* 'vergiftet'. Любопытно, что слово *eckel* в значении 'сталь' давно вышло из употребления, тогда как ошибочное значение этого слова и само слово в этом ошибочном значении сохраняются по сей день и являются неотъемлемой частью словаря современного немецкого языка. Ср. также совр. англ. диал. *ecky* 'soggy' (EDD, II, 234).

Происхождение современного английского слова *lad* 'парень' до сих пор не выяснено. В письменных памятниках лексема эта представлена лишь в среднеанглийском, причем какие-либо связи в других языках отсутствуют. Внимательное ознакомление с древнеанглийскими глоссами позднего периода делает весьма вероятной следующую гипотезу. Слово *lad* является ошибочным образованием как со стороны формы, так и по своей семантике: мы имеем здесь дело со слиянием *l* (вместо *vel* — разделительной частицы, вводящей варианты глоссы) и др.-англ. глоссы *ad*, с одной стороны, и с неверным истолкованием латинской леммы *pira* (из греч. *pür*) в смысле лат. *puer* 'мальчик', 'юноша' — с другой. Ср. Ap.Ox. 2455; *pyram*. 1. *ad*. Весьма интересно в этой связи сопоставление со «словом-признаком»: др.-англ. *ides* 'juvenculus', 'virgo' и др.-в.-нем. *ites* 'matrona' (ср. ZfdWf, Bd 13, с. 143; PBB, Bd 16, с. 502, If.)

Bd 2, с. 197; PBB, Bd 34, с. 556). Одновременно с этим др.-англ. *ides* могло, видимо, возникнуть в связи с контаминацией с латинскими объяснительными словами *id est*, весьма распространенными в глоссах. Ср., с одной стороны, вульг. лат. *ides* 'sheep' (Latham, с. 233), а с другой — глоссу — *veruex. i. vermis, verna* (Diefenbach, s. v.). С точки зрения леммы ср. также вульг. лат. *puer-pera* (Latham, с. 381) 'женщина'. Вполне возможно, что латинская лемма *pira* одновременно контаминировалась и с др.-англ. *byre* 'son', 'youth'.

Не менее спорным остается и происхождение современного английского слова *lass* 'девушка'. Можно полагать, что и оно является мнимым словом. Эта лексема, впервые засвидетельствованная только в среднеанглийском в формах *lasce, las*, вероятно всего — результат неверного истолкования глоссы, содержащейся в северноанглийских Линдисфарнских евангелиях — Mt XI, 21: *puluis*. (контаминировано с *pulla, puella*) 1. *asce, as*, где *l* (т. е. *vel*) опять-таки неверно присоединено к *asce, as*. Ср. контаминацию вульгарнолатинских лемм: с одной стороны, *pollis (puluis), pollinis* 'пыль'; 'порошок'; 'зола' и, с другой стороны, *pollis* (вариант вульг. лат. *pulla* — Latham, с. 382), *puluinus* 'цыпленок'; 'молодое животное'. Ср. древневерхне-немецкую глоссу — *puluinus, pulcinus. huninchlin* (Diefenbach, с. 473). Вторая лемма могла, видимо, быть разложена писцами на *pul* (= *pulla*) и *cinus*, причем этот последний элемент был воспринят как *cines*, обычной уравниваемый с др.-англ. *asca*, др.-в.-нем. *asch(e)*. Ввиду того что *pul* и *cinus* (= *cines* = *asca*) стояли рядом в глоссе, они, естественно, уравнивались по значению. Возникновению и укреплению в английском языке слова *lass*, вероятно, во многом способствовало и наличие таких латино-латинских глосс, как *pullus. assis, asser*, где *pullus* выступало в значении 'доска', а не 'молодой человек'; 'молодое животное'⁵.

Интересно, что искусственное слово *lass* в английских диалектах претерпело семантическое изменение: *lash* 'a comb' — EDD, III, 527 [ср. лат. *pecten* 1) 'гребень'; 2) 'vulva']; семантическое преобразование «слова» *lad* встречаем в среднеанглийском: *lad* 'a thong' (Prompt.Parv., с. 283). К той же сфере семантических преобразований относится и п.-др.-англ. *laesc* 'кожа' (иногда в форме *naesc*), ср. бавар. *Losch* 'eine Art kostbares Leders' (Schmeller, I, с. 1521), шваб. *Losch* (Fischer, IV, с. 1292), др.-в.-нем. Ahd. Gl. 22, 325, 15; 3, 287, 13 и др. Следует отметить, что слова *ad* и *asce(as)* в древ-

⁵ Не исключена, однако, возможность, что начальные согласные в словах *lad* и *lass* возникли в результате рифмованного словообразования, хотя в свете приведенных данных более вероятно, что этот процесс был более поздним. Ср. совр. англ. *cad* 'нахал', 'дерзкий человек', *mash* 'возлюбленный', 'возлюбленная'. Возможно, что норвежское заимствование *aske-ladd* представляет собой парное слово [ср. ср.-англ. *knave-gerlys* (1450 г.)].

неанглийском принадлежали к одному и тому же корню (и.-е. **aidh-*). И в новом своем значении лексемы *lad* и *lass* неразрывно связаны между собой в сознании говорящих: *lass* соотносится с *lad* как форма, обозначающая лицо женского пола (примерно так же, как это имеет место в лат. *puer* ~ *puella*; *filius* ~ *filia*; англ. *lion* ~ *lioness*). Любопытно, что латинская лемма *pira* контаминировалась писцами не только с *puer*, но, видимо, и с *peior* (ср. франц. *pire*), в связи с чем становится понятным возникновение (первоначально мнимого) слова *bad* 'плохой', засвидетельствованного впервые только в среднеанглийском и не имеющего соответствий в близкородственных языках. С другой стороны, латинская лемма *pira* могла, очевидно, одновременно контаминироваться с др.-англ. (*and-*)*byre* 'ungunstig' (ср. ESt, Bd 27, с. 223). В этой связи показательно др.-англ. *lath* (др.-в.-нем. *leid* 'malum', 'моего', др.-сакс., др.-фриз. *leth* [203]), которое, безусловно, является мнимым словом: ср. в английских диалектах: *lad* 'very good or very bad' (EDD, III, 496), а также французское заимствование *laid*. Контаминация *l* и *b* в глоссах вполне обычна (Ср. Gl. V, 405; *lugulre* = *lugubre*; V, 301, 47; *solita* = *sobita*). Ср. также англ. диал. *lath*, *laith* 'unwilling', 'reluctant'; 'sorry', 'slow' (EDD, s. v.). Важно сопоставление: др.-англ. *adl*, *athl* 'Krankheit', 'Schwache' (ср. англ. диал. *addle* 'ailing', 'tumble-down', 'loose', 'shaky' — EDD, I, 116), с одной стороны, и др.-англ. *baeddel*, *baedling* 'Weichling', 'Zwitter' — с другой (ср. англ. диал. *bal* 'ill', 'sick', 'in pain' — EDD, I, 123; с точки зрения значения ср. франц. *c'est mal fait*, но *j'ai mal a la tete*). Вполне возможно, что засвидетельствованное только в среднеанглийском *quade* 'плохой', которое не соотносится с предшественным названием ранее др.-англ. *cwead* 'stercus' [последнее, очевидно, сопоставляется со швед. *kott* 'мясо', ср.-н.-нем. *kût(e)* 'мясистая часть туши', англ. диал. *cad* 'offal', 'carrion', нем. *Kot* и др., ср. еще шваб. *Kauder* 'отходы от обмолота зерна', швейц. *Kuder* (то же), англ. диал. *coats* 'refuse of threshed corn'], является рифмованным образованием с англ. *bad*. Показательно, что и ср.-в.-нем. (н.-рейн.) *quat* 'böse', 'ekelhaft', ср.-нидерл. *kwaad*, ср.-англ. *qued* 'the devil', лютеровское *verkadern* 'околдовать' являются более поздними по отношению к омонимическому корню со значением 'навоз'. Ср. также англ. диал. *caddling* 'tricky', 'pettifogging', 'unfair'; 'of weather: uncertain, wavering'; англ. слэнг (и диал.) *to cod* 'обманывать'. Ср. др.-англ. *cothu* 'disease', совр. диал. *coath*.

Становление немецкого слова *Bursche* 'парень' и его значения связано с целой цепочкой ошибок. Латинская лемма *brisca*, *briscea*, *birsca*, *bursia*, i. *fauus* глоссировалась средне-немецким *raz*, *ruß*, *roß*, *rasse*, *honig-seym*. Одновременно эта лемма неожиданно глоссируется *en snel der* с дополнительной латинской глоссой *animal* (Diefenbach, с. 81). Дело в том, что

здесь произошла контаминация слов, глоссирующих *brisca* (*raz, roß*), с одной стороны, и слов, глоссирующих лат. *bestia* [*rißens* (ср. ср.-в.-нем. *raze* 'rapidus', 'ferox', 'truculentus', ср. совр. нем. диал. *raß* — Schade, с. 704) и *eyn noß* (контаминированного с *roß*)]. Ср. бавар. *Birsch, Bursch* 'Jagd durch Umher-suchen' (Schmeller, I, с. 280). Ср. ср.-нем. *birsen, pirsen, bersen, bürschen* 'to hunt with bows and stable', ст.-франц. *berser* 'to hunt with bows and stable, to fight with bows'; вульг. лат. *bersa* 'hedge enclosing a (hunting) park' (Dalby, с. 24—27). Одновременно латинская лемма *bestia* (как и ее синоним *animal*) глоссируется ср.-в.-нем. *der, dir, dier, dyer, thyr, thyer, thier, tyr* (Diefenbach, с. 35, 72). Именно эти средненемецкие глоссы контаминировались с лат. *tiro, tyro* (Diefenbach, с. 585), которое глоссируется немецкими *ritter junck, new, niuwe*. Интересно также, что в диалектах французского языка слово *ruche* букв. 'пчелиный улей' означает 'собака'.

Произвольность и случайность семантического развития некоторых слов становится особенно очевидной при рассмотрении семантической контаминации. В греческих диалектах южной Италии используются омофоны *heros* 'плохой' и *heiron* 'вдова'. В результате смешения этих слов итал. *cattivo* 'плохой', 'дурной' стало в южных итальянских диалектах употребляться в не свойственном ему значении 'вдова'. В древнеанглийском Линдисфарнском евангелии слово *buta*, глоссирующее лат. *exceptis*, было ошибочно соотнесено с *mulieribus* и воспринято в значении 'женщина': Mt XIV, 21 — ...*thaere weara weron gesceaded fro l. buta wifu* (лат. *milia virorum exceptis mulieribus*). Восходящее к этому *buta* английское слэнговое слово *bit* 'девушка' было контаминировано с *bit* 'кусок', в связи с чем и слово *piece* 'кусок' приобрело значение 'девушка'. В языке греческого населения в Египте слово *tallos* 'зеленая ветка' стало употребляться также в значении 'подарок'. Это произошло в результате смешения египетских омофонов *mnh* 'стебель папируса' и *mnht* 'подарок'. Позднедревненемецкое слово *dog* означало 'шум' и соответствовало латинским леммам *turmur, mugitus* (ср. *dogag* 'fragosus'). После заимствования в немецкий язык английского слова *dog* 'собака' произошла семантическая контаминация этих омофонов, причем и синоним др.-в.-нем. *dog* 'шум', а именно *braht* (ср.-в.-нем. *brach*), также приобрел значение 'собака': совр. нем. *Bracke* 'Spürhund' (ср. заимствования — вульг. лат. *bracco*, ит. *bracco*, франц. *braque*, англ. *brach*). Латинская лемма *fragor* была переосмыслена как *fragrō*, а немецкое слово *Bracke* по народной этимологии было соотнесено со ср.-нем. *broehen* 'нюхать'.

Произвольные слова и значения возникают также в связи с так называемым рифмованным словообразованием [76]; ср. др.-инд. *mad-, mud-* 'fröhlich sein' — *rud-* 'weinen'; у Гезихния читаем: *bagos.basileus*, где *bagos* возникло из *agos* под влия-

нием *b* в *basileus*; совр. нем. *Krieg* 'война' < др.-в.-нем. *wig*, *wih* 'война'. Древневерхненемецкое искусственное образование *chreg* 'pertinacia' было заимствовано в вульгарную латынь, где находим *gragas* 'widerspenstiger', 'frebel' (Diefenbach, с. 268), *cregra* i. *abominatio* (Diefenbach, с. 155); *creagium* — a sort of game (Latham, s. v.). В связи с этим процессом лат. *gregarius* стало употребляться самостоятельно (вместо *miles gregarius*) в значении 'воин'.

С точки зрения формы слова весьма интересны образования, возникшие во французском языке в связи с ошибочным слиянием артикля с некоторыми словами и инкорпорацией артикля в основной состав слова. «Первый» артикль в таких образованиях не ощущался как вспомогательное слово, в связи с чем возникла необходимость употребления с этими словами «второго» артикля. Ср. лат. *hedera*, ст.-франц. *hierre*, *l'hierre*, но совр. франц. *la lierre*; ст.-франц. *l'endemain*, но совр. франц. *le lendemain*; вульг. лат. *anderius*, ст.-франц. *andier*, *l'andier*, но совр. франц. *le landier*; ст.-франц. *l'evier*, но совр. франц. *le levier*; английское заимствование *ingot* вместе с артиклем дало *le lingot*. Нем. *Lafette*, русск. *лафет* восходят к франц. *l'affût* (< лат. *fustis*). Имеются и обратные случаи, когда начальное *l* в том или ином французском слове воспринималось как артикль и искусственно отделялось от него, например, *once* 'рысь' < ст.-франц. *lonce*, которое было истолковано как *l'once* (лат. *lyncea*, *lynx*); ст.-франц. *aunselle*, *auncelle* < *launcelle* (вульг. лат. *lancella*). Подобное же явление наблюдается и в английском языке, где вставное *n* неопределенного артикля перед словами, начинающимися на гласный, нередко становится неотъемлемой частью этих слов: ср. *newt* (< *an ewt*), *notch* (< *an otch*, др.-франц. *osche*), *nickname* (< *an ekename*), англ. диал. *nelsin* (< *an elsin*) 'a shoemaker's awl', *namshach* 'misfortune', 'accident' (< *amschach*), *naunt* (< *an aunt*), *nimpingal* 'a whitlow' (< *an impingall*).

Примеры подобного рода можно было бы увеличить. Однако уже приведенный материал не оставляет сомнения в том, что семантические и формальные изменения, вхождение слов в язык и их утрата в ряде случаев никак не обусловлены какими-либо внутренними или системными закономерностями. Рассмотренные семантемы не возникли в результате последовательного исторического развития одного и того же значения в системе по принципу «post hoc, ergo propter hoc» и не являются результатом синхронного сосуществования, обусловленного дополнительной дистрибуцией, «давлением системы» или какими-либо другими системными факторами, ибо эти значения возникли в языке только благодаря определенной степени свободы языковой системы. В равной мере в язык могут входить, как мы видели, не только унаследованные (исконные) или заимствованные слова, но и искусственные лексемы, воз-

никшие в результате ошибки (в частности, ошибки в письменных памятниках), причем статус подобных слов в системе никак не ниже статуса исконных или заимствованных лексем. Факты такого рода с предельной ясностью свидетельствуют о том, что всякий закон «узок, неполон, приблизителен», а «явление богаче закона» [5, с. 136, 137]. В этой связи можно указать на так называемые семасиологические параллели, представляющие собой классический случай, в котором как будто наблюдаются регулярные семасиологические соответствия и преобразования, выступающие к тому же в виде своеобразной универсалии, типологически справедливой для языков самого различного строя. Ср., с одной стороны, древнюю этимологию: *facies* < *facere*, но, с другой стороны, маньчж. *arbut* 'Körper', 'Gestalt', 'Ansehen' < *arambi* 'machen', 'bereiten', 'wirken' (UJ, Bd IV с. 18); русск. *кость* > *костить*, англ. *bone* 'кость' > *to bone* 'попрошайничать'; лит. *kaulas* 'Knochen' > *kaulyti* 'durch vieles Bitten zu erlangen suchen' (ср. «Donum Balticum», 1970, с. 211); совр. нсл. *drang* 'unmarried man', но др.-нсл. *drengr* 'thick stick'; совр. нем. *Knabe* 'мальчик', но нем. диал. *Knabe* 'Stift', 'Bolzen'; др.-англ. *lorh* 'a pole', но нем. диал. *Lork* 'Schelm', 'Schuft', 'Schurke' и др. Было бы, однако, ошибочным усматривать в семасиологических параллелях проявление какой-то твердой закономерности, ибо, как показывает материал, в любой момент развития языка в зависимости от внутренних и внешних условий любое семантическое преобразование, протекающее в определенном направлении, может быть нарушено, видоизменено или вообще элиминировано. Нередко семантические параллели возникают в связи с комбинаторными преобразованиями. Довольно часто семантические параллели оказываются мнимыми, кажущимися, поскольку не всегда оправданы семантические связи внутри каждой из уравниваемых лексико-семантических цепочек. Ср., с одной стороны, русск. *весь* (др.-инд. *viśvas*, лит. *visas* и др.) и русск. *весь* 'деревня' (гот. *weihs* 'деревня', алб. *vis* 'место', лат. *vicus*) и, с другой стороны, лат. *totus* 'весь', 'целиком' и умбр. *tota* 'urbs civitas', оск. *touto* (то же), др.-прусс. *tauto* 'Land'; др.-англ. *dream* 'joy', 'music' и совр. англ. *dream* 'сон', но лтш. *gulet* 'спать', русск. *гулять* (сопоставляют лтш. *gulet* 'спать' и греч. *ballein* 'бросать', с одной стороны, и лат. *iacere* 'лежать', *iacere* 'бросать' — с другой). В ряде случаев говорить о безусловной закономерности семантических преобразований на основе семасиологических параллелей не более оправданно, чем считать звуковые и семантические параллели, нередко наблюдаемые в языках различного строя, закономерными соответствиями; ср., например, маньчж. *dashowan* 'правый' — гот. *taihswon* (то же); тур. *dil* 'язык' — швед. *tal*; англ. *bad* 'плохой' — перс. *bad* 'плохой' и др. [142; 215]; лик. *lada* 'супруга', но серб.-хорв., др.-русс. *лада* (то же), авар. *ladi* (то же); телугу *ramru*

‘посылать’, но греч. *petru* (то же); фин. *liin* ‘zu viel’, но греч. *lian* (то же); перс. диал. *varg* ‘волк’, но норв., швед. *varg* (то же); русск. *рот*, но норв. *rott* ‘Schweinrüssel’; гватем. *ruka* ‘Hand’, но русск. *рука*; тур. *gol* ‘Teich’, ‘See’, но швед. *gol* ‘Pfütze’; афг. *kara* ‘Gefäss’, но швед. *kar*; баск. *baso* ‘Wald’, но норв. диал. *base* ‘Gebüsch’; канарез. *kawi* ‘Höhle’, но лат. *cavus*; канарез. *migilu* ‘groß’, но греч. *megalo-* (то же); канарез. *male* ‘Berg’, но алб. *mal* (то же); мицгр. *lur* ‘Schlaf’, но швед. *lur* (то же).

Вместе с тем семасиологические и формальные преобразования слова в каждом конкретном случае никак нельзя признать произвольными: отклонения от определенных, ранее проявившихся путей развития в языке нередко оказываются не менее закономерными, чем и сами «правила», а правильность и закономерность тех или иных явлений часто оказывается относительной или случайной, что, бесспорно, свидетельствует о диалектике свободы и необходимости в языке. Невозможность произвольности лексико-семантических и любых других языковых феноменов вытекает хотя бы из того, что язык является объектом, существующим в определенных условиях, включающим в себя определенные структуры, наделенные определенными функциями, и обладающим собственными структурой и системой. Воздействие условий на язык преломляется через его структуру, характер и состояние которой определяет конкретное направление и возможности преобразований структуры и системы данного объекта в соответствии с его функциями. Таким образом, мы подходим к одной из важнейших характеристик существования и изменения языка — принципу диалектического единства необходимости и свободы, т. е. антиномии ограничения (*constraint*), с одной стороны, и одновременной свободы, факультативности проявления языковых процессов и реалий — с другой. Под функциональной свободой в языке мы имеем в виду не только свободу того или иного феномена, процесса или реалии проявляться в языке, но и их свободу не проявляться (как это имеет место, например, в случае лексико-семантических вариантов) или свободу проявляться любым количеством форм, наделенных любыми качественными характеристиками, причем как эти формы, так и их качественные характеристики могут проявляться в любой последовательности. Необходимость, или «несвобода», проявления тех или иных языковых феноменов или реалий предполагает определенную их зависимость от других явлений и обуславливается наличием (или отсутствием) в системе языка других элементов или явлений, обладающих (или, наоборот, не обладающих) определенными свойствами: конфигурацией (упорядоченностью, стройностью, непротиворечивостью), однородностью, порядком следования или совместимостью, связями, отношениями и др.

Важно иметь в виду неразрывную диалектическую связь категорий необходимости и свободы: необходимость не исчезает, становясь свободой, а понятие свободы неизменно содержит в себе понятие необходимости. Достаточно вспомнить, что любой выбор (choice), постоянно происходящий в языке, любые (со)отношения, противопоставления, зависимости или связи обязательно означают не только наличие определенной степени свободы проявления именно данного (а не другого) процесса, но одновременно и определенное ограничение свободы реализации (или элиминирования) этого и/или других процессов; в то же время то или иное ограничение мыслимо лишь при наличии определенной степени свободы.

Это соотношение особенно бросается в глаза при сопоставлении языковых систем с максимальной степенью ограничения свободы (например, литературного стандарта английского языка) и с максимальной свободой языковых процессов и элементов (например, английского слэнга или территориальных диалектов). Так, в английском слэнге вполне возможно образование сравнительной степени от глагольных форм (*We are and what's more we can't be any ager*). В английских диалектах отрицание в глагольных формах нередко осуществляется при помощи отрицательного префикса *in*, который в литературном стандарте употребляется только с прилагательными [ср. *I'm nae responsible to gae afore Sir Simon onhen* ('without having') *my papers upo' me; I'll jist need to gang there onbeen* ('without being') *angry wi' him*], а глагол *do* используется со значением 'или', 'в противном случае', 'а то': *Don't yow climb that tree, dew you might git hut* ('Don't climb that tree or you'll get hurt'); *Do yow hurry up don't you'll miss the buss* ('Hurry up or you'll miss the bus'); *Oi must be a-goin' don't Oi'll be late a-getting home* ('I must be going or I'll be late at home'); *Dew you look arter them hosses don't you'll git inta a row* ('Look after the horses or you'll get into a row').

Семантические параллели отражают одну из возможных степеней семантической свободы в данной, конкретной языковой системе на данном временном срезе, однако эта степень свободы имеет смысл только в пределах определенной системы, при учете всех факторов, обусловивших ее, и результатов, обусловленных ею. Вполне понятно, что типологическое сходство реально лишь при идентичности сущности и причинных связей какого-либо явления в тех или иных языках, а не при наличии сходств, обнаруживаемых лишь на поверхности. Именно поэтому соотношение свободы и необходимости в языке определяется, с одной стороны, конкретными условиями существования языка и конкретными явлениями, воздействующими на него⁶, а с другой — возможностями конкретных языко-

⁶ Ср.: «Форма... в своей развитой определенности... есть закон явлений» [18, с. 223-224].

вых систем (одни образования могут, а другие не могут возникать и существовать в языке или проникать в него из других языков), причем возникновение того или иного явления или проникновение явления из одного языка в другой нередко ограничено определенным языковым слоем (территориальным, общелитературным, социальным, стилистическим) и связано с определенным изменением значения. Не следует думать, что различные значения одного и того же слова, представленного в одном или в нескольких родственных языках, всегда являются звеньями единой и непрерывной цепи. Напротив, многие такие значения часто обусловлены самыми различными причинами (в том числе и внеязыковыми или случайными) и никак органически или генетически не связаны друг с другом, хотя и входят в единую систему. Вместе с тем было бы неверным утверждать, что непрерывность просто элиминирует дискретность; неверно также, что конечное просто нейтрализует бесконечное и, наоборот, бесконечное нейтрализует конечное: во всех этих случаях мы имеем дело с процессом.

Наследие представителей натуралистического направления и младограмматиков особенно ярко обнаруживается при рассмотрении понятия лингвистического закона. Закон развития в языке, согласно общераспространенному мнению, основанному фактически на перенесении характеристик органических объектов на язык, понимается как протекающий в виде прямой линии, или цепочки, непрерывный во времени процесс, в результате которого качественно или количественно новое состояние всегда является непосредственным результатом, следствием или продолжением старого и связано с ним генетически: подобно тому, как из зерна неизбежно вырастает стебель, определенный звук или значение, согласно рассматриваемой теории, неотвратимо обусловлены тем или иным предыдущим состоянием.

Такое упрощенное, одностороннее, метафизическое понимание закономерности — не случайно. В истории науки, в том числе и языкознания, понятие преемственности постоянно отделялось и рассматривалось в отрыве от категории прерывности. Греческие философы, например, Зенон из Элеи и Аристотель, в своих апориях сводят преемственность к «чистой непрерывности», плоскому эволюционизму или круговороту и рассматривают его как воспроизведение относительно неизменных форм. То же понимание сохранилось в схоластической философии средневековья, в учении Г. Лейбница и Дж. Локка. В то же время отдельные ученые недооценивают и даже отрицают преемственность, гипертрофируя изменения, различия в системе при переходе ее к новым состояниям. В этой связи следует указать на атомистику Демокрита и Эпикура, Ф. Бэкона, П. Гассенди, на так называемую теорию катаклизмов и т. д. В равной мере и в языкознании любому внешнему изменению часто неправоммерно приписывают статус эволюции, но, с дру-

гой стороны, в непосредственную связь ставятся элементы и процессы, либо непосредственно не связанные, либо вообще не имеющие между собой ничего общего. Впервые диалектическая связь указанных категорий была обнаружена только после создания марксистской диалектики.

Важно также иметь в виду, что заменяемость или даже взаимозаменяемость языковых элементов никак не равносильна их генетическому родству, причем отнюдь не любую форму или значение можно признать соответствием тех, которые они заменили. Те или иные языковые единицы могут выступать как соответствия друг другу в пределах одной подсистемы, но утрачивать свойство соответствия в другой подсистеме того же языка или иметь несколько вариантных реализаций, представленных как одновременно, так и последовательно. Свойство соответствия языковых единиц никак нельзя признать имманентным, панхроническим, раз и навсегда данным: в результате тех или иных комбинаторных преобразований сущность и характер соответствия одних и тех же единиц могут претерпеть глубокие качественные и количественные изменения. Вполне понятно, что в случае, если пришедшие на смену друг другу формы или значения являются взаимозаменяемыми вариантами, нет оснований говорить о языковом изменении или преобразовании; если же эти формы и значения не представляют собой вариантов, то прежде чем постулировать их преемственность, необходимо выяснить те свойства, которые отличают исходную форму или первоначальное значение от последующих (или невозможность формальных или семантических изменений), а также влияние языковой «среды», нередко нейтрализующей те преобразования, которые должны были произойти, или вызывающей к жизни явления и процессы, никак не обусловленные системой.

При эволюции или переннтеграции элементов языка свобода и необходимость отнюдь не обязательно переходят в одноименные категории. Причинно-следственные связи того или иного слова вряд ли оправдано искать только в пределах этого же слова. Неверно также, что при смене одного явления другим второе явление должно охватывать те же самые элементы, которые охватывались первым явлением. Нельзя не учитывать того обстоятельства, что не всякое изменение в языке равносильно эволюции и не всякая эволюция обязательно связана с изменениями. Нет никакой гарантии того, что данное слово в своем развитии обязательно примет то или иное значение или форму или, наоборот, не будет выступать в этом значении или форме. Это, однако, отнюдь не свидетельствует о какой-то анархии языковой эволюции, а, напротив, является лучшим доказательством неперменного взаимодействия свободы и необходимости в языке. Хотя возможный диапазон значений и форм данного слова сам по себе не ограничен, реально пред-

ставлены только данные, конкретные значение и форма этой лексемы, причем это ограничение определяется конкретными условиями существования данной лексемы, а изменение этих условий может вызвать к жизни другие значения, не предвиденные ранее (в частности, одна и та же лексема может в различных системах принимать самые различные значения). Те значения, которые в данных условиях как будто развиваются по строго определенной линии, в других условиях могут развиваться иначе, в частности, не обнаруживая былой строгости. В этой связи особенно показательны индивидуальные смысловые ассоциации тех или иных лексем и значения, возникающие в языковых системах различных языков. Ср. позднегреч. *makaria* 'счастье'; 'блаженство' > 'овсяная каша' (у Гезихия), — видимо, имелась в виду кутья (ср. новогреч. *makarites* 'покойник'), ср. итал. *maccarone*, *maccerone* 'макароны', а также такие французские слова, как *tromper* 'обманывать' (<*trompe* 'труба'), *menacer* 'вести' (<лат. *minari* 'грозить'), *mentir* 'обманывать' (<лат. *mens* 'разум'); русск. *рынок* < нем. *Ring* 'круг' и др. Слово *day* 'день' в шотландском диалекте английского языка используется в значении '(долгий) промежуток времени', 'срок': *a year's day* 'годовой срок', *a month's day* 'месячный срок' (ср. значение слова *рок* в различных славянских языках). Ср. также гот. *gistradagis* 'завтра', но англ. *yesterday* и др. Необходимо иметь в виду, что этимологии, основанные на выявлении ассоциаций, метафоризации и логического переосмысления значений (часть по целому, целое по части и др.), не могут и не должны отождествляться с выявлением семантических закономерностей, ибо эти категории и способы их установления имеют в принципе субъективный характер. Закономерности в области семантики, если таковые существуют, следует, видимо, искать в какой-то другой плоскости.

Весьма своеобразны и значения, обусловленные различными культурно-историческими факторами: ср. лат. *nubere* 'выходить замуж' < *nubere (obnubere)* 'скрывать', 'закрывать' (*nubes* 'облако'); гот. *liugan* 'sich heiraten' — *liugan* 'lügen' (ср. в словаре Шаде — *liuga* 'Verhüllung', гот. *analaugns* 'verborgen', ср. также нем. *Glück* 'счастье' и гот. *galukan*); русск. *платить* является отыменным образованием от *платье*, которое выполняло прежде функцию денежной единицы, и т. д.

Интересно использование числительных в самых разнообразных значениях. Так, лат. *testis* 'свидетель' первоначально, видимо, означало 'стоящий третьим', ср. оск. *tristaamentud* (инструменталис) = лат. *testimonia*, греч. *tristates* 'der Beistand vor Gericht', ср. исп. *terciar* 'быть свидетелем'. От числительных образованы и такие слова, как франц. *carillon*, *cahier*, *cadre*, *carême*, лат. *anceps*, *ancilla*; *similis*; англ. *noon*, ср. также арм. *erku* 'один', но *erkuil* 'страх'. Весьма интересные примеры, по-

казывающие специфику семантического развития одних и тех же корней в близкородственных языках, приводит Р. А. Будагов. Ср. рум. *cistiga* 'выигрывать', 'зарабатывать', но франц. *chatier* 'наказывать', лат. *castigare*; рум. *ingina* 'подражать', но ит. *ingannare*, исп. *engañar*, порт. *enganar* 'обманывать' и др. [10].

Практически неограниченными возможностями «пропускать» самые разные, никак не обусловленные друг другом и не связанные между собой значения обладают системы так называемых жаргонов, или слэнгов, которые наряду с этим могут «пропускать» и бесконечное число лексем. Так, в английском слэнге слово *boy* может употребляться еще в значениях 'горб' и 'шампанское (вино)', слово *bishop* — в значениях 'подгорать' (о пище на плите); 'утопить'; 'горшок'; 'ветка, используемая для перевязывания хвороста' и т. д. Своеобразны семантические изменения заимствований в различных языках. Ср. совр. русск. *ябеда* < др.-русс. *ябедникъ* 'должностное лицо'; 'судья' < др.-исл. *embaetti*, *ambaetti* 'служба', 'должность' < др.-в.-нем. *ambahti* 'должность' < гаэльск. *ambactus* 'гонец'; русск. *фискал*, первоначально название должностного лица (*фискал*, *обер-фискал* 'надзиратель'; 'адвокат' < польск. *fiskal* 'юрист', 'прокурор' < лат. *fiscalis* 'казенный'); англ. *boy* 'мальчик' < вульг. лат. *boie* 'оковы' (итал. *boia* 'палач', др.-франц. *buie* 'оковы', др.-исп. *boya* 'палач'), ср. позднедревнеанглийскую глоссу *boia. diaconus* — «Notes and queries», IX, с. 269 [ср. семантическое развитие: чешск. *chlap* 'мужчина', 'мужик' < церк.-слав. *хлпъ* (русс. *холоп*)]. Ср. также английское слэнговое слово *boy* 'a prisoner' (Partridge, s. v.).

Учитывая, что английское слово *job* '(разовая) работа' впервые засвидетельствовано только в XVI в. и первоначально являлось неотъемлемой частью слэнга, можно полагать, что оно представляет собой прочтенное в обратном порядке («обратный слэнг») вульг. лат. *boie*, *boge*, от которого, как мы говорили, было образовано и английское слово *boy*. Ср. п.-ср.-англ. *iobb of werk*, а также слэнговые слова: *bog* 'to work hard at a manual job' (Partridge₂, с. 1007), *bogh* 'to get, hold, make work' (Partridge₁, s. v.). С другой стороны, ср. *job* 'to chide', 'to reprimand'; амер. слэнг *job* 'a girl' (ср. «Medium Aevum», Bd IX, 1940).

Можно наметить некоторые общие линии соотношения свободы и необходимости в области лексико-семантических преобразований: 1) в пределах многих лексико-семантических систем свобода значения уравнивается ограниченностью соответствующей «массы» (количества) лексем, их протяженности или вариантности структуры. Следовательно, чем больше слов в той или иной системе, тем они короче; чем больше возникает значений, тем меньше количество слов, в которых они представлены (полисемия). Свобода количества («массы»)

лексем не совместима со свободой их значения, и вообще свобода каких-либо зависимых параметров в языке невозможна; 2) ограниченность значения уравнивается свободой соответствующей «массы» (количества) лексем, их протяженности или вариантности структуры; 3) свобода значений ограничивается свободой «массы» соответствующих лексем, их протяженностью или вариантностью; ограниченность же значений элиминирует ограниченность количества, протяженности или вариантности лексем. В самом деле, присоединение к словам разного рода подвижных формативов, а также вставных согласных и гласных (*Streckformen*) во многих случаях не только не изменяет значения соответствующих лексем, но и в большой мере способствует прекращению их дальнейших семантических преобразований. Не претерпевают семантических изменений и слова, расширенные при помощи «опустошенных» префиксов: ср. нем. *hören* 'слышать', но *gehören* 'принадлежать' (в ср.-в.-нем. в этом значении применялся и бесприставочный глагол), ср. еще *aufhören* 'прекращать'; *fallen* 'падать', но *gefallen* 'нравиться' и др. Ср. также русск. *быть*, но *забыть*; *стать*, но *устать*, *ставить*, но *заставить* (к.-л. ч.-л. *сделать*). То же относится и к удлинению слов посредством редупликации и словосложения (в частности, путем образования парных слов).

Ср. примеры из восточных языков: маньчж. *битхэ дансэ* 'письменность' (*битхэ* 'письменность', 'книга' + *дансэ* 'записная книга', 'журнал'); *фафунь кооли* 'закон', 'законодательство' (*фафунь* 'законы' + *кооли* 'закон', 'правило'); *нямь хуньчихинь* 'родство'; *афара дайлара* 'войны' (*афара* 'нападать' + *дайлара* 'вести войну'); *яфань куарань* 'сад' (первое слово из китайского); *этку аду* 'хорошая, царская одежда'; *тэйфунь мою* 'надежный, прочный посох'; *лифахань цифахань* 'грязь', 'слякоть'; *энтэхэмэ гойдамэ* 'навечно', *аба саха* 'облавная охота' (второе слово самостоятельно не употребляется); тур. *sag salim* 'в полном здравии'; *tikabasa* 'переполненный' (*tika* 'набивая' + *basa* 'прессуя'); *it kopek* 'собака'; *kir pas* 'грязь', 'трясина'; *akil fikir* 'помыслы' (из араб. *akil* 'ум' + *fikir* 'мысль'); *namaz niyaz* 'молитвы' (из перс.); *hisim akraba* 'вся родня' (*hisim* 'родственник' + *akraba* 'родственники'); *ev bark* 'семейный очаг'; *kirik dokük* 'разрушенный'; уйг. *bala ba(r)qa* 'детвора'; якут. *уй-сер* 'заветная мечта'; *һый-һормэт* 'угощение', *аз-аһлак* 'мало'; *аһаа-сиэ* 'кушать', 'есть', *кыһый-абар* 'сердиться' (*кыһый* 'раздражаться' + *абар* 'сильно гневаться'), *саргы-дэбайан* 'большая удача'; *сыт-сымар* 'запах'; *саа-саадах* 'оружие'; *двол-соргу* (*двол* 'счастье' + *соргу* 'счастье'), *чизс-мааны* 'честь', 'почет'; *усус-элбэх* 'очень много'; *кууһур-уоһур* 'усиливаться' (*кууһур* 'становиться сильным' + *уоһур* 'приобретать силу'); *муода-кубулһат* 'хитрость' (*муода* 'хитрость' + *кубулһат* 'хитрость'), *иһит-хомуос* 'посуда'; *быһыы-майгы* 'свойство'; *өй-санаа* 'сознание'; *кит-сүр* 'душа', 'сущность вещи'; *кылаан-өр-*

гөс 'острие' (кылаан 'верхушка предмета' + өргөс 'острие'); аат-сурах 'имя', 'слава'; казах. ойын-кулаки 'веселье'; эке шеше 'родители'; бурят. хуби заяа 'судьба'; хада хабсагай 'горы'; хэм хири 'мероприятия'; бушуу тургэн 'очень быстрый'; кит. чэ 'повозка' — чэцзы 'повозка'; шуа 'щетка' — шуацзы 'щетка' и др. В. М. Солнцев называет подобные случаи «двойной формой существования слов» [53].

В ряде случаев можно наблюдать, что выходящие из языка слова заменяются обычно (заимствованными или исконными) словами, имеющими большую протяженность по сравнению со словами, которые они вытеснили. Достаточно указать в этой связи на замену более коротких исконно германских слов более протяженными французскими в английском языке после норманского завоевания. То же характерно и для других языков (ср. нем. *Pferd* 'лошадь' < вульг. лат. *paravredus*, вошедшее в язык вместо исконного слова *eoh*, или франц. *cheval* < лат. *caballus* вместо ранее существовавшего *ive* 'лошадь' и др.). При этом вошедшие в язык более длинные слова типа англ. *difficult*, *different*, *beautiful* и др. обычно мало подвержены семантическим преобразованиям. Короткие слова и слова, никак не соотносимые (изолированные) с другими словами в системе, чаще изменяют значение или становятся многозначными. Как мы пытались показать в других работах, слова, связанные аттракцией, обычно долгое время не изменяют своих значений. Слова, давно вышедшие по тем или иным причинам из какого-либо языка, в другом языке, куда они были заимствованы одновременно, образуют своего рода единую «массу» и продолжают существовать в течение длительного периода [83].

В связи с изложенным представляется возможным дать определенное объяснение процессу выхода слов или значений из языка и замены их большим или меньшим количеством новых слов и значений: речь идет о возникающей в результате нарушения равновесия системы количественной и качественной несовместимости тех или иных лексем и значений и об «ответной терапевтической реакции» (по терминологии Ж. Жильерона), протекающей в соответствии с указанными выше количественными и качественными соотношениями свободы и необходимости в языке. В этой связи весьма показательны так называемое возрождение (*Wiederbelebung*) вышедших из языка слов и значений на более поздних этапах развития языка (как это имело место в немецком, армянском и новогреческом языках). Последовательность замены одних значений другими, очевидно, также можно объяснить соотношением свободы и необходимости в языке и возникающей в связи с этим их совместимостью или несовместимостью. При этом вряд ли во всех случаях можно говорить об эволюции значения, так как в истории слова нередко можно обнаружить значения, никак не являющиеся развитием предыдущих.

Имеются факты, указывающие на то, что внутри языковой системы существует определенное соотношение количества и протяженности лексем, с одной стороны, и значения — с другой. В языках с моносиллабическим строением слова (например, в суахили), где различные значения одного и того же фонематического комплекса выражаются просодическими средствами, не наблюдается и изменения протяженности лексем (все лексеммы — одинаковой протяженности), но, с другой стороны, в пределах одной лексеммы не происходит и смены различных значений, как это имеет место в индоевропейских языках. В ряде случаев определенное «выравнивание» языковой системы приводит не только к увеличению числа лексем или их удлинению, но и к уменьшению их протяженности (ср. лат. *vagina* > франц. *gaine*; греч. *tarixabgiarin* > *xab(g)iarin* > *caviar* 'икра осетровых рыб'); *podarkes* > *arkes*; лат. *paravredus* > нем. *Pferd* и др.). Любопытно в этой связи, что немецкий префиксальный уничижительный элемент *klipp-* (н.-нем. *Klippkram*, *Klippkrog*, *Klippschenke*, *Klippschulden*), изменившийся впоследствии в *knip-* (*Kneipschenke*), превратился в самостоятельное слово *Kneipe* (ср. также *Schiffenkneipe*, *Waldkneipe* и др.). Франц. *destrier* 'боевой конь' обязано своим происхождением эллипсису слова *cheval* в ст.-франц. *cheval en destre* и буквально означает 'узда' (ср. ст.-франц. *destrer* 'führen', *destre* 'Leine', 'Zügel', ср. исп. *caballo en diestro* 'лошадь в узде', ср. франц. *mener en destre mener en laisse*); англ. *tip* 'чаевые', как свидетельствует известный лексикограф Джонсон, является сокращением от *two pence induces promptitude*, т. е. состоит из первых букв каждого из этих трех слов. Англ. слэнг *posh* 'шикарный', 'хороший' восходит к первым буквам формулы, употреблявшейся в свое время при покупке наиболее удобных мест на пароход, следовавший из Англии в южные страны и обратно — *port over, starboard home*. Английское слово *forest*, нем. *Forst* представляет собой первый компонент латинского выражения *forestis silva* 'внешний, т. е. неогороженный, лес' (встречается особенно в «Капитуляриях» Карла Великого). Таким образом, в связи с эллипсисом слово, означавшее собственно 'внешний', 'передний', стало применяться в значении 'лес'.

Своеобразным укорочением являются и так называемое опрощение и эллипсис. В некоторых языках (особенно в африканских) единое значение некоторых слов может быть выражено только посредством нескольких словоформ, в пределах которых оно как бы разлагается на составные части. Интересно, что в ряде случаев в индоевропейских языках изменение значения слова сопровождается возникновением различных форм одного и того же корня (этимологические дублиеты): ср. нем. *leiten* 'вести', но *leiden* 'страдать'; англ. *metal* 'металл', но *mettle* 'нрав', 'гнев'; англ. *triumph* 'триумф', но *trump* 'козырь'; *truffle* 'трюфель', но *trifle* 'пустяк' и др.

* * *

Возможности и методы установления этимологического и семасиологического тождества претерпевали значительные изменения по мере накопления лингвистических знаний и смены различных концепций языка. В древней Греции и в Риме, где этимология была вовлечена в сферу философской софистики, стремившейся познать *etîmos logos* природы, слово (и его значение) считалось сущностью, неотъемлемой принадлежностью называемого им предмета, подобно его форме, цвету, химическим и физическим свойствам и составу (*füsei*). Этот тезис, противопоставлявшийся мнению о том, что все слова человеческого языка возникли «по договору» (*thesei*), в большинстве случаев приводил к произвольным и случайным, а порой и фантастическим толкованиям, к мнемонической «игре в слова», построенной на народной этимологии, внешнем сходстве, религиозной символике, далеким от фактов и подлинной науки. Подобные же методы с небольшими видоизменениями сохранились и в средние века.

Только после обоснования сравнительно-исторического метода открылась возможность научного подхода к этимологическим исследованиям, особенно в связи с установлением звуковых соответствий. Именно открытие фонетических соответствий, как известно, явилось величайшим достижением лингвистической науки, впервые создавшим прочную основу для понимания многих глубинных процессов развития языка и родственных отношений между языками. Необходимо, однако, указать, что сравнительно-исторический метод отнюдь не предполагал регулярного соответствия всех слов, относящихся к более раннему периоду развития данного языка, всем словам, засвидетельствованным в более позднее время. Имелось в виду лишь наличие такого соответствия между некоторыми хронологически неодинаково представленными лексемами, на что указывал еще Г. Шухардт. Такие надежные соответствия давно установлены и стали аксиомами компаративистики. Совсем иначе обстоит дело в тех случаях, когда на основе выдвинутых младограмматиками «фонетических законов», якобы не терпящих никаких исключений, пытаются выявить этимологию любых слов, особенно спорных или слабо документированных. Дело в том, что любой закон, если он действительно является таковым, представляет собой единственно возможный путь развития данного феномена. С самого начала, однако, было обнаружено значительное количество фактов, стоящих в явном противоречии к фонетическим законам (на это неоднократно указывали Я. Гримм, Г. Курциус, В. Уитни, М. Бреаль и др.). Тем не менее эти факты неизменно толковались младограмматиками за счет действия аналогии. Дальнейшие исследования, продолжающиеся вплоть до наших дней, выявили

шаткость и ненадежность многих звуковых законов [90; 115; 174; 255], особенно в случаях, когда для сравнения приходится привлекать новый, ранее не учтенный материал, например, хеттский. Так, в частности, был продемонстрирован целый ряд неувязок в теории так называемых языков *centum—satem* (например, русск. *корова*, согласно этой теории, должно было бы иметь форму **сорова*), ларингальной теории, теории праязыка (многие исследователи, в том числе Г. Краэ, Н. С. Трубецкой, Х. Педерсен, отрицают существование единого *Ursprache* и постулируют множество таких праязыков или считают праязык не генетической, а контактной общностью), в теории о первоначальном существовании *tenues aspiratae*, о количестве рядов гуттуральных и т. д.

Дальнейшие наблюдения, особенно исследование фонетических систем, показали, что лингвистический анализ, основанный на предпосылке о сплошной системности, неизбежно ошибочен в какой-то своей части. Системный анализ, в частности, вскрыл «неединственность» фонематических решений фонетических систем и то обстоятельство, что совершенно сходные структуры могут возникнуть неодинаковыми путями и из различных источников, а несходные структуры могут появиться в результате развития одного и того же объекта. В этой связи нельзя не вспомнить шутливо-иронический афоризм, приписываемый Вольтеру: «*L'etymologie est une science, ou les voyelles ne font rien et les consonnes font fort peu de chose*».

Своеобразной реакцией на узость и односторонность младограмматической концепции является и следующее высказывание М. Мюллера: «*Etymology is indeed a science in which identity or even similarity whether of sound or meaning is of no importance whatsoever. Sound etymology has nothing to do with sound. We know words to be of the same origin which have not a single letter in common and which differ in meaning as much as black and white*» («*Lectures in the science of language*», с. 242). Хотя истинное положение вещей в этом высказывании, безусловно, утрировано, в нем, однако, подчеркивается тот важный факт, что эволюция языковых феноменов редко протекает в виде прямой линии, в виде преемственности от одного состояния к другому, являющемуся его непосредственным генетическим продолжением. Эволюция в языке происходит не по определенным заранее известным «правилам», а всецело зависит от той или иной системной ситуации (последняя обычно обуславливается как внутриязыковыми, так и экстралингвистическими причинами), которая в свою очередь реализуется в соответствии с создаваемыми этой ситуацией возможностями свободы и необходимости.

Следует отметить, что произвольность семантических сближений слов, типичная для античности и средних веков, существует и до сих пор. Не утратило своей силы известное изречение

Августина: «*Ut somniorum interpretatio, ita verborum origo pro-
sijusque ingenio judicatur*». В практике младограмматических
и некоторых современных исследований при совпадении фонетического
состава сравниваемых слов их значение обычно считается второстепенным
фактором и произвольно истолковывается на основе так называемого
здравого смысла или субъективных ассоциаций и «интуиции» того или
иного лингвиста. Однако, как справедливо отмечал еще Гегель, здравый
смысл «есть такой способ мышления какой-либо эпохи, в котором со-
держатся все предрассудки своего времени» (цит. по [5, с. 245]).
Некоторые лингвисты, учитывая объективные трудности как фонетической,
так и семантической сторон сопоставления и желая видимо, максимально
упростить эту процедуру, сочли даже возможным не принимать во
внимание соответствий гласных в сопоставляемых индоевропейских
языках, а ограничиться только соответствиями согласных (как это
принято для семитских языков), причем, следуя постулатам стойков,
они сводили все разнообразие значений индоевропейских слов к двум
«изначальным» значениям — бытию и единству, что, конечно, в
большой мере «облегчало» беспрепятственное использование фонетических
законов, но не способствовало выявлению действительных
закономерностей языка [184].

Развитие методов фонологии, лингвистической географии,
теории «слов и вещей» и социолингвистического подхода к языку
(идиолект, спонтанная речь и возникающие в процессе ее фонетические
явления, в частности «вставные» звуки на стыке слов в предложении и др.)
в большой мере поколебали правомерность фонетических законов
(многие лингвисты предпочитают говорить теперь не о законах, а об
определенных более или менее последовательно проводимых тенденциях
фонетического развития) и «фонетической этимологии» как непререкаемой
основы основ всякой этимологии, хотя, как это ни парадоксально,
до сих пор именно эта процедура продолжает пользоваться наибольшим
доверием многих лингвистов и считается самой надежной⁷.
Представители лингвистической географии считали, например, что
каждое слово имеет свою историю, а «история слов предшествует
истории языка», сторонники метода «слов и вещей» утверждали, что
повторяемость семантических процессов есть лишь отражение повторяемости
фактов реальной действительности. Ф. де Соссюр считал, что «синхронические
факты, каковы бы они ни были, представляют определенную регулярность,
но не носят никакого императивного характера; напротив, диахронические
факты обладают императивностью по отношению к языку, но не имеют харак-

⁷ Специальные исследования показали, что языковые изменения могут происходить не только в «прямом», но и в «обратном» направлении, хотя подобные изменения дают повод для их превратных толкований. Ср. [3-8].

тера общности» и подчеркивал, что «...говорить о лингвистическом законе вообще равносильно желанию схватить призрак» [54, с. 98]. В этих определениях, как и в тезисах младограмматиков (а в новейшее время — в теории Н. Хомского), проступает тенденция рассматривать язык *en bloc*, как «однородное», «гомологическое» образование, не различая его территориальных, социальных и идиолектных подсистем, обычно тесно связанных и взаимодействующих между собой [197].

Сторонники фонетических законов, как правило, исходят из ошибочных тезисов о том, что (1) представленные элементы являются диахронической цепочкой в конечной инстанции, что между ними не было никаких промежуточных звеньев и сами они не являются промежуточными звеньями, не обязательно строго следовавшими друг за другом (принцип «*post hoc, ergo propter hoc*»), тем самым нередко смешивая причину и следствие, и что (2) любое фонетическое изменение является изолированным феноменом, происходящим независимо от той среды, того окружения, где оно совершается (атомизм), хотя, как сейчас известно, любое языковое изменение, в том числе и фонетическое, представляет собой продукт взаимодействия целого комплекса явлений, различных по своему иерархическому уровню, функциональному статусу и природе. Следовательно, даже внешне одинаковые изменения с точки зрения «породившей» их системы и их «веса» в новой системе могут иметь неодинаковый характер. Фонетические соответствия отнюдь не исключают различных толкований одного и того же слова (так, М. Бреаль насчитывал около пятнадцати различных этимологий французского слова *aller* — MSLP, XII, с. 5, а Г. Зайлер указал более шести этимологий греческого слова *antropos* — «Glotta», XXXII, с. 225). Если бы не было заранее известно значение исследуемого слова, то его в равной мере можно было бы фонетически соотнести и с другими лексемами, а не с теми, с которыми оно обычно сопоставляется, что еще раз подчеркивает произвольность подобной процедуры. Соответствия вполне могут применяться как к истинным лексемам, так и к искусственным или случайным образованиям, возникшим благодаря ошибке в рукописи, неверному переносу или слогоделению, а также в связи с ошибочным соединением частей отдельных слов в одно «слово» [ср. др.-англ. *wenth* 'beauty' (Hpt. Gl. 417, 23) < *wen theh*; *raedecentra* < *raedewiga vel centra* и др.], принятием слов (или частей слов) языка, с которого сделан перевод, за слова языка, на который переведен рассматриваемый текст (ср. др.-англ. **ruta* — лат. *ruina* и др.), заменой, пропуском, перестановкой или наращением букв и т. д. При этом нельзя забывать, что до сих пор нет каких-либо объективных критериев, позволяющих в каждом отдельном случае допустить или отвергнуть действие фактора случайности. Именно поэтому первостепенную важность приобретает не только решение вопроса

о сопоставимых и несопоставимых языках [322, 323], но и выяснение неодинаковых возможностей, условий или уровней сопоставимости даже в пределах одного языка и, в частности, выяснение вопроса о том, допускает ли данный смысл данное фонетическое сопоставление, а данный фонетический состав — данный смысл и т. д. Необходимо иметь в виду, что рассматриваемое фонетическое или семантическое явление может быть реликтом, инновацией или результатом взаимодействия нескольких не представленных в языке процессов в рамках одного и того же или различных языковых уровней; необходимо также не упускать из виду того обстоятельства, что так называемые исключения из правил в действительности могут объясняться тем, что эти явления могут проявиться в ограниченном количестве слов в силу определенных структурных особенностей языковой системы. Ряд слов вообще не поддается сопоставлению на основе фонетических законов — известен спор Г. Шухардта с А. Тома относительно происхождения франц. *aller* (<*ambulare*) и *trouver* (<*turbare*): в этих случаях семантический фактор как бы «перекрывает» фонетический, который оказывается практически неприменимым.

Этимологизирование только на основе фонетических законов неизменно суживает, схематизирует, упрощает (или, наоборот, усложняет) рамки исследования (в ряде случаев этимология слова становится вообще невозможной из-за отсутствия «подходящих» звуковых соответствий), не позволяет рассматривать язык во всей его сложности и во всех его аспектах и ракурсах и, исходя из тезиса о гомологии языка, одностронне ориентирует исследователя только на определенную грань языкового комплекса. Ученый, слепо следующий фонетическим законам в этимологии, нередко лишен возможности привлекать для сравнения действительно исконно родственные формы и лексемы, поскольку они не отвечают заранее заданным формулам, но в то же время в ряде случаев он вынужден произвольно истолковывать самые различные по своей природе явления языка в свете этих формул (например, рифмованные образования нередко принимаются за ошибку, а истинные ошибки за рифмованные образования или подвижные формативы), тем самым сводя на нет основную *raison d'être* этих законов — их строгость. Поэтому фонетические законы, которые в ряде случаев, безусловно, представляют собой одно из важнейших звеньев процедуры этимологической идентификации, сами по себе явно недостаточны для решения вопроса о соотношении отдельных слов. Именно здесь наиболее ярко проявляется столкновение основных параметров всякого исследования — фактического материала, теории и метода.

Фонетический метод в этимологии намного пережил ту теорию, которая лежит в его основе, т. е. выдвинутое младограмматиками понимание языка как исторически изменчивой психо-

физической деятельности индивида, но остался в стороне от всех последующих лингвистических концепций. Это объясняется отнюдь не тем, что теория младограмматиков лучше других соответствует специфике этимологических исследований, а, скорее, определенным консерватизмом, характерным для этой теории. В этой связи показательно высказывание И. Йордана о том, что фонетических законов «нельзя ни избежать, ни опровергнуть, но следует просто признать [их.—М. М.] как практическую необходимость» [178, с. 67]. Именно теоретическими установками младограмматиков и объясняется характерная для фонетической этимологии таксономическая ориентация на одно-однозначные соответствия, рассмотрение языкового изменения как механического перехода одних элементов в другие, отказ от выяснения причин звуковых переходов.

В связи с тем что многие сопоставляемые при фонетическом методе лексемы в том или ином виде засвидетельствованы только в рукописях, огромную важность имеет исследование определенных традиций переписки [112; 189], в свете которого фонетические законы нередко предстают не как языковые закономерности, изменения или соответствия, а как рукописные варианты, причем традиционно подразумеваемый принцип соответствия одной буквы одному звуку речи нередко оказывается ошибочным. Кроме того, исключительное значение имеет анализ ошибок при переписке и соответствий ошибочных вариантов букв и орфографических вариантов в рукописях. В связи с этим никак нельзя согласиться с мнением некоторых ученых, утверждающих, что орфография дошедших до нас текстов на индоевропейских языках в большинстве своем не была спорной и требовала минимум интерпретации. Напротив, именно орфография текстов на индоевропейских языках, их филологическая интерпретация, нередко незаслуженно оставляемые без внимания, представляют большие трудности. Только исследование филологической «родословной» той или иной лексемы может дать надежный критерий для ее этимологии и должно обязательно предшествовать любому этимологическому (и фонетическому) анализу.

В связи с этим остановимся подробнее на природе и особенностях так называемых слов-призраков (термин В. Скита), т. е. словоформ или значений, возникших в результате ошибок при переписке или контаминаций форм и значений.

Проведение этимологических исследований требует не только чрезвычайной тщательности и глубокого знания анализируемого языкового материала, но и всестороннего учета достоверности (или недостоверности) тех лексем, которые привлекаются для сравнения, а также учета непротиворечивости различных аспектов этимологической реконструкции (фонологические данные, факты ареальной лингвистики, семантические и словообразовательные схождения и расхождения, филологиче-

ская характеристика анализируемых лексем⁸). Подлинность или недостоверность лексем, привлекаемых при этимологическом анализе, может рассматриваться в двух планах: 1) в зависимости от используемых методов анализа (атомистических, структурных и т. д.), т. е. в зависимости от того, верно или неверно данное слово одного языка или диалекта соотносится именно с данными словами других языков или диалектов; 2) в случае использования древних языков, зафиксированных письменностью, — в зависимости от филологической оправданности именно данного графического варианта слова, выступающего в данном значении в определенной рукописи (и соответственно его оправданности в изучаемом языке вообще), т. е. в зависимости от того, можно ли признать данный графическо-семантический комплекс реальным элементом той или иной лексико-семантической системы.

Правильное написание какой-либо буквы в слове мы будем называть графемой, а различные возможные варианты ее написания в памятниках — аллографами этой графемы. Для определения необходимости эмендаций, корректирования того или иного образования в тексте предлагается следующая методика. Прежде чем приступить к корректированию формы X на Y необходимо решить следующие вопросы.

(а) Если форма X ошибочна и должна корректироваться на *Y, можно ли подобную ошибку (X вместо *Y) найти в других местах текста? Таким образом, рассматриваемая ошибка может быть или не быть возможной для изучаемого текста. Первый из случаев мы обозначим через А, второй через а. В рукописи древнеанглийских Линдисфарнских евангелий наблюдаются ошибки только двух видов — смешение графически сходных знаков и пропуск отдельных букв.

(б) Если форма X не ошибочна и не должна корректироваться, то имеются ли какие-либо данные вне рассматриваемого текста, подтверждающие эту форму? В частности, необходимо обратить внимание на то, манифестируется ли изучаемое образование на более поздних этапах развития изучаемого или родственного языка. Обозначим первый из этих случаев б, а второй В.

(в) Имеются ли не имеются данные, подтверждающие форму Y в изучаемом тексте? Обозначим эти случаи соответственно С и с. При различной комбинации перечисленных возможно-

⁸ Мы не говорим уже об огромном значении филологического анализа для правильного понимания древних текстов и их художественных особенностей. Так, известное место в «Слове о полку Игореве» долгое время читали как «растекашется мыслию по древу», где совершенно непонятным было употребление слова *мысль*, в связи с чем считали, что в основе этого выражения лежит какая-то не совсем ясная метафора. Недавние исследования показали, однако, что перед нами слово *мысь* 'белка', засвидетельствованное и в русских территориальных диалектах (возможно, однако, что *мысль* в этом выражении — вариант слова *мысь*).

стей (ABC, aBc, abC, Abc, aBC, ABc, abC, abc) выясняется, что случаем, в котором эмендация X > *Y наиболее оправдана, является ABC; менее оправдано (хотя вполне возможно) корректирование в случаях ABc, AbC. Эмендация не оправдана в случаях Abc, aBc, abC, abc. Очень важно выявить графическую вариантность древних лексем. Это позволяет определить, существовало ли искажаемое переписчиками слово в рассматриваемом языке, что решающим образом влияет на возможности его дальнейшего сопоставления.

Разумеется, что в случае включения в какой-либо этимологический ряд лексических элементов, реально отсутствовавших в изучаемом языке, ставятся под вопрос и многие другие элементы этого ряда, по крайней мере те, которые были включены в этот ряд по тем же признакам, что и указанные мнимые лексемы (нередко именно мнимые слова или слова, соотносимые с ними, обуславливают появление в этимологических словарях пометы «неясно»). В этом плане показательны даваемые Ф. Хольтхаузеном мнимые этимологии слов в древнеанглийском. Ср. *cursian* 'plectere': этимология Ф. Хольтхаузена — швед. *kars* 'Weidekorb', др.-исл. *kjarr, kjorr* 'Gesträuch', греч. *gerron* 'Flechtwerk', арм. *car* 'Baum', др.-англ. *corthor* 'Rührstab', 'Quirl'; др.-инд. *garta* 'Wagenkorb'. Однако в свете имеющихся данных нельзя признать существование слова *cursian* в этом значении; последнее встречается в Линдисфарнских евангелиях в качестве вариантной (и синонимической) глоссы к др.-англ. *slaegan* и соответствует лат. *plectere* 'наказывать', 'осуждать' (но не 'плести'): Mk 15, 17: *inponent ei plectentes spineam coronam. onsetton him cursendo vel slaegendo*; Wrt. Voc. I, 519, 2: *plectit, witnath* [полный контекст из Альдхельма: *et merito plectit peccantes verbere saevo* (I, 197)], ср. также интерпретацию лат. *plectere*: CGL, 7, 97: *plectere. punire*; Ahd. Gl. II, 487, 34: *plectere. uuizenon*; CGL, 7, 97: *plecti.damnari*; Gl. Lat. V, 104, 8: *plectitur. damnatur, punitur, percutitur*. Ср. еще Lk, XX, 47: *cur-sung. damnationem*.

В Wrt. Voc. I, 33, 16 читаем: *murenula. bool*. В своем «Anglo-Saxon dictionary» Г. Суит переводит *bol* 'an eel' (видимо, имея в виду лат. *murena* — род рыбы). Однако в свете имеющихся данных представляется возможным корректировать **bol* в *bul* 'an ornament'; ср. Rtl. 4, 2: *murenulas aureas. bulas gyl-denno* (ср. еще Wrt. Voc. I, 33, 16; An. Ox. 8, 319). Ср. совр. сев.-англ. диал. *bully* 'a term of endearment' (EDD, I, 438): *Right, my bully boy*; совр. амер. разг. *bully* 'первоклассный', 'великолепный'; у Шекспира («Merry wives», II, 1, 225): *My hand, bully*; швейц. *bul* 'schönartig', 'allerliebst', 'prächtig' (Staub—Tobler, IV, с. 1118).

Ср. еще мнимое слово *mylma*, которое приводится Холдером в виде глоссы к лат. *recessus* («Germania», Bd XXIII, с. 398, 15) и отсюда попало в словари Босворта—Толлера в значении

‘a retreat’ и Хольтхаузена — ‘Winkel’. Полный контекст леммы *recessus* следующий: *age ipse maior carnifex, ostende quo pacto queant, imos recessus scindere manus et ipse intersere, rivosque ferventes bibere* («Peristephanon», 5, 150). В этом отрывке речь идет о мученике, который обращается к своим палачам с просьбой вырвать его внутренности. Ср. Ahd. Gl. II, 428, 1, где *imos recessus* из того же контекста глоссируется *die tiuphun invvertion*. Последнее слово в древневерхненемецком является также глоссой к *viscera* (Graff, I, с. 1000). В др.-англ. *viscera* глоссируется, как известно, *inylfe, inelfe, inelbe*. Ср. Нрт. Gl. 429: *in imis ilibus i. visceribus. inelnum*. Из этой глоссы становится понятной возможность формы множественного числа *inylma*, с которой мы, несомненно, имеем здесь дело. Таким образом, форма **mylma* оказывается мнимым словом.

Мнимые слова бывают пяти видов: (1) ошибочные по своей форме; (2) верные по форме, но не существующие как самостоятельные слова, являясь формой какого-либо другого слова [ср. приводимое Хольтхаузеном и воспринятое индоевропейским словарем Ю. Покорного, якобы существующее совр. англ. *fad* ‘stark’, ‘tapfer’, ‘gross’, которое, по мнению Ф. Хольтхаузена, восходит к гипотетическому др.-англ. **faed* и к лат. *potis* (Holthausen, KZ, 1951, Bd 69, с. 167; Роконгу, с. 842)]. Это слово отсутствует в «Большом Оксфордском словаре современного английского языка» и в диалектном словаре Дж. Райта. Однако в «Среднеанглийском словаре» Г. Курата и Ш. М. Куна находим среднеанглийское (а не современное английское!) слово *fad(e)* ‘having the character of a foe’, ‘inimical’, 2) ‘having the spirit of a warrior’, ‘bold’, ‘fierce’, которое встречается только в северных текстах. Издатели справедливо полагают, что перед нами форма, образованная от др.-исл. *fa* ‘foe’, ‘enemy’. Вполне очевидно, что слово *fad* ‘stark’ никогда не существовало ни в древнеанглийском, ни в современном английском]; (3) ошибочные по содержанию (при этом имеются в виду совершенно несовместимые значения леммы и глоссы, а не семантические оттенки одного и того же значения). Вполне понятно, что форма, содержание которой не соответствует постулируемому, не может существовать в языке как слово и неизменно является мнимой — ведь, как известно, только единство формы и значения составляет слово. Данная форма существует в языке лишь постольку, поскольку она связана с данным значением; (4) ошибочные и по форме и по содержанию; (5) слова языка оригинала, ошибочно принимаемые за слова перевода. Ниже будут даны примеры на три последних случая.

Др.-англ. *molegn* (лат. лемма — *galmum, calnum, galmilla*: wrt. Voc. I, 280, 35; I, 369, 30; I, 413, 4, 5; Ep. Gl. 10f, 15; 10f, 32) переводится в словаре Босворта—Толлера ‘a thick substance made of curds’, а в словаре Холла — ‘curds’ (?). Как показывает фактический материал, слово это имело совершенно иное

значение, а именно 'кусок'. Ср. глоссу Wrt. Voc. I, 245: *molegn-stycc. galmulum*, которую следует читать: *molegn. stycc. galmulum*, т. е. *molegn* уравнивается по значению с *stycc* (ср. совр. нем. *Stück*), а не входит в состав сложного слова **molegn-stycc*. Ср. швейц. *Molgen* 'grosses Stück', 'Brocken' (Staub—Tobler, IV; с. 212); также н.-нем. *Molgen* 'dicke Brotschnitte, die mit der kochenden, fetten Brüß garäucherten Fleisches durchgezogen sind und so gegessen werden'. Интересно, что в глоссе Wrt. Voc. I, 197, 27: *caluarium, strictura, uel calwerclympe* элемент *calwerclympe* не является единым словом (как это фиксируется во многих авторитетных словарях), а состоит из латинской части *calwer* (испорченное *calmum, galmum*) и отдельного древнеанглийского слова *clympe* (совр. *clump*) 'кусок', 'глыба'. При этом *calwer, cealre* 'curds' (?) для древнеанглийского — мнимые слова.

Интересна следующая глосса (Wrt. Voc. I, 195, 28): *waeser. bubimus*, где мы имеем дело с «ghost-word» в латинском. Ср. Ср. Gl. (Hessels), 26, 209: *bulimus. vermis similis lacertiae in stomacho hominis habitans*. Ср., с другой стороны, швейц. (*Kell*)-*Mause* 'Raupen'. Видимо, в древнеанглийском необходима корректировка *w* на *m*. Однако здесь возможна вариативность Anlaut'a. Ср. также швейц. *Riser* 'Wurm'.

В отношении *aemutha, caecum intestinum* (Wrt. Voc. I, 160, 11) следует отметить, что здесь, очевидно, указанное слово соотносится с *sine foramine* во фразе: *caecum intestinum quod sit sine foramine et exitu*. Мнимым следует признать др.-англ. *fustran* в Ап. Ох. 1428: *fustran. focus* (лат. *foci. i. ignis*). Здесь возможна перестановка буквы *r* при переписке, а также часто встречающаяся в древнеанглийских рукописях замена *y* на *u*, так что первоначально древнеанглийская глосса читалась *furstān* 'fire-stone'.

В «Англосаксонских глоссах», изданных Либерманом, находим глагол *bycgan* в значении 'to bear in mind': *ic eal geteallan ne maeg thaet god scirman bycgan sceal*, ср. § 18: *Hit is earfothe eall to gesecganne, thaet se bethencan sceal, the scire healt*. Слово *bycgan* здесь, видимо, надо эмендировать на *behycgan* (ср. переход *beh>b* в ср.-нидерл. *behaghel>baghel, behaghen>baghen, behende>bende, behoef>boef, behoren>boren*).

Методика установления формальной и семантической достоверности слов в древних языковых памятниках в основном состоит в следующем: 1) сопоставление графического облика одного и того же слова в различных рукописях изучаемого памятника; учет его формальных и синонимических вариантов. Следует отметить, что многократная встречаемость именно данного графического облика слова никоим образом не свидетельствует о его правильности, ибо все эти случаи могут быть обусловлены перепиской одного и того же неверного вариан-

та; 2) соотнесение данной глоссы с определенным связным оригинальным текстом, к которому она, вероятнее всего, восходит; соотнесение данной глоссы перевода с широким контекстом оригинала; 3) учет палеографических особенностей, сходств и различий отдельных букв в древних рукописях и вариаций их изображения в различных школах письма; 4) так называемый анализ по цепочке, при котором неоправданность того или иного слова доказывается соответствием той же леммы другому древнеанглийскому варианту, а то или иное значение анализируемой лексемы вскрывается при эквивалентности ее леммы другому слову в том же или в ином памятнике. Общий принцип «цепного» анализа (как для переводных лексем, так и для их лемм) — последовательное сопоставление нескольких вариантов глосс, в каждую из которых должна входить одна из синонимичных лексем, выявленных в предыдущей вариантной глоссе.

При этом не следует, как это часто делается, во что бы то ни стало стремиться корректировать ту или иную лексему, тщательно не взвесив предварительно все *pro* и *contra* такой корректировки, вытекающие из имеющегося языкового материала: установление случаев, когда то или иное слово не является мнимым, не менее важно, чем корректировка мнимых слов; 5) широкое сопоставление глосс, вызывающих сомнение в отношении своей формы или значения, с материалом близко- и/или неблизкородственных языков или диалектов в синхронии и диахронии.

Вполне естественно, что при установлении достоверности какого-либо слова, как и при этимологическом исследовании, возможно получение нескольких различных, даже противоречивых решений, каждое из которых обычно основывается на использовании определенного круга фактических данных. Нередко, например, материал ареальной лингвистики дает иное решение, чем материал филологической обработки текста; иногда одно и то же слово возможно по-разному истолковать на основе различных филологических данных или различных данных лингвогеографии и т. д. Примерами могут служить следующие случаи. Г. Д. Меритт считает, что др.-англ. *gadinca* (Wrt. Voc. I, 120, 34: *mutinus. gadinca vel hnoc*; Wrt. Voc. I, 448, 15: *mutinus. gadinca*) является «ghost-word» и фактически представляет собой сложное слово, состоящее из *gad* 'goad' и *hinca* 'limper', и переводит его 'maimed animal'. Необходимо отметить, однако, что в свете швейц. *Goden* 'verschnittener Eber' (Staub—Tobler, II, с. 123) следует, с одной стороны, отвергнуть толкование Г. Д. Меритта, а с другой — признать наличие разбираемого слова в древнеанглийском. Древнеанглийское слово *mes* 'dung' (Lchdm. II, 98, 5) можно интерпретировать либо как испорченное др.-англ. *meox* (ср. совр. нем. *Mist*), либо как не зафиксированное в древнеанглийском **hres* (в рукописях *m*

часто представляет собой испорченное сочетание *hr*). Ср. н.-нем. диал. *Ress* 'Haufe' (ZfMf, 1958, Bd 26, Hf. 3). В словаре Босворта и Толлера др.-англ. *theran* (Wrt. Voc. I, 27, 1 — лат. *inruens*) корректируется на *the rende* (от глагола *rinnan, rennan*) или *thewende*. Ср., однако, др.-англ. *daegtherlic* 'cotidianus'; *daegthern* 'a day's run', 'space', с которым следует сопоставить Wrt. Voc. I, 224, 29: *daegrynu* 1. *daeglicu. diurnum* i. *unius diei*. Ср. шваб. *därren* 'schnell laufen' (Fischer, s. v.).

Дж. Харт (MLN, XIV, с. 29) и Ю. Цупица («Academy», July 7, 1888, с. 11) считают, что др.-англ. *orceas* (лат. *inmunes*) (ср. Wrt. Voc. I, 52, 2: *inmunes. orceas*; ср. также Wrt. Voc. I, 424, 23: *inmunitas. orceasnes*; Wrt. Voc. I, 491, 22) состоит из двух элементов — *or* и *ceas*, соответствующих лат. *in* и *munes*. Следует отметить, что *ceas* в древнеанглийском означает только 'strife', 'fight'. Ср., с другой стороны, Wrt. Voc. I, 459, 31: *orc thyrs oththe heldeofol* (также Wrt. Voc. I, 36, 15); В, 225: *Thanon untydras onwocon, eotenas and orcneas*. Ср. совр. швейц. *Orch* 'Geiferlappen', 'die kleine Kinder zum Essen tragen'; 'ein unreinlicher oder mit einem Gebrechen behafteter Mensch', ср. еще ст.-исл. *orkn* 'a kind of seal'; лат. *orca* — животное из семейства китов. Г. Сунт переводит *orca* 'demon'.

Латинская лемма *proriginem* передается через *blot* (Zfd A, 33, 251, 22). Ср., однако, *pruriginem, bleci* (OET, Leiden Gl. 111, 24).

Спорное древнеанглийское слово *cecín* (Wrt. Voc. I, 279, 1: *cecín, tabetum*; в словаре Босворта — Толлера: 'a board'; у Хольтхаузена: 'Wandbehang', 'Teppich'), которое, казалось бы, следует корректировать на *aecin* 'law' (Г. Меррит), на *decín* (совр. нем. *Decke*) или *cyth* 'a shoot (of a tree)', получает «права гражданства» при сопоставлении и совр. швейц. *Chuechle* 'kleiner, in der Schlittsohle befestigter Pfosten, der das «Joch» zu tragen hat' (Staub—Tobler, III, с. 145). Ср. Cp.Gl. 1978: *tabetum. bred*. Wrt. Voc. I, 50, 1.

Интересно, что известные, засвидетельствованные письменностью слова при ближайшем рассмотрении могут требовать корректировки, причем иногда два или несколько известных слов дают одно (в частности, и не зафиксированное в специальных словарях или в письменности вообще). Ср. сочетание *twam tyncenum* в следующем стихе из Оросия (72, 29): *tha gebeotode an his traegna thaet he mid sunde tha ea oferfaran wolde mid twam tyncenum ac hine se stream fordraf* — лат. *nam unum regionum equitum candore formaque excellentem transmeandi fiducia persuasum abruptum praecipitatumque merserat*. Принимая во внимание практику переписчиков, часто вставлявших *t*, варьируемое с *s*, в начале или в середине слов (особенно в Epinal glossary: ср. *alter, alcer—aler*), а также частую замену *n* на *h* [ср. Cp.Gl. H. 141: *hochtatus* (= *notatus*). *gelaecht-rad*], можно с большой достоверностью предположить здесь од-

но слово *wamtyhtenum*, точно соответствующее лат. *fiducia persuasus*.

Ср. еще Wrt. Voc. I, 440, 6: *sirutum. latibulum* 'place of ambush' (ср. др.-англ. *searu+tun*). Слово *siretum*, однако, при ближайшем рассмотрении оказывается латинским, а не древнеанглийским. Ср. Ап. Ох. 1677: *latibula secreta*.

В свете сказанного возникает вопрос: как же избежать множественности решений при установлении подлинности формы и семантики слов в древних памятниках?

Как мы пытались показать в другой своей работе [42], лексические элементы образуют в языке определенные лексико-семантические микронаборы (гесп. микросистемы). Некоторые из них пересекаются между собой, а некоторые сосуществуют и вместе образуют лексическую макросистему языка. Любое слово, независимо от того, перешло ли оно в другой микронабор или вообще вышло из языка, неизменно оставляет прямой или косвенный след в лексической системе. Наличие или отсутствие данного слова на определенном этапе развития языка должно быть оправдано данной лексической микро- или макросистемой. Отсюда следует основной принцип анализа: степень вероятности данного графическо-семантического варианта стоит в прямой зависимости от его наличия или отсутствия в строго определенном лексическом микронаборе на нескольких этапах развития языка в различных его территориальных проявлениях.

Можно сформулировать следующие правила, являющиеся следствиями из приведенного тезиса: 1) слово характеризуется непротиворечивым количественным и качественным постоянством и единством присущих ему признаков в пределах данного микроряда (в синхронии и диахронии); 2) слово не может быть включено в два этимологических окружения на основании привлечения языковых и филологических данных одного и того же ряда; 3) различные интерпретации, характеризующие слово в нескольких этимологических микрорядах, не могут характеризовать его в одном и том же микроряду. В пределах одного микроряда возможна одна, и только одна, интерпретация данного слова по одному или нескольким признакам, не противоречащим структуре и особенностям того ряда, в который входит это слово.

Вслед за В. Скитом большинство исследователей исходят из того, что «ghost-words» — это ошибочные образования, реально не существующие в языке, хотя специальное определение этого понятия в литературе практически отсутствует. Ошибочность тех или иных лексических форм или значений — весьма шаткое понятие. Как мы уже говорили, ошибочными могут быть не сами формы или значения слов, а толкования последних. Поэтому под «ghost-words» в настоящей работе мы будем понимать не любые формы и значения слов, представляю-

щиеся ошибочными, а только такие, которые не отвечают приведенным выше правилам.

Ниже будут рассмотрены некоторые засвидетельствованные в языковых памятниках «ghost-words» древнеанглийского языка, представляющиеся нам наиболее интересными⁹.

BREPTA: Hessels, 34—37 (Ahd. Gl. I, 340): *uisucal (vesiculam). crop l. brepta*. Лейдекер корректирует *brepta* на *blatern*. Следует, однако, учесть, что в некоторых рукописях (Ahd. Gl. I, 346) за *vesiculam* следует лемма *sartago*, выпавшая здесь. Видимо, именно к этой лемме и относится рассматриваемое слово, представляющее собой *breptam* (перестановка букв), т. е. неверно записанное немецким писцом др.-англ. *braedpanne*. Ср. Gl. S. 18: *sartago. brediponne*; Ep. Gl. 23: *sartago. bredipannae*.

BREOSA: Ep. Gl. 27: *asilo. briosa* (Cp. Gl. 225); Cp. Gl. 1976: *tabanus. briosa*. Ср. комментарий Сервия к «Георгикам» Вергилия (III, 148): «Nigidius de animalibus: asilus est musca varia, tabanus, bubus, maxime nocens, hic apud Graecos prius myops vocabatur. postea a magnitudine incommodi oestrum apellarunt. et hoc est quod ait oestrum Grai vertere, non de Latino in Graecum, sed de Graeco in suam linguam quae prior fuit». Переводчик, недостаточно владевший латинским языком, видимо, понял это место следующим образом: «это насекомое называется *prius myops* у греков». Таким образом, *prius* в древнеанглийском — это неверно понятое латинское слово (т. е. «ghost-word»). Ср. вариантное чтение комментария Сервия (изд. Thilo und Hagen, III, 1, с. 289): «Quomodo Grai vertere, cum omnia quae latina sunt, a graeca ratione descendant? solvit quaestionem. Graeci cum myopem primo dixerint, displicuit nomen, quia proprium non erat oestrum dixerunt, hoc est quia furiam oestrum vocant». Отсюда, видимо, в свою очередь, др.-в.-нем. «ghost-word» *primisa* (совр. *Bremse*); ср.-в.-нем. *Virgilglossen* SS. II, 637, 39; 702, 54; 726, 33.

Ср. также примечание Хесселса к тому месту древнеанглийского *Corpus Glossary*, где встречается *briosa*: «MS. *prius*, but *p* corrected into *b*. The *u* is marked for erasure by a small fine dot underneath, and above is written *mi* in small fine writing, and hence *brimisa*».

Интересно, что рассмотренные «ghost-words» прижились в английском и немецком языках и до сих пор остаются живыми: англ. *breeze, breeze-fly*; нем. *Bremse*.

BYRDE 'of high rank' (OET, 566a). Erf. 1153; *byrd (istrae) blaciarius primibicularius*. Вторая латинская глосса, види-

⁹ Мы не будем касаться здесь часто встречающихся в глоссах случаев усечения слов [типа *comis. hel* вместо *helmum* в OEG, 30, 118 или *oc. uiricus* (Prud. Gl. 402b, 259), которое, как показал Ю. Цупица («Archiv», Bd 94, с. 430), является аббревиатурой от *Octavianus*, а для древнеанглийского представляет собой «ghost-word»], случаев криптографической записи слов, а также случаев опрощения сложных слов.

мо, не имеет отношения к первой (см. JAPh, XIV, с. 151) и является интерпретацией выпавшей лексемы. Первую же латинскую глоссу, которую Лёве читает: *blatiarius*, следует сопоставить с CGL., II, 406, 28e: *petalourgos. blatterius (=bractearius)*; Ср. Gl. P. 240: *petalum. laminea aurea in fronte in quia scriptum nomen dei. tetragrammaton*; CGL, II, 406, 27a: *bratteum (=bracteum). flaminium (=flaminum) lamina*; Wrt. Voc. I, 148, 12: *brattea (=bractea): gylden laejr*; Wrt. Voc. I, 360, 33: *brattea (=bractea): gylden thel arlaegen*; Wrt. Voc. I, 358; 15: *bratheas (=bracteas): goldfel (=goldthel)*; Wrt. Voc. I, 518, 4: *petala. goldfyld fel (=gold thylo pel)*. В свете этих данных можно предположить, что перед нами др.-англ. *bred* (ср. совр. нем. *Brett*), которое представлено еще в Wrt. Voc. I, 50, 1; 528, 33.

BUFANTIGERA: Нрт. Gl. 525, 9: *bufantigera. mitrae*. Ср., однако, Ан. Ох. 5242: *mitrae. hufan. Tigera*, видимо, отдельное слово, являющееся видоизменением лат. *tiara*.

CEDDRAN: Byrhtferth, с. 148: «ic hopige thaet cherubin se maera aetwesan wylle and of thaem upplican weofode mid his gyldenen tange thaere gledan spearcan to minre tungan gebringan and thaes dumbes muthes ceddran aethrinan». Ср. Wrt. Voc. I, 157, 40: *arteriae. windaeddran*. Ср. Isidor, 11, 1, 56: *arteriae vocatae...quod artis et anguistis meatibus spiritum vitalem retineant unde vocis sonos emittunt*.

Ср. обратный процесс — *ae* вместо *ce* — Wrt. Voc. I, 181, 10: *nassa. aewul vel boganet* вместо *cewul*. Ср. швейц. *Chewel 'Handkorb'* (Staub—Tobler, III, с. 581).

CRINC 'a kind of shoe' (Г. Меритт корректирует это слово на *cinc* 'mockery'). Нрт. Gl. 33, 250: *crince. cuturno*. Нам представляется, что буква *c* в это слово (как это часто бывает), видимо, попала из леммы *cuturno*, *n* стоит вместо *h* (Ср. Gl. *nefern. cancer* вместо *hefern*, ср. совр. англ. диал. *heaver* 'рак'), причем *i* и *r* подверглись метатезе. В результате реконструируем слово *irhce*, существование которого в указанном значении, как показывает фактический материал, вполне оправданно. Ср. др.-в.-нем. *ir(a)h*, бавар. *Irsch* 'Holzsandalen der Bauersleute mit darangenageltem Ueberschuh-Leder' (Schmeller, с. 148); Gl. O. 190: *wanz* (т. е. *gants*). *irhine. Irch* (Schmeller, с. 130); 'bearbeitete Gams- oder Rehhaut'. Ср. еще шваб. *Irch* 'weisgerbtes (Bock-, Gems-, Reh-) Leder' (Fischer, IV, с. 47); швейц. *Irch* (Staub—Tobler, I, с. 408). Ср., с другой стороны, швейц. *Fink 'Schuh'*.

CRUFE: OEG, 43, 4: *amulas.crufe* следует, видимо, читать *cruse*, тем более что над строкой стоит буква *s*. Ср. др.-в.-нем. *And. Gl. I, 430, 32—33*. Ср. шваб. *Krause* 'grosser irdener (Wasser-, Bier-)Krug meist mit weiter (verschliessbarer) Öffnung' (Fischer, IV, с. 702—703); ср. бавар. *Krause* (Schmeller, I, с. 1380, 1382); швейц. Staub—Tobler, III, с. 861; эльзас. *Martin—Lienhart*, I, с. 524.

CYLCAN: OEG, 20, 2: *cylcende. ructans*. Ср. перевод лат. *ructare* как 'bealcettan (bylcan)': Cant. Ps. 18, 3; 44, 2; Wrt. Voc. I. 229, 18: *bylcetteth, rocseteth. eructuat*; R₁ 13, 35; *rocseto vel bilketo. eructo*. Ср. также перевод *ructare* как 'loc(c)ettan' (Mt I, 7, 5: *locseth vel gesprang. ructans*; Mt 13, 35: *ic locseto vel ic geyppe. eructo*), которое в свете приведенного материала, безусловно, следует рассматривать как «ghost-word». Ср. швейц. *Edrock* 'отрыжка' (у скота при переваривании пищи). Ср. еще швейц. *belgen* (Staub—Tobler, IV, с. 1212) 'herumziehen'; 'sich herumreissen'.

DENTELE: Ср. Gl. (Hessels, A. 172): *accinctu. dentele*. Видимо, заимствовано из текста Энея (VII, 612), причем *a* в *accinctu*, очевидно, обусловлено окончанием предыдущего слова *trabea*: «ipse Quirinali trabea cinctuque Gabino/insignis reserat stridentia limina consul». Интересно, что слово *reserat* из этой фразы встречается в Ср. Gl. 1725 (= Ер. Gl., Ef. Gl. 872): *reserat, andleac (onleac)*. Видимо, мы имеем здесь дело с др.-англ. *thenhecle* (*t* в этих глоссах часто стоит вместо *c*, а *h* часто опускается). Ср. *theghaecl* 'cinctus militaris'.

FECISLUN: OEG, 40: *sitarcis. fecislun*. Ср. Wrt. Voc. I, 423, 3: *in sitharciis. in faetelsum*.

FELDE: Wrt. Voc. I, 218, 34—35: *delento fruto. of thiccum felde. de denso campo*. Ср. то же в Ап. Ох. 104: *of thiccum asodenes wines thefele l. felde. lendo careni defruto*. Можно полагать, что первоначальной древнеанглийской глоссой *defrutum* было *weall*. Ср. Wrt. Voc. I, 217, 44: *defrutum i. vinum. medo geswet vel weall*; Нпт. Gl. 414, 1: *Niwes l. gesodenes wealles. defruti l. medoni*; Нпт. Gl. 520, 38: *wealle. defruto, vino* (ср. Wrt. Voc. I, 128, 34: *gesoden win. defrutum vinum*; I, 385, 41: *cyrin. defrutum cyren oththe awylled win. dulcisapa*; Нпт. Gl. 408, 42: *Asodenes wines. careni*). В связи с тем что в изучаемых глоссах часто свободно варьируются *w*, *f*, можно полагать, что в процессе переписки *wealle* приняло форму *fealle*. При дальнейшей переписке писец мог случайно опустить *a* в *fealle* и затем поставить его над строкой; последующий же переписчик вполне мог принять это *a* за *d*, стоящее в качестве исправления над вторым *l* в слове, в результате чего и получилось *felde*. Следует признать «ghost-word» и *thefele*, восходящее, видимо, к *the wele*. Ср. англ. диал. *to wall* 'seethe', нем. диал. *Walle*.

FOTHORN: Lchdm. I, 6: *with tham nitheran tothece, slit mid the fothorne oth-thaet his bleden*. Босворт и Толлер интерпретируют это слово как состоящее из *fon* 'хватать' и *thorn* 'шип'. Однако стоящие в рукописи слова *mid the fothorne*, видимо, следует понимать как *mid thefothorne*. Ср. *thefothorn* (Lchdm. III, 56, 27). Ср. швейц. *tefflen* 'einen mit flachen, laut schallenden Schlagen strafen' (Staub—Tobler, XII, с. 603).

FILISTRUS: CGL, V, 295, 4: *filistrus. fimbria*. В связи с частой заменой *a* на *i*, а также учитывая, что *s* в середине сло-

ва *filistrus*, возможно, стоит вместо *s* с диакритиком (т. е. вместо *siue*), эту глоссу можно записать: *fila, siue. trus. fimbria*. Если принять во внимание, что *fimbria* в латыни интерпретируется через *fila* (ср., с одной стороны, Mt 14, 36: *et rogabant eum ut uel fimbriam uestimenti eius tangerent* и, с другой стороны, Evang. Hist. III, 130: *uestisque attingere fila extrema exoptat*), а также частую замену в этой рукописи *t* на *s* (ср. CGL, V, 319, 44; *pede septim caute sensim = pedeteptim = pedetemptim*), можно предположить, что *fila* в этом случае — латинская лемма, синонимичная стоящему рядом *fimbria*, а *trus* — видоизмененное древнеанглийское слово *thraed* 'нитка' (*thraet > thraed*).

GAS-RIC (OET, 587b: 'ocean'). Ср. Wrt. Voc. I, 154, 39 (304, 17; 462, 15): *gar-secg.oceanus*. Ср. нем. *gar*, англ. диал. *gorbellu* 'с большим животом'.

GERINEN (OET, 505: 'diligent'). Ср. Gl. 24: *gerinen, nauum*. Глосса восходит (как указывает Хессельс — «Introduction», с. 229) к «Liber de nominibus Hebraicis», где читаем *nauum* (т. е. имя пророка Наума) *germen*. Таким образом, др.-англ. *gerinen* 'diligent' — это «ghost-word», представляющее собой испорченное лат. *germen*.

HREGRESI: CGL, II, 584, 35: *inguen. lesca hregresi*. Ср. др.-в.-нем. *hegadrosi*. Возможно предположить первоначальную форму **hegthresi* [*hegthresi > hegtresi > hegcresti > hregresi* (с повторением *r* из второго слога)]. Ср. др.-англ. *hagan* 'genitalia'; нем. диал. *Hegel* 'Zuchtstier', *hecken* 'sich paaren (von Vögeln)'.
HREAN. Видимо, вместо *hlend* (= *hland*)¹⁰. Lchdm. II, 252, 16: *with hrean* (Сомнер приводит лемму *phthisis*) 'indigestion (?)'.

Ср. совр. сев.-англ. *lant* 'urine'; бавар. *klänen* 'schmierig'; *klanig* 'schmierig' (Schmeller, s. v.).

HNOC: Wrt. Voc. I, 120, 34; *mutinus. gadinca vel hnoc*, где *hnoc* — это, вероятно, испорченное др.-англ. *hnot* 'mutilus' (ср. Cot. 131: *hnot. mutilum, mutilatum*, также Wrt. Voc. I, 444, 19—20). Ср. CGL, IV, 538, 50: *motilum. sine cornibus aut semi-truncum*; CGL, V, 554, 50: *mutina pecora. sine cornibus*; ср. также Ahd. Gl. IV, 80, 38: *mutilum. hamaler*; IV, 117, 35: *mutinus. hamaler*.

Ср. совр. сев.-англ. *not* '(of a field) smooth', 'well-tilled' — EDD, s. v.

LAE: Wrt. Voc. I, 263, 21 (368, 14): *Lae wiffex, caesaries*. Ср. исл. *lo, loo* 'shagginess'. Ср. ср.-англ. Prompt. Parv., с. 291: *le of threde*. Ср. англ. диал. *lea* 'the seventh part of a hank or skein of worsted'. В рукописи, однако, стоит *cessarius wiffex*, а над *e* в первом слове — *l. ae*, т. е. глоссатор просто хотел сообщить, что наряду с формой *cessarius* возможна *caessarius*.

¹⁰ При метатезе *n*: *a*, которое употреблено вместо *d*. В связи с заменой *r* ср. Gl. 254: *flagrans = fragrans*; 46: *obsculatio = obscuratio*; 55: *pastophoria = pastophoria*; 449: *plumus = prunus*; см. также ниже: *lyge = ryge*.

LESEN (*neisn*): CGL, II, 585, 15: *ilium. neisn. naensood*. Ср. также Wrt. Voc. I, 20, 24: *lesenexta*. С этими глоссами ср., с одной стороны, Wrt. Voc. I, 419, 9: *ilibus. smaelthearmum*; 159, 37: *ilia, smaelethearmas*; 26, 6: *ilia, midhrithir*; 517, 15: *ilia. innethas*, а с другой — Wrt. Voc. I, 393, 11: *exta. isen*. В свете этих данных *neisn, lesen* представляется возможным читать *isen*. Ср. Logica Gl. 71: *isernum (=isennum), intestinis*; Lchdm. I, pref. LXXII C.: *turtuosis cum intestinis. gebegdum cum isernum* (рук. Н.—*eosenum*). Ср. еще др.-англ. Wrt. Voc. I, 396, 22: *iesend oththe innelfe*. Ср. ср.-н.-нем. (см. Birlinger.—ZfdA, XVI, с. 516) *iusant*. II *carnes porcinas, dimidium pectus vaccae, linguam vacci-* *nam*; III *satsulia iecorina, I iusant I vder*; IV *smalander (=smal-* *ader)*.

Ср. ср.-англ. *ising* 'sausage' (ср. семасиологическую параллель англ. *bowels* < ст.-франц. *boll* < *botellus*, уменьшит. от *botulus* 'sausage'); швейц. *Heisel* 'einseitiges Leiteseil für Zugvieh'; 'Tragband an einem auf dem Rücken getragenen Korbe' (Staub—Tobler, II, с. 1681); бавар. *Hesse* 'Garn', *hesseln* 'mit Garn vorrichten'¹¹ (Schmeller, s. v.). Принимая во внимание швейц. *Heisel* и бавар. *Hesse* 'Garn' (ср. нем. *Garn* 'часть желудка'), можно предположить соотносимость изучаемого слова с др.-инд. *kosthas* 'Eingeweide', греч. *kūstis*. Ср. др.-англ. *aeder* (=нем. *Ader*) 'Eingeweide'.

OET, 619a: *newe-seothu* 'pit of the stomach'; CGL, V, 365, 43: *ilium, neuu seada (naensida)*, где, видимо, произошла замена *r* на *n* (очень часто наблюдаемая в этом глоссарии), в связи с чем следует читать *near (neor-) sida*. Ср. *heortsida. vitalia; sulhgesidu*¹².

LYGĒ: Wrt. Voc. I, 301, 2: *lyge, sicalia*. Ср., однако, Ср. Gl. 918: *sicalia. ryge*.

MAETHLERE 'recklessness': Ep. Gl. 549: *incuria. in maethle*. Видимо, из (*h*)*lothere (=se nlethere—se melthere=se maethlere)*. Ср. швейц. *Lodeli* 'leichtsinniger, liederlicher, nachlässiger Mensch'; 'Lotterbube', 'Lotterer'.

NIGAN: В словаре Босворта и Толлера 'listen' (?); Ехон. 390, 27: *Donne ic bugendre stefne styrme, stille on wicum siteth nigende*. Видимо, вместо *higan* (т. е. *hygan*, примеры см. В—Т, с. 578—579). Ср. бавар. *hügen* 'denken' (Schmeller, II, с. 1069); *hüglich, Gehuge* (там же); швейц. (Staub—Tobler, II, с. 1088): *hügen* 'sinnen', 'denken auf'.

NAESC: Wrt. Voc. I, 337, 3: *naesc. nebris oththe heortha*: Lchdm. II, 104, 13; 140, 10.

Как видно из фактического материала, первая буква в этом слове — *l*, а не *n*. Ср. др.-англ. Ср. Gl. 188: *partica. reodnaesc*.

¹¹ Ср. бавар. *Kes=Es(Eis)*; голл. диал. *Ooi—Gooi* (см. «De niuwe taalgids», 1965, 58, afl. 5, с. 302—304).

¹² Ср. нортумбр. *esne* 'viriliter'; Wrt. Voc. I, 77, 40; *iunges, adolescens*, т. е. *iung esn* (ср. совр. англ. *gut* 'кишка', по *guts* 'смелость').

но др.-в.-нем. Ahd. Gl. 2, 325, 15: *particis i. losge*; др.-англ. Aelfr. Gl. 28 (Wrt. Voc. I, 125, 23): *laeshosum. cernui*; ср. ср.-бавар. «Edictum Rotharis Tit.» (С. I, § 62): *roborem aut cerrum seu quercum modo laiscum*. Ср. еще Ahd. Gl. III, 287, 13: *rubricata pellis. losgihut*; II, 644, 54: *ianthino. losceshuti*. Ср. также др.-англ. Ap. Ox. 5324: *readlesc. rubricatis pellibus* и бавар. *rotlosk* (Diemer, Ged. 55, 28). Ср. бавар. *Losch* (Schmeller, I, с. 1521): eine Art Kostbaren Leders; шваб. *Losch*: Art rohen Leders (Fischer, IV, с. 1292).

NIP: лат. *rudente* («Germania», Bd XXIII, с. 399, 451) фиксируется в словарях Босворта, Холла, Хольтхаузена. Однако здесь, видимо, следует читать *niwum* (лат. *rudis*). Ср. Ap. Ox. II, 86: *rudibus. niwum*; Ap. Ox. 914; *rudimenta. niwunga*; Ap. Ox. C. 28, 157: *rudis. i. nono. niwan*.

OEM-SETEN (OET, 550a): 'shoot'. 'slip'. Ср. в словаре Г. Сунта: *oemseten=ymbseten* 'shoot'. Ср. Gl. A. 534: *amtes. oemsetinne wiingeardes*. Последовательное изменение рассматриваемой глоссы в процессе переписки, видимо, можно представить следующим образом: *oemsetinne < enisetinne < endisetinne*. Последний вариант явно стоит вместо лат. (*extremi*) *ordnes uineae*: ср. CGL, V, 265, 46: *antes extrimi ordines uinearum*, что позволяет восстановить первоначальный вид слова.

ONWAER 'unripe': Cockayne, 32, 18—20: *with flie genim onwaere slah th seaw and wring thurh clath on th eage sona gaeth on thrim dagum of gif sio slah bith grene* (ср. перевод, с. 33: 'Against white spot, take an unripe sloe and wring the juice of it...'). Слово зафиксировано в словарях В—Т, Hall. Исследуемое слово легко можно было бы истолковать как соответствующее *unmaer (=unmearu)* 'unripe', ср. нем. *mürbe*, швейц. *märw*. Однако при ближайшем рассмотрении вопрос оказывается несколько сложнее. Кокейн заключил о значении этого слова (и он сам этого не скрывал) только на основе последующего определения *grene*, что, как нам кажется, вряд ли является вполне оправданным. Следует учитывать прежде всего, что глоссаторы имели обыкновение сливать в одно слово предлог и управляемое им слово. Мы полагаем в связи с этим, что перед нами «ghost-word», состоящее в действительности из *on thaere*. Ср. 114, 12—13 (рук. С.): *gena on thaes Cotan handa th hylfe* в противоположность рук. Н.: *genam th hylfe of thaes Gotan handa*. При всех условиях ясно, что перед нами — «ghost-word».

RAEDGAESRAM: CGL, V, 365, 34: *hyadas red gaesram* (Ep. Gl.: *hyadas. raedgaesram*). В процессе переписки эта глосса, видимо, последовательно принимала такой вид: *raedgaesram < raedsaeran < raegsaerran < regnsteorran* (ср. нем. *Regenstirn* — Grimm., s. v.).

SAEMOTU: Wrt. Voc. I, 246, 10; *saemotu. fustrum*. Ср., однако, CGL, IV, 459; *flustra. motus maries*.

SINEDUMA: OEG, 38, 104r: *polenta. i. sineduma*. Ср. Cp.Gl. P. 497: *polenta. smeodoma*.

Ср. совр. сев.-англ. *smeddum* 'the powder or finest part of ground malt'; 'meal' (EDD, V, 551).

STENT: Cp.Gl. 292: *stent. becta*. Как указывает Хессельс (В. 91), в рукописи стоит *becta. stert*. Ср. Wrt. Voc. I, 195, 29: *sterc. bucula. iuuenca, uitula* (замена *t* и *c* в изучаемых глоссах — частое явление). Что же касается леммы, то здесь перед нами, видимо, *becla=becula=uetula=uitula* (замена *b>u* часто встречается в глоссах). В связи с порчей *l>t* после *c* ср.: CGL, LV 378, 19; *dorhgifecilae=thorh gifectae*; CP. 168: *anim. tua=animula*.

Ср. совр. сев.-англ. *stirk* 'a heifer between the age of one and two years'; 'a young bull' (EDD, V, 769).

SUND: Prud. Gl. 284: *stemma, descriptionem. sund*. Здесь, видимо, следует читать *cynd*. Ср. *stemmati. maegthe* (Prud. Gl. 352).

SLIEG: Cp. Gl. 316: *bofor. lendislieg*; Wrt. Voc. I, 195, 6; *bofor. laembis lieg*. Если учесть, что в древнеанглийских рукописях *r* часто заменялось на *n*, а *f* — на *b* (написание этих букв в древней английской графике очень сходно), то лемму *bofor* можно прочесть *bobon<bubon* (греч. *boubon*). Последняя, несомненно, является латинской транслитерацией греческого слова, соответствующего лат. *inguen* (как это видно из CGL, II, 544, 3; II, 526, 44). Ср. Lucilius Fragm. XIV: *inguen ne existat, papulae, tama, ne boa noxit*; Marcellus, De Medicamentis (ed. G. Helmreich), XXXII, 25: *si quis ab equitando aut ambulando inguen habuerit*. Ср. также глоссу «Excerpta ex Glossario Manuscripto Latino-Theodisco quod Florentiae extat in Bibliotheca Magni Ducis», 159b: *lacerdus dades inguinaria*, т. е., видимо, *lacertus, clades inguinaria*, что и могло явиться истинной леммой рассматриваемых глосс (вероятно, в виде *bubon. lacertus. clades inguinaria*). Показательно, что в этой глоссе в одном ряду стоят *lacertus* 'мышцы' [ср. др.-англ. *lira*, н.-нем. *Lurre* 'die Hüfte', 'die Lende', 'der Schenkel', совр. сев.-англ. *lire*] и *clades inguinaria* (ср. швейц. *Schlier* 'Wulst'). Ср. «Dasy-podius Dict. lat.-germ. Golii Onomasticon, Frischilini Nomenclator», s. v. *boubon. slyer, slyr*; Diefenbach, s. v.: *bubo. schlier*.

Учитывая приведенный материал из древних словарей, а также современный верхненемецкий диалектный материал, где *Schlier* используется в значении 'нарыв', 'опухоль', нам представляется возможным утверждать, что *g* в *slieg* ошибочно стоит вместо *r* (ср. Cp. Gl. IV, 118, 27: *molige arcem=moliri arcem*). Возможно также, что *r* из *slier* ошибочно стоит в *bofor*. При всех условиях (даже если не объяснить *g* в *slieg* порчей рукописи) несомненно, что в древнеанглийском перед нами тот же корень, что и в совр. швейц. (шваб., бавар.) *Schlier* 'Geschwulst', ср. вестфальскую форму *slie*.

STAEFOD. В ОЕТ, 463а, приводится древнеанглийское прилагательное *staeƿod* 'striped'; ср., однако, в Ср. Gl. V, 385, 12; *perstromata ornamenta staeƿadbrum*; в «Corpus Christi Glossary» (по изд. Хесселя): *perstromata ornamenta steba*, т. е., видимо, испорченное лат. *perstromata ornamenta stibadiorum*. *Stibadium*, естественно, является латинским образованием от греч. *stibas*, представленного в написании *stoibas* в евангелии от Марка (греч. Mk. 11, 8: *stoibadas ekopton ek dendron kai estronuon*), т. е. означает 'слой соломы, листьев и др.'. В разбираемом случае *stibadium* употребляется в значении 'мягкое сиденье', 'сиденье с прослойкой соломы, волоса и т. д.'. При этом следует допустить, что *b*, как это часто случается в разбираемых глоссах, было заменено на *u*, а последнее на *f* (ср. Ср. Gl. D. 137: *defectum. deportatum = deuectum. deportatum*)¹³, в результате чего и возникла форма *stoefadiorum*, принятая Г. Суитом за древнеанглийское слово.

SUPE: Wrt. Voc. I, 276, 25: *supe, sarcio*. Ср., однако, Wrt. Voc. I, 44, 33: *sarcio. siouu*.

TENER: OEG, 69, 5: *balsis, tener*, ср. Ср. Gl. 6: *balsis. tetre*. Ср. Wrt. Voc. I, 791, 14: *tetere. serpedo*.

WAETIG: Prud. Gl. 389а, 21: *callida. waetig*, ср. An. Ox. 4980: *callide. paetigere*. Ср. совр. англ. *pat* 'кстати', 'в точку'.

WERDE: K. Gl. 864: *werde. opes*. Ср. Wrt. Voc. I, 62, 28: *opes superbe. ofermode prede*. Здесь, однако, мы имеем дело не с *prede* (= *pryde*), а, видимо, с *psede*, т. е. перед нами метатеза в слове *spede*. Ср. Eadwin Ps. 40, 4: *opem. spaede*.

В заключение интересно остановиться на др.-англ. *haraх* *legomenon* — *gesen: exta i. intestina fibras pectorum. hostiare* (Oliphant, E. 583), не зафиксированном ни в одном древнеанглийском словаре. Слово это приобретает «права гражданства» не только при сопоставлении с приводившимся выше др.-англ. *isen* (*oesen*) 'кишка' (Logica Gl. 71), но и с швед. диал. *osa*, *osning* — вид рыбы (см. МА, I, 1937, с. 3—7), нем. диал. (герминовское) *Giesen* 'рыба Cyprinus Cephalus' (др.-швед. *gius* 'Perca Lucioperca'), которое до сих пор остается загадкой для этимологии. Вальде—Покорный справедливо отвергают сближение этого слова с и.-е. **ghu-* (греч. *ithūs*, лит. *zivis* и др., как это предполагает А. Иоханнессон). Ср. семасиологические параллели: н.-нем. (вестфальско-нижнерейнско-нидерландское) *rier* 'Regenwurm', англ. диал. *piers* 'a long reddish-coloured worm found under the ebb-stones' (EDD, s. v.), но швед., норв. диал. *pier* 'Makrelle', 'kleine Forelle' и особенно швед. диал. (готландск.) *piring* 'lang, smal korv' (МА, I, 76). Возможно, сюда же следует отнести и др.-англ. *rop* 'кишка'.

Еще Ф. Мистели отмечал, что «Бопп, Гримм, Диц и их непосредственные последователи оперировали скорее буквами,

¹³ D. 262: *diatrifas = diatribas; crefrat = cribrat; sifilus = sibilus; baselus = phaselus; bufus = bubo*.

чем звуками» [246]. Бопп, например, постулирует следующие весьма сомнительные «звуковые переходы»: др.-инд. *cravajati* > лат. *clamat* (*v* > *m*), др.-инд. *bhavaajati* > лат. *facit* (*v* > *c*), др.-инд. *plavaajati* > лат. *plorat* (*v* > *r*) и др. К сожалению, смешение буквенных и звуковых соответствий в ряде случаев не преодолено и до сих пор, в связи с чем нередко возникала иллюзия некоторых звуковых «закономерностей». Так, М. Донт убедительно показывает, что англо-саксонские писцы, пользовавшиеся не только латинской, но и ирландской системой письма, нередко применяли гласные *i*, *e*, *u*, *a*, *o* в качестве диакритиков, указывающих на большую или меньшую твердость согласных, перед которыми или после которых они ставились (о том, что гласные могли использоваться как диакритики, свидетельствует и тот факт, что в средне немецких рукописях они используются для различия качества звука и ставятся над соответствующими буквами), в связи с чем вряд ли можно говорить о таких звуковых процессах («законах») в древнеанглийском, как преломление, палатальная дифтонгизация и умляут. В этой связи становятся понятными и такие типичные для нортумбрийских текстов написания, как *deiglice* наряду с *deglice*, а также *seisto*, *reihntniss*, *gebreingendum*. Спорным до сих пор остается произношение готских дифтонгов *ai*, *au* и латинского *ae*. Вместе с тем одна и та же орфография нередко скрывает различное произношение, особенно в иностранных словах. Так, Бен Джонсон иллюстрирует произношение сочетаний *ui*, *uy* словами *buie* (*buie*) и *juice* (*juyce*). Дело в том, что в елизаветинскую эпоху указанное сочетание имело в английском языке два различных произношения: с одной стороны, *ui* предстает как дифтонг и *juice* рифмуется с *voice*, *joice*, *joist*, *buy* [boi] и даже само это слово записывается как *jois(e)*, *ioyce*, *joice*, а с другой стороны, оно является монофтонгом и *juice* рифмуется с *truce* [u:]. Звук [ü] во французских словах, кроме того, произносился и как [i], ср. *brisk* (<*brusque*).

Ниже будут рассмотрены некоторые случаи, когда при этимологизировании того или иного слова вообще нет возможности опереться на «фонетические законы» (или их роль оказывается второстепенной) и на семасиологические преобразования. Рассмотрение этих случаев показывает также, что языковой и, в частности, лексико-семантический, континуум нередко подвержен нарушению, разрыву и что в ряде случаев бывает неверным утверждение о том, что данное значение является непосредственным продолжением, «видоизменением» предыдущего, а данная лексема обязательно «соответствует» какой-либо засвидетельствованной форме.

В ряде случаев в результате контаминации созвучных слов в латинско-германских глоссариях эти лексеммы получают совершенно несвойственное им значение. Если же промежуточные звенья такой контаминации оказываются утраченными, то

при установлении этимологических связей соответствующих слов (в частности, лексем, синонимичных тем, которые контаминированы) неизбежна идентификация слов, не имеющих между собой ничего общего, хотя соположение таких слов и может поддерживаться фонетическими соответствиями.

1. Одним из наиболее спорных в этимологическом отношении слов в германских языках является нем. *Weib*, англ. *wife* и др. Так, Шрадер возводит это слово к санскр. *vip* 'begeistert sein', Беценбергер — к и.-е. **vei(k)-po* (санскр. *vicpati* 'Herr'), а Клюге — Митцка — к и.-е. **ueip* 'drehen'. Представленному в гот. *biwaibjan*, др.-нсл. *veifa* 'umwickeln'. Обратимся, однако, к материалу средневековых латинско-немецких глосс и рассмотрим этот вопрос более подробно.

Вульг. лат. *vernaculus* в глоссах Л. Дифенбаха уравнивается с *vermiculus* (Diefenbach, с. 613). Лемма *vernaculus* глоссируется средне немецкими словами *maget*, *mayt*, *meyt*, *maytsen*, а также *knecht*. Синонимы же *vermiculus* глоссируются следующим образом: *scarabaeus*—*wiber*, *keffer*; *curculio* (Diefenbach, с. 163) — *wubbel*, *wibil*, *wybel*. Один из вариантов *curculio* — *cartulio*, контаминируемый с *cartulositas*, — ср.-нем. *liste* (Diefenbach, с. 103). Синонимом же *liste* в вульгарной латыни является *dolus*, *list*, *betregunge*, *betriegung*. В свою очередь *dolus*, безусловно, контаминируется с вульг. лат. *dula*, i. *ancilla* (Diefenbach, с. 192), глоссируемым через *magit*, *mayd*, *maecht* 'девушка' (Diefenbach, с. 33). В качестве леммы ср.-в.-нем. *list*, *betregunge* выступает *pellarius*, i. *pellax*, *bedriegunge*, *betruglich* (с. 421). Вариант же *pellarius* — *pellex* глоссируется *keß-weib* [*pellex* также контаминируется с *pellicium* (с. 421): *pellicium*, i. *vestis de pellibus facta* l. *deceptio*]; синоним *pellex* — *concupina* глоссируется *kebis wip*, *kefse*, *kebs weyp*. Любопытно, что *curculio* варьирует с *capito*, а это последнее с *gracius* (с. 97), т. е., очевидно, с *grauia*, i. *gratuita*, *mulier pregnans* (Diefenbach, с. 269). С этой последней глоссой следует сравнить *ganeo* (вариант *graneo*), *hurer* (с. 257), а также *ganea*, *hure* (с. 257). Ср. также синоним *curculio* — *capito*, глоссируемый *gauata*.

Таким образом, можно констатировать, с одной стороны, контаминацию значений слов, глоссирующих лемму *vermiculus* (*curculio*) — *wiber*, *keffer*, и, с другой — слов, глоссирующих соотносимое с этой леммой *vernaculus* 'девушка' (интересно, что н.-нем. *Kafer* употребляется в значении 'девушка'). Это смешение поддерживалось особенно в связи с контаминацией соответствующих германских слов: др.-в.-нем. *mado*, ср.-в.-нем. *mayde* (Diefenbach, с. 579), нем. *Made*, др.-англ. *matha*, *mathu* (ср. совр. англ. *maggot*) 'червь' и др.-в.-нем. *maget*, ср.-в.-нем. *maget*, *mayt*, *meyt* (совр. нем. *Madchen*) 'девушка'. Не подлежит сомнению, что нем. *Weib* по своему происхождению является мнимым словом, возникшим в связи с контаминацией слов

wiber, keffer, глоссирующих *vermiculus* (*scarabaeus, curculio*), со значениями уравниваемых с этими последними лемм *carulio, dolus, pellex, ganea, concubina*, ошибочно глоссируемых теми же лексемами *kefse weyp, kebis wip, keß weyp*.

Интересно, что латинское *vermis* - (которое, как мы видели, часто глоссируется через ср.-нем. *wif*) контаминируется с *veruex* (см. Diefenbach, s. v.), а это последнее соответствует лат. *buggens, bigens, spado, hermaphroditus*. В этой связи становится понятной следующая древнеанглийская глосса: Wrt. Voc. I, 161, 11: *hermaphroditus. waepenwifestre*. Ср. др.-в.-нем. *wibello, wivello, widillo* 'hermaphroditus'. В этом случае перед нами, очевидно, *wif* в значении 'vulva', противопоставляемое *waepen* 'membrum virile'. Ср. нем. диал. *Weitling, Weiding, Wadlen, Widing* 'Gefäß' (др.-в.-нем. *bahweiga, bahweda*). Ср. также др.-в.-нем. *waben, wapp* 'Honigscheibe', а также нем. арг. *Wedl* 'Dirnenkunde' (Wolf, s. v.). Ср. еще глоссу у Дифенбаха (с. 163): *vernaculus. l. vermiculus, kneht. eigen, schlecht* (в пейоративном значении). Ср. бавар. *Knüchtel* 'Prügel'. Ср. др.-англ. *wifel, wifer* 'an arrow', 'dart', 'javelin' (Hpt. Gl. 432, 45, 53; 405, 52—55); Prompt. Parv., с. 526: *wyfle, wepene. bipennis*. Ср. в связи с этим соотношение семантики латинских *virga* — *virgo* (ср. IF, Bd 50, 2, 1932, с. 132; PBB, Bd 41, 1916, с. 182).

Отметим, что синоним *pellex. keß-weib* — вульг. лат. *dolosus* в рукописи подвергся семантической контаминации с этим последним: ср. вульг. лат. *dula dulia, ancilla(h)abra* (Diefenbach, с. 192). Слово *abra* (из греч. *abra*) глоссируется как *dienst-mayt* (Diefenbach, с. 4). В связи с этим вполне правомочно полагать, что глоссаторы принимали *frau* (т. е. осколок латинской леммы *fraudulenter*, синонимичной *pellex*) за самостоятельное германское слово, глоссирующее *dula*. Интересно и весьма показательно ошибочное слияние латинского и немецкого слов *arbaswurm* (Diefenbach, с. 571). Именно таким представляется происхождение первоначально мнимого немецкого слова *Frau* 'женщина', которое обычно возводится к др.-инд. *purva* 'первый', *purva* 'ранний'.

Весьма любопытна следующая контаминация, произошедшая параллельно с указанной выше. Латинская лемма *mane* глоссировалась в средненемецком *vruo* (др.-в.-нем. *fruo, frua, fro, froa*, совр. нем. *früh*). При этом лат. *mane*, несомненно, контаминировалось с др.-в.-нем. *man* (совр. нем. *Mann*) 'человек', 'мужчина'. В этой связи показательно глоссирование латинских лемм *matrona, domina, dominatrix, mulier* мнимым словом *vrou* (внешне сходным с *vruo. mane*; ср. также др.-англ. *frea* 'dominus' и *fræa* 'mane'), с одной стороны, и словом *vir* — с другой (Schade, I, с. 229). Любопытно, что в современных немецких территориальных диалектах слово *Mensch* употребляется в значении 'девочка', 'девушка' (особенно в нижней и верхней Австрии: «Deutsche Wortatlas», IV, 1955).

2. Вульгарно-латинская лемма *dolium* (*doleum*), глоссировавшаяся через *but*, *butten*, контаминировалась писцами с созвучной ей леммой *dolus* [ср. *dolus*, *list*, но также *zuber* (*dolium*)]. При этом в средневековых германских глоссариях *but*, *butt* имеют следующие графические варианты — *buzius*, *buzca*, *bot(t)a*, *bussa* (Latham, s.v.). Однако лемма *dolus*, с которой контаминировалась лемма *dolium*, глоссируется *boeser* (*anschlag*), *beß* (*list*), откуда нем. *bose*.

Таким образом, перед нами мнимое немецкое слово, возникшее благодаря контаминации указанных лемм и глосс, но уже получившее значение леммы *dolus*. Интересна в связи с этим латинская глосса *busa*. i. *despectus*. i. *buzi*. К тому же корню, несомненно, относятся и такие (тоже мнимые по своему происхождению) слова, как п.-др.-англ. *bisig*, *bysig*, совр. англ. *busy* (слово это не имеет этимологии, хотя Хольтхаузен связывает его с лат. *festinare* 'eilen'), нидерл. *bezig*, швед. диал. *bos* 'wild', 'verwegen', 'hochfahrend', норв. *baus* 'stolz', 'keck', шваб. *bisen* 'wild umherrennen (von Vieh)' — Fischer, I, с. 1338; эльзас. *bisen* (то же) — Martin—Lienhart, II, с. 101; швейц. *bisen* (то же) — Staub—Tobler, IV, с. 1684. Ср. также в итальянских диалектах: ломб. *bezey*, лиг. *bezigu*, вен. *biziyo* 'Stachel (der Biene)', миланск. *besia(r)* 'stechen', 'lebhaft werden', *besiadura* 'Schwellung'. Ср. также ст.-франц. *beser*, *besiller* 's'effaroucher'; 'courir ça et là'; 'tourmenter', 'maltraiter'; 'ravager', 'détruire'; англ. *to (em)bezzle*, которое первоначально означало 'to impair'.

Интересно, что среди вариантов *butt* имеются и следующие: *bussardus*, *buzzardus* (Latham, с. 60). В свете этих данных и учитывая значение указанных выше слов, глоссирующих *dolus* (*bose* и др.), становится понятным происхождение и значение весьма спорного слова *bizzare*, распространенного в ряде европейских языков: англ., франц. *bizzare*; исл. *bizarro* 'gallant', 'brave', ит. *bizzarro* 'capricious' (ср. ит. *bizza* 'Zorn')¹⁴. Др.-англ. *rum*, др.-в.-нем. *rumi*, др.-исл. *rumr*, гот. *rums* (ср. совр. англ. *room*, нем. *Raum*) могли означать не только 'пространство', но и 'вместилище', 'сосуд' [ср. совр. нем. диал. *Riehm(en)*, *Riemen* 'Gefass', вульг. лат. *rumo* 'packing material' (Latham, s.v.), голл. *ruim* 'трюм' (на корабле)], в связи с чем указанные слова были синонимичными вульг. лат. *butt* и его вариантам *bussardus*, *buzzardus*. Именно этим обстоятельством можно объяснить тот факт, что англ. *rum* (первоначально распространенное только в слэнге), как и *bizzare*, приняло значение

¹⁴ В специальной литературе это слово также не имеет определенной этимологии. Испанские лексикографы связывали его с греческими и арабскими словами, а также с баскским *bizar* 'борода'. Другие этимологи возводят это слово к ит. *bizza* 'гнев', происхождение которого, однако, остается темным [223; 281]. Наконец, ряд ученых считают возможным связывать рассматриваемое слово с лат. *vitium*, *vitiosus* [286].

‘странный’. Ср. также шваб. *rum* ‘brunstig sein’ (Fischer, s. v.), англ. слэнг *rum* ‘good’, ‘excellent’; ‘valuable’; ‘handsome’; ‘dexterous’ (Partridge, s. v.). Ср., с другой стороны, в американском слэнге: *rum*, *rummy* ‘poor’, ‘mean’, ‘contemptible’.

3. Немецкое слово *bunt* ‘пестрый’, а также нидерл. *bont* ‘мех’, ‘шкура’ (как и заимствованные рум. *bunde*, венг., серб.-хорв., чешск. *bunda*) принято возводить к лат. *punctum*, причем значение ‘мех’ считается семантическим вариантом к ‘пестрый’ [Kluge, s. v.]. Я. Гримм в своем словаре соотносит это слово с *Bund* (<*binden*). Дело, однако, обстоит намного сложнее. В средненемецких глоссах, собранных Л. Дифенбахом, вульгарнолатинская лемма *pella* контаминируется с *pellis* ‘шкура’ и уравнивается со средневерхненемецкими глоссами *bone*¹⁵ *l. hute, en bom. hutte* (с. 421). Буква *e* в глоссах, как правило, варьировала с *c* (ср. Diefenbach, с. 584: *tineta = tincta, tinca = tineia*). В свою очередь буква *c* в огромном количестве случаев варьирует с *t* (ср. OEG, 40: *sitarcis. fecislun*, Wrt. Voc. I, 423, 3: *in sitharciis. in faetelsum*; Diefenbach, с. 82: *brucus = brutus, famicus = famitus, occa = octa, tenca = tenta* и др.). Таким образом, вполне возможно возникновение в рукописях из варианта *bone* варианта *bont*, который, как мы говорили, приобрел значение своей леммы, а именно *pellis* ‘шкура’. Буква *t* в конце слова *bone* могла возникнуть и из перечеркнутого *l* (т. е. представляет собой *vel > l*), непосредственно следующего за ним в глоссе. Весьма важна глосса *bonasus. i. pellifex*. Слово *bonasus*, несомненно, контаминировалось с *bombasium*, *pannibasium* (ср. франц. *bombasin*, ит. *bombagia*) — Diefenbach, с. 78. Ср. совр. англ. *bunting* ‘cloth used for patriotic decoration’. С другой стороны, *bonasus*, видимо, разлагалось переписчиками на два уравниваемых между собой элемента — *bon* и *asus* (ср. вульг. лат. *assaia* ‘bolting-cloth’ — Latham, с. 33); ср. совр. англ. диал. *bunt* ‘bolting-cloth’, *to bunt*, ‘to sift’, ‘to sieve’ — EDD, I, 448. Ср. ср.-англ. *bonten* ‘to sieve’. В свою очередь *bombasium* глоссируется через ср.-в.-нем. *wams* ‘запятнанный’, *scheck* ‘пестрый (сюртук)’. Элемент *fex* в слове *pellifex* мог контаминироваться со ср.-в.-нем. *vech* ‘пестрый’, тем более что и вульг. лат. *fex* означало ‘запятнанный’, ‘печистый’ и глоссировалось также *bome* (Diefenbach, с. 232). Отметим, что слово *pellifex* в глоссах варьирует с *PELLI-farius* (Diefenbach, с. 421), а *farius* глоссируется ср.-в.-нем. *bunt* (Diefenbach, с. 225). Таким образом, перед нами не закономерный «семантический переход» (‘шкура’ → ‘пестрый’), а смешение значений, возникшее благодаря ошибкам в рукописи. Ошибки же нельзя выявить при помощи закономерных соответствий.

¹⁵ Сама по себе лексема *bone* — ошибочна и используется вместо *bom* (ср. *gamaria = ganiaria*, Diefenbach, s. v.). Лат. *pella* означает здесь не ‘кожа’, а ‘лука седла’: ср. др.-англ. OET, 88, 818: *pella. sadulicgæ*, исп. *pella* ‘a ball’, ‘anything made in round form’.

подобно тому как и закономерные соответствия нельзя вывести на основе ошибок.

4. В древнеанглийской глоссе Wrt. Voc. I, 502, 31 лат. *tabo* глоссируется как *hune vel adle* (ср. эльзас. *Hünsch* 'Geschwulst'). Однако синонимом *tabo* в глоссах было *bona*, вариант *boa*. i. *iumor pedem prae itinere*. В связи с ошибочной идентификацией *hun* с лат. *bonum* 'хороший' вполне понятно возникновение мнимого слова *hund* 'gut', распространенного в нижне-немецком диалекте и в немецком аргю (Wolf, s.v.). Буква *d* в этом слове является избыточной, как и в англ. *sound* (<франц. *son*).

5. В древнеанглийских Линдисфарнских глоссах находим «загадочное» слово *word* — лат. *rubus* (Lk VI, 44; XX, 37). Слово это встречается в значении 'virga' (Cambr. Ps. 88, 32, 33), *uueard* находим также в значении 'sandix' (Ep. Gl. 950). Указанное слово сближали с арм. *vard*, а также араб. *ward*, арм. *vardah*. Приводят также ср.-лат. *warantia* (>ст.-франц. *garance*) 'красный краситель'. Рассмотрим, однако, фактический материал. Вульг. лат. *occa* передается у Дифенбаха (с. 391) *felh* l. *ear*. Синоним *occa* — *novalis* глоссируется *gerodet erde*, *gerut*, *gerute* (ошибочно воспринятые как ср.-в.-нем. *ruote*, т. е. *virga*). Обращаясь еще раз к *occa*, находим ошибочную глоссу — *genus coloris* (вместо *colonus*). Тем самым объясняется «загадка» со значением указанных слов: перед нами известное древнеанглийское слово *earth* 'земля' с препозитивным артиклем (в глоссах *th* часто заменялось на *ш*). К этому надо добавить, что в древнеанглийском лат. *occa* и *novalis* глоссируются через *wyrthing*: Wrt. Voc. I, 495, 20: *occa. wealth oththe wyrthing*; Wrt. Voc. I, 495, 21: *novalibus.wyrthelandum*. Ср. также в современных английских диалектах *worthing* 'manure' (EDD, VI, 547).

6. Немало этимологических домыслов возникло вокруг франц. *risque*, нем. *Risiko* и др. — слова, проникшего в европейские языки лишь в позднем средневековье. Полагают, что это слово является романским заимствованием из греческого *ridza* 'корень', которое якобы впоследствии стало употребляться в значении '(подводная) скала', в связи с чем реконструируется гипотетический вульгарнолатинский глагол **risicare* 'Klippen umschiffen', откуда ит. *risco* (ныне *rischio*), франц. *risque*, исп. *riesgo*, др.-прованс. *rezegue*, нем. *Risiko*, а также ит. *rischiare* 'Gefahr laufen, wagen'. Наряду с этим взвешивается возможность соотношения рассматриваемого слова с араб. *rizg* 'Lebensunterhalt, der von Gott und Schicksal abhängt'.

Нам представляется, что становление рассматриваемого слова значительно сложнее: речь, видимо, идет о нескольких параллельных процессах лексико-семантической контаминации. Латинское слово *riscus* (из греческого) засвидетельствовано

только в значении 'корзина', 'сундук' (как и в греческом); др.-в.-нем. *huot* (др.-сакс. *hod*, ср.-нидерл. *hoet*, тюринг. *Hotze* 'Wiege', франц. *hotte* 'корзина' — заимствование из германского), эквивалентное по своему значению указанной латинской лемме, могло, несомненно, легко контаминироваться со своим омофоном др.-сакс. *huoti*, *hōti* 'feindlich', 'erzühnt' (др.-фриз. *hat*, др.-исл. *hatr*, совр. нем. *Haß*, англ. *hate*, др.-исл. *hoetta* 'рисковать', совр. швед. *hota*, норв. диал. *hota*, 'угрожать', *hot* 'угроза'). Именно в связи с этим и лат. *riscus*, первоначально соответствовавшее только др.-нем. *huot* 'корзина', было, видимо, ошибочно уравнено и с германскими словами со значением 'угроза', 'опасность'.

Однако есть основания полагать, что наряду с указанным процессом произошло и другое переосмысление. В средневековых латинских глоссах, собранных Дифенбахом, лат. *riscus* кроме значения 'корзина' выступает в несвойственном ему значении: *rima*, *ein loch*, *ein spalt*. *fenestra*, *scrinium* (ср. также заимствованное из латинского швейц. *Rüsch* 'Loch'). Объяснение этому явлению можно найти, если учесть, что в средневековых глоссах вульг. лат. *riscus* уравнивается с вульг. лат. *rifla* (Latham, с. 409). Отметим, что лексема *huot* 'корзина' (ср. др.-англ. *haet* 'labrum' и др.), уравниваемая с лат. *riscus*, может выступать и в значении 'Fürsorge', 'Bewachung', 'Schutz', 'Schaden verhindernde Aufsicht' (др.-в.-нем. *huota*, ср.-в.-нем. *huote*, др.-фриз. *hode*, *hude*; глаголы: др.-англ. *haedan*, др.-в.-нем. *huotan*, совр. англ. *heed* 'observe', совр. нем. *hüten*; *Hutung* 'pasturage'). Интересно в связи с этим сопоставить лат. *defensio* < *de-fendere*, *fendere*.

Кроме того, вульг. лат. *riscus* могло контаминироваться с вульг. лат. *rixa* (Latham, s. v.): ср. швейц. *rusch* (< лат. *riscus*) 'aufgeregt', 'unfreundlich', 'brünstig', 'unwirsch' — Staub—Tobler, II, с. 1462, а также глоссу: *risia*. *fermentum*, *werck* — Diefenbach, s. v. [ср. в словаре О. Шаде (I, с. 286) ср.-в.-нем. *geverc*, *geverch* 'gefährlich' (ср. *risius* = *riscus*. Diefenbach, с. 499)]. Ср. швейц. *er-hueten* 'Jmd. durchprügeln' (Staub—Tobler, II, с. 1792); *umen-hutten* 'ringen (einander)', 'herumstossen' (Staub—Tobler, II, с. 1779); *hotten* 'treiben'. 'sich unruhig hin und her werfen' (Staub—Tobler, II, с. 1772); *hüten* 'wild wüten', 'stürmisch sich geberden mit und gegen einander' (II, с. 1779) (в отношении значения ср. нем. *fahren*, но *Gefahr*). Ср. с этим глоссу: *rima*. i. *pugna.slachting* (Diefenbach, с. 498). Ср. значения лат. *discrimen*.

7. Латинская лемма *facinus* глоссируется следующим образом: *mistat*, *meynath*, *sunde*. *ding o. tat die den andern schadt*, ср. *facinorosus*, *vol bößheit* (Diefenbach, с. 222). Если, с одной стороны, принять во внимание синонимы *facinus* — *peior*. *wirser* (также *arger*, *boser*); *desolatio*. *wosten* (Diefenbach, с. 176), ср. *destruere*. *worsteren*, *vorstern* (также *v'*, *zu-brechen*), а с дру-

гой стороны, тот факт, что лат. *facinare* варьирует с *farcire* (Diefenbach, с. 222), становится вполне очевидной контаминация указанной леммы *facinus* с *farcina* (*carnes diuise, secate, minute*), *farcimen* (Diefenbach, с. 225), причем средненемецкие глоссы *facinus* и его синонимы — *wirser, worsteren* — ошибочно приняли значение уравниваемых с этой леммой лат. *farcina, farcimen* [чередование форм с *r* и без *r* — распространенное явление в глоссах. Ср. Diefenbach, с. 249: *fuca — furca*; Diefenbach, с. 160: *cruralia — curalia* и др.]. Так появилось весьма распространенное немецкое слово (по происхождению мнимое) *Wurst* 'колбаса', являющееся ныне единственной лексемой для выражения указанного понятия и засвидетельствованное только в немецком ареале. В этой связи интересна идиома *es ist mir Wurst* 'это мне безразлично', где *Wurst* фактически выступает в своем истинном значении 'неудача', 'провал', 'беда', которое заслоняется мнимым значением 'колбаса'. Это выражение буквально означает 'эка беда!', т. е. 'это для меня не беда'. Таким образом, здесь можно наблюдать определенную энантиосемию (ср. англ. диал. *worsely well* 'pretty well'). Любопытно также встречаемое в швабском диалекте немецкого языка выражение *es geht (das mal) um die Wurst* 'es geht um die Entscheidung'. В этой связи ср., с одной стороны, нем. *apud Wurst* 'Felleisen der wandernden Handwerksburschen' (Wolf, с. 346), а с другой — лат. *de-cidere. abvallen* (ср. совр. франц. *apud farcir* 'subir', 'tromper'). Понимание нем. *Wurst* как 'Gemengsel' и его связь с глаголом *wirren* (и.-е. **wer*) или как 'Drehung', 'Walze' и связь со словами *werden, Wirtel* и др. (и.-е. **uert* 'drehen', основная форма **urt-s-ti*), как это считает Ключе и другие исследователи, представляются в свете приведенных данных несостоятельными.

8. Латинская лемма *sinus* (Diefenbach, с. 537), наряду с *schoß* и *wyk*, глоссируется *bosem, pusēm*. При этом *sinus* уравнивается с *gremium*, а это последнее контаминируется с *cremium* (Diefenbach, с. 156), которое глоссируется *cade, die geschmelczet is, grieb, gribе, griffen* (*gremium* также глоссируется ср.-нем. *griffen*), *gebrant oppher*. В этой связи следует обратить внимание на то обстоятельство, что указанная латинская лемма *sinus* уравнивается с латинской же леммой *businus*. В свою очередь лат. *businus* (Diefenbach, с. 85), варьируемое с *bursinus*, уравнивается с *candela*. Если учесть, что в глоссах *i* очень часто заменяется на *t* (и наоборот), становится вполне ясным, что перед нами латинское слово *bustum*, транскрибированное в виде *businus* и затем уравненное со своим осколком *sinus*, воспринятым как самостоятельное слово *sinus* 'грудь', 'лоно'. Ср. *bostar, bostum. i. locus ubi corpora hominum mortuorum cremantur sim*. Таким образом, нем. *Busen*, англ. *bosom* и др. предстают как мнимые слова. Ср. вестфальск. *Bausem* 'Rauchang', англ. диал. *birsle* 'to toast', 'to scorch'; 'a thorough war-

ming' (EDD, I, 274), с которым интересно сопоставить латинскую лемму *bursinus*.

Отметим, что указанная лемма *gremium* глоссируется и через *gern, geren*. Ср. нем. *Granne* 'Borste', 'Stachel', ст.-франц. *grenon* 'Bart', брет. *grann* 'Augenbraue', нем. диал. *Grunen* 'Bart', исп. *granata* 'метла'. В свою очередь *cremium* уравнивается с *cremeum* и глоссируется *surculus, racemus, sprouß*. Интересно, что лемма *cremium*, уравниваемая с *gremium* (последняя глоссируется ср.-нем. *busem, besem*), одновременно уравнивается и с *crinea*, а это последнее передается через ср.-нем. *spach, spacha* (ср. Schade, «Altdeutsches Wörterbuch», II, с. 846: *spahha, spacha* 'Reisbüschel oder Bündel'). Отметим, что лат. *scopa*, также глоссируемое *besam, beseme*, генетически соотносится с лат. *scopio* 'стебель', 'черенок'. Наконец, важно учесть, что лемма *sinus*, наряду с *busan, besem, bosam*, уравнивается с лат. *palpebra. bran, ogbrau* (ср. Diefenbach, с. 407). Таким образом, англ. *besom*, нем. *Besen* 'метла' и др., а также и нем. *Bürste*¹⁶, как и разобранное выше англ. *bosom*, нем. *Busen* 'грудь', обусловлены ошибкой глоссатора и восходят к одному и тому же латинскому слову *bustum*, подвергнутому двойной контаминации. Естественно, что в свете изложенного нет оснований связывать нем. *Busen* с н.-е. **bhou, *bhu-* 'schwellen', а *Besen* — с н.-е. **bheidh* 'binden', 'flechten', как это обычно делается (Kluge, s. v.).

9. Контаминация латинских лемм *securis. byel, peyl, byeln* (Diefenbach, с. 523), совр. нем. *Beil* с *securus. sicher, seger* (Diefenbach, с. 524) привела к возникновению мнимого слова: нем. *billig*, др.-англ. *bilwit* 'mitis', 'simplex', а также немецких диалектных слов с полярным значением: *Bilwis* 'Kobold', 'Hexe', бавар. *Bilwez* 'Ausdruck des Unwillens'. Ср. Diefenbach, с. 488; *rectus. recht, schlecht*; с. 535: *simpliciter. schlechtledig*.

10. Контаминация латинских лемм *porca i. spatium inter suos sulcos sim. ein bethe, pett lanndes, rein* (Diefenbach, с. 447), с одной стороны, и *porcus* 'свинья' — с другой, привела к тому, что германские слова, первоначально обозначавшие 'возвышенность', 'насыпь', стали употребляться со значением 'свинья'. Ср. Diefenbach, с. 132: *collis. kleyne hoge; ein klein berg* и др.-англ. *berg*, совр. англ. диал. *barge* 'свинья'; нем. диал. *Barg, Berg, Barch* 'свинья'; англ. *hog* 'свинья'. Ср. также Diefenbach, с. 447; *porca. moyg, mock*, но др.-англ. *mugg, muga* 'acervus', эльзас. *Muger* 'Haufe' (также в баварском — *Mauchen, Moger* 'zusammengescharretes Gut', шваб. *Mauke* 'heimlich angesammelter Vorrat von Obst, Nüssen').

11. Весьма спорным остается происхождение немецкого слова *Buhle* [ср.-н.-нем. *bole*, ср.-нидерл. *boel(e)*], ср. норв.-диал. *boe*, зап.-фламанд. *boe*, совр. в.-нем. *buu, bue, pui* 'Fre-

¹⁶ Ср. форму *bursinus*, а также *bustum*.

und', 'Geselle', 'Gemahl'; 'Bruder', позднее 'Geliebter', 'Liebhaber'. Я Гримм приводит санскр. *bala*, *balaka* 'puer', 'parvulus', ирл. *balach* 'a lad', 'a fellow', но признает, что эти слова не имеют ничего общего с разбираемой лексемой (ср. ZfdWf, Bd 2, с. 278). При ближайшем рассмотрении оказывается, что и здесь причиной возникновения слова явилась контаминация, вернее, несколько параллельных контаминаций. Латинская лемма *veruex* глоссируется ср.-нем. *schaitel* (Diefenbach, с. 615); уравниваемое с *veruex* лат. *vertex* передает *hohe*, *nol*, *hnol*, *de humulo*, *der hopf*, *tolder*. Ср. синоним *veruex*, *vertex* в указанном значении — *collis*, *hobel*, *boh*, *buhel* (Diefenbach, с. 132, ср. Schade, с. 89; *buhil*, *puol*, *buol*). При этом *veruex*, *schaitel*, несомненно, контаминировалось с *veruex*, *verna*, *vernaculus* и их глоссами — *knecht*, *mayt*, *meyt*, *eyn schon knecht*, а также *heimisch*, *eigen*, *schlecht* (Diefenbach, с. 613). Синоним этого последнего значения — *scortor* (Diefenbach, с. 520), наряду со ср.-нем. *gailer*, *gogler*, глоссируется *boue* (ср. *scortari*, *unkuscheit dun*, *hurerey triben*, *bosheit don*). Синоним вульг. лат. *scortor* — *ganeo* — глоссируется не только через ср.-нем. *hurer*, *ruffion*, *loderboeff*, но и через *bueb* (ср. совр. нем. *Bube*). Лемма *ganeo* имеет вариант *graneo*, который, несомненно, контаминировался с *graneum* (Diefenbach, с. 268) — *schaitel*, *hohe*. Таким образом, налицо контаминация ср.-нем. *buchel*, *boh*, *buol* 'холм' со словами, имеющими значение 'развратник', и явно ошибочное использование слов *buhel*, *boh*, *buol* с этим последним значением. Именно поэтому нем. *Buhle* — мнимое слово. Чередование же отрицательных и положительных значений в этом слове, т. е. энантиосемия слов, обозначающих 'плохой' — 'хороший', засвидетельствована материалом ряда языков. В свете сказанного становятся понятными и такие образования, как английское слэнговое слово *bully* 'excellent' и швейц. *buldig* 'schönartig', 'prächtigt'.

12. Латинская лемма *cala* (Diefenbach, с. 88) глоссировалась, как и ее вариант *luteus* (Diefenbach, с. 340), не только через ср.-нем. *drech*, *horig*, *leimig*, но и через *flissig*. С этим последним ср. швейц. *Fliess* 'Löschpapier' (Staub—Tobler, I, с. 1212). *Flasch* (Staub—Tobler, с. 1219) 'weiche Strassenkot', *Flosch* 'Jauchenkasten' (Staub—Tobler, с. 1221), англ. слэнг *flash* 'low immorality'. В связи с частой заменой *l* на *r* в глоссах (ср. Diefenbach, с. 127: *cliton*, *criton*; *holioglapha*, *holographa*; *gradiatores*, *gladiatores*; *obsculatio*, *obscuratio*) можно полагать, что одним из графических вариантов лат. *cala* было *cara*, *caro* (Diefenbach, с. 102: *caro*, *carnis*, *fleisc*, *fleiß*). Ср. Diefenbach, с. 100: *carca*, *mist*. Так возникло мнимое слово нем. *Fleisch*, англ. *flesh*, др.-в.-нем. *fleisc* (в глоссах также *fleiß*), др.-англ. *flaesc* (*flaec*), др.-исл. *flesc* (только в значении 'шпиг'). Однако одновременно с этим лат. *caro* контаминировалось, видимо, и с лат. *cura*, передаваемым, наряду с синонимичными лат.

contentio, dissentio, и др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *vliz* (ср. Schade, с. 206), совр. нем. *Fleiß*, совр. англ. диал. *flite* (относительно взаимной замены гласных *a~u* в глоссах ср. Diefenbach, с. 90: *caltā.culta*). Ср. также смешение др.-англ. *caru* и лат. *caro*. Интересен тот факт, что наряду с глоссированием вульг. лат. *carnium (carminum)* через *fleiß-, flasc(-hacker, -houwer)* — Diefenbach, с. 102 — вульг. лат. *carni(ula), carmula* передается через *urluge, urloge* 'Krieg' (Diefenbach, с. 102). Ср. вульг. лат. *cura. vecht. stryt* (вместо *strid*). *die uff den wāpen vechten* (Diefenbach, с. 163). Интересно, что вульг. лат. *cornu* (Diefenbach, с. 152) наряду с закономерной передачей его ср.-нем. *horn* глоссируется также *stride, anfechtunge* и уравнивается с лат. *exercitus*. Это последнее, как известно, не пользовалось в значении 'войско', но (во мн. числе) имело также значение 'хлопоты', 'мученья', 'муки'; ср. *exercitus* 'беспокойный', *exercitatus* — то же (ср. Diefenbach, с. 163: *cura. surge, surge, sarga* — показательна заменимость различных гласных в этих глоссах). Значение, в котором выступает здесь лексема *cornu*, видимо, возникло в результате и под воздействием контаминации *cura*, с одной стороны, и *caro, carnis* — с другой. Контаминация нем. *flüssig* и *fleißig* обнаруживается в следующей глоссе (Diefenbach, с. 465): *propensius. extensius. solerter. l. callide, magis amplum, i. abundantior ernstlech, fleißiglich, uberflussiger, vleyssiglicher, breiter. l. witer ußgestreckt*. Результат смешения латинских лемм *cura* и *caro* нашел яркое отражение в том факте, что созвучное им лат. *sura* (относительно возможности замены *s>c* ср. такие глоссы, как *carex. sarex; carectum. sarectum; silex. cilex; simus. cimus*) после семантической контаминации совместило значения обоих этих слов: собственное значение *sura* отражено в средненемецких глоссах *wade, dat kute ant beyn* (это значение соответствует значению слова *caro*), а приобретенное после контаминации значение отражается в средненемецкой глоссе к тому же слову *britt, brütte* (ср. Schade, с. 88: *brutt* 'terror', *brutten, prutten* 'erschrecken' — это значение является принадлежностью слова *cura*). Ср. смешение *sura* и *cura* в глоссе (Diefenbach, с. 154): *coura. wade*. Весьма любопытно, что отголоски рассматриваемого смешения значений лат. *caro* и *cura* в глоссах дают о себе знать и поныне. В современном немецком жаргоне (Rotwelsch) слово, означающее 'мясо', а именно *Boser (Bauser, Busse)*, одновременно имеет значение 'Angst' (ср. глагол *bausen* 'sich fürchten', 'angstigen') — Wolf, s. v. Слово же *Fleischmann* в аргю означает 'Auffanger', 'Hatschier', 'einer, der Diebe aufsucht und verfolgt' (Wolf, с. 101), т. е. по своей семантике является точной копией лат. *curator*. Таким образом, как слово *Fleisch*, так и *Fleiß* по своему происхождению — мнимые лексемы, возникшие в результате контаминации при глоссировании, но закрепленные в языке в различном графическом и фо-

нетическом оформлении (первоначально они совпадали). Неудивительно, что языковые соответствия этих слов установить до сих пор не удалось, а их происхождение в этимологических словарях считается неизвестным.

13. Весьма спорным и неопределенным остается до сих пор происхождение нем. *Farbe*, ср.-нем. *var* (*varwer*), др.-в.-нем. *faro* (*farawer*), для которого обычно восстанавливается гипотетический корень **pork-uo* < **perk-*, **prek-* 'gesprenkelt', 'bunt', но не приводятся никакие индоевропейские соответствия. Обратимся, однако, к фактическому материалу.

Вульгарнолатинская лемма *verti(-bulum, -gulum)* уравнивается, с одной стороны, с *alabrum*, а с другой — с *texale* (Diefenbach, с. 614) и глоссируется ср.-нем. *werbel*, как и однокоренное с ним слово *vertex* (i. *vortex*), передаваемое *circularis revolutio. werbe* (Diefenbach, с. 629). Аналогично и синоним указанных слов — *alabrum* (Diefenbach, с. 20) передается через ср.-нем. *werf*, а еще один синоним — *orbiculus* — уравнивается с лат. *cincinnus, cintinus* (Diefenbach, с. 119—120). В глоссарии Дифенбаха находим следующие графические варианты лат. *cinc-, cint-: cinct-, tinc-*. I. *tinct-iare* (с. 119); *tint-, cinc-iare* (с. 584). Если обратиться теперь к леммам *tinctio, tintor* (от глагола *tingere* — Diefenbach, с. 584), можно обнаружить, что в результате контаминации с приведенной леммой *cincinnus, cintinus* лемма *tinctio, tintor* также стала глоссироваться ср.-нем. *werbe, werbung, farbe*, что явилось первой ошибкой в цепочке других. Отметим, что *tinctio, tintor* глоссируются также средненемецкой формой *webunge*, что объясняется контаминацией указанных лемм с *texale*, выступающим в качестве варианта к *verti(-bulum, -gulum)*. В свою очередь *texale* (Diefenbach, с. 582) уравнивается с *textoris, textorium*, передаваемыми ср.-нем. *webe-, weber-* (*hus*). Следующей ошибкой явилась контаминация варианта леммы *cint-, cinct-* (ср. *orbiculus. cincinnus, cintinus*) с *cinct-orium* (от глагола *cingere*, который глоссируется *zusammenrucken, zusammendrucken*). Ср. Diefenbach, с. 76; *color, pigmentum. varwe. cingulus regalis*. Именно в связи с этим уже мнимое слово *werbe, farbe* с мнимым значением 'краска' приобрело еще одно мнимое значение: ср. совр. швед. диал. *farg* 'tryckning', 'pressning', *fergja* 'trycka samman', 'sammanpressa', приводимые в словаре Й. Ритца (Rietz, с. 177), совр. англ. диал. *farra, farrow, verra* '(of a cow) not with calf'; 'not yielding milk', фламандск. *varvekoe* 'a cow that gives no milk', зап.-фламанд. *varwe-* (*verwe-, varre-, verre-*) *koe* 'a cow what has ceased to be capable of producing offspring'. Отметим также, что лемма *verti(-bulum, -gulum)* ошибочно глоссируется также ср.-нем. *schur-stange, stock*, что обусловило появление еще третьего мнимого слова — совр. швед. диал. *farg* 'stanger, hvarmed nafvern pa tak fasthalles'; швед. *ryggträ eller brädkuf pa en kroppas* (Rietz, с. 177). В связи

с этим показательно использование глагола *farben* в немецком жаргоне в значении 'lügen' (ср. русск. вульг. *загнуть* 'сказать неправду'). Ср. также нем. арго *Farber* 'Kamerad', совр. англ. диал. *fere* 'friend' (ср. выше происхождение англ. *boy*, с. 77).

14. Вульгарнолатинские леммы *mancus*, глоссировавшиеся ср.-нем. *handtloser*, *hanlos* (Diefenbach, с. 346), и *manus. hant* (Diefenbach, с. 348), несомненно, контаминировались с леммой *mancor* (Diefenbach, с. 346), а эта последняя варьировала с *rancor* и передавалась ср.-нем. *garst*, *gerstigkeit*, *sure*. В связи с этим становится понятным возникновение мнимого слова др.-в.-нем. *hantig*, *hantag*, *handeg* 'acer', 'mordax', 'asper', 'sae-vus', бавар. *handig* 'bitter' (Schmeller, I, с. 1127), шваб. *handig* 'stark gesalzen', 'herb' (Fischer, III, с. 1120), эльзас. *hannig* 'versalzen' (Martin—Lienhart, I, с. 341), совр. англ. диал. *hand-ded-square* 'salt-making term: squares of salt such as are commonly hawked about the streets' (EDD, III, 47).

15. Вульгарнолатинская лемма *docere*, несомненно, контаминировалась с *decere* (ср. Diefenbach, с. 188: *doca*, *deca*). Первая из этих лемм передавалась ср.-нем. *leren* (Diefenbach, с. 188), вторая же — *zimen*, *zemen*, *temen*, *zimlich* (Diefenbach, с. 167). При этом *decere* контаминировалось с *desere* (*degere*). *armlich*, *armilich* (Diefenbach, с. 170). Таким образом, в результате контаминации лемм *docere*, *decere* и *desere* контаминировались значения средне-немецких лексем *zimen*, *zuomen*, *tomen* и *leren*: каждая из этих лемм приобрела теперь мнимое значение 'лишенный ч.-л.', 'пустой'. Кроме того, последнее средне-немецкое слово, видимо, контаминировалось с сокращенной формой от лат. *liberare. loßen, erledigen — lire, lere* (ср. *leri-, liri-* — Diefenbach, с. 324), что в свою очередь поддерживалось контаминацией *decere* с *docere*. Ср. *lir(icus). ubi opportunitas est al. faciendi. suavis* (обе глоссы соответствуют *decere*, ср. *liberalis. milde. redlich* — Diefenbach, с. 326). Ср. Diefenbach, с. 558: *suauim. loß* (лемма соответствует *decere*, а глосса — *liberalis*). Так возникли семантически мнимые образования: др.-в.-нем. *zuomig*, др.-англ. *tom*, др.-сакс. *tom*, др.-исл. *tomr* (<*zimen, zuomen, temen* 'tauglich', 'tüchtig') в значении 'пустой', ср. совр. англ. диал. *toom, tume* 'empty' (EDD, IV, 189); шваб. *zumpfelen* 'den Abtritt leeren'; *Zumpfeler* 'Kloakenreiniger' (Fischer, VI, с. 1336—1337). Одновременно значение 'пустой' получило и *lere* (<*leren* 'docere'): ср. нем. *leer*, совр. англ. диал. *lear*.

16. В глоссарии Дифенбаха *pharias* глоссируется ср.-нем. *slang*. В германских средневековых рукописях, однако, *slanc, slang* соответствовало лат. *exilis, gracilis, idoneus, solutus* [Schade, с. 818, ср. также Diefenbach, с. 267: *gracilis. (ge)schlang*]. Первые три из латинских лемм, как и их синонимы *habilis, idoneus*, в глоссарии Дифенбаха уравниваются со ср.-

нем. *dogich, doghech* (Diefenbach, с. 216), *toglich, teglich* (Diefenbach, с. 272), *tuglich* (Diefenbach, с. 284), а последняя (*solutus* — Diefenbach, с. 541) переводится 'entledigen', 'ofgelost' и уравнивается с *solitus. consuetus. sorghafft* и *solitarius. einlich, all-ein*, синонимы которых глоссируются следующим образом — *secretus. absunderung; absconditus. behut, verborgen. tougen*. Ср. с этим последним др.-англ. *degol*, совр. нем. диал. *taugenlich, daugenlich* 'heimlich'. В результате контаминации лемм *exilis (gracilis, idoneus)*, глоссируемых *dogich, toglich* и *solutus (solitarius, absconditus* и др.), глоссируемых *tougen, dougen, dogen*, с леммой *pharias*, варьиремой с *varius, farius*, древнеанглийские слова *deagen, deage, deah* ошибочно приобрели значение лат. *farius*. Ср. совр. англ. *dye* 'краска', 'красить'. Отметим также, что, учитывая глоссу *solutus. afgelost*, можно полагать, что в результате указанной контаминации возникло и мнимое слово англ. *die* 'игральная кость', 'жребий' (ср. совр. нем. *Los* 'жребий').

17. Древневерхнемецкое слово *magus* (др.-исл. *mogr*) 'filijus', синонимичное др.-в.-нем. *sibbo, sippo*, ср.-в.-нем. *sippe*, безусловно, контаминировалось в глоссах с лат. *magis* (Diefenbach, с. 342), которое уравнивается с лат. *mina. mellic vat* (Diefenbach, с. 361), *pinsa* (Diefenbach, с. 436) и, наконец, с *ascia, assia* (Diefenbach, с. 53). Последнее же глоссируется наряду с *doliarius* также и др.-в.-нем. *durchschlag, dorchsclak*, т. е. ошибочно выступает в качестве синонима лат. *cribrum*. Понятно, что и др.-в.-нем. *sibbo, sippe* 'consanguines', уравниваясь с *ascia. assia. durchschlag*, могло выступать в значении 'cribrum'. Так возникло мнимое слово нем. *Siebe* 'сито', англ. *sieve* < др.-англ. *sife*, нидерл. *zeef* (ср. Diefenbach, с. 157: *cribrum, sipp, sib, seff, syff*). Интересно в связи с этим, что лат. *ascia, assia* при заимствовании в германские языки дало семантически ошибочное образование со значением 'filia', 'puella': ср. первый элемент в норвежском парном слове *aske-ladd* или совр. англ. *lass*, диал. *lash* [*l* в этом слове, как уже отмечалось, представляет собой часто встречаемое в глоссах *l. (vel)*, соединяющее синонимичные лексемы]. С другой стороны, *cribrum*, контаминировавшись с *ascia*, было заимствовано в германские языки с ошибочным значением: ср. англ. *crib*, др.-англ. *cribb*, др.-сакс. *kribbia*, дат. *krybbe*, нидерл. *kribb, kribbe*, нем. *Krippe* (др.-в.-нем. *kripia, krippa*), ср.-в.-нем. *krebe*. Одновременно с указанным смещением происходила и контаминация латинской леммы *assela, magt. knecht* (Diefenbach, с. 55). *ritter* (Diefenbach, с. 19) с лат. *assaia* 'bolting-cloth' — Latham, с. 33, 416 (*l* в глоссах часто заменялось на *i*: ср. *accelus, acies*, Diefenbach, с. 7), ср. глоссу *ritter* 'miles' с *ritere, raiter, ritra*, глоссировавшими *cribrum* (Diefenbach, с. 157).

18. Др.-в.-нем. *hiwen, hien, hijen* имели значение 'heiraten', а *hiwo* означало 'Gatte', 'Hausgenosse' (Schade, с. 404), ср. гот.

heiwa-frauja, др.-англ. *hiwan*, *higan*, др.-сакс. *hiwa* 'жена', исл. *hjun*, лит. *sievas* (ср. также н.-нем. диал. *Hisch* 'Leute aus seinem Haus', *huwen* 'heiraten'). Нет, однако, сомнения в том, что эти слова могли выступать и в своем наиболее конкретном значении, о чем свидетельствует и фактический материал: ср. др.-англ. *high* 'exertion': Gl. Abbas Clericorum Decus 360 (ZfdA, XXXI): *acutis hisibus. mid scearpum highthum*; швед. диал. *hiva* 'slänga', 'kasta' (Rietz, с. 357), совр. англ. диал. *hig* 'a fit of passion', швейц. *heijen* 'werfen' (Staub—Tobler, II, с. 1106), бавар. *geheien* 'werfen', 'schmeißen' (Schmeller, I, с. 1025—1027), шваб. *geheien* (Fischer, III, с. 192). О подобном семантическом развитии свидетельствуют такие случаи, как франц. *foutre* 'coire', но также 'werfen', 'stossen'; нидерл. диал. *sjarren*, *sjarren* 'coire', 'stuprare', но также 'smijten', 'slaan', 'plagen', 'bedriegen'; швейц. *serten* 'futuere', но также 'plagen', 'hauen' (Staub—Tobler, VII, с. 1335). Приведенный материал, таким образом, не оставляет сомнения в том, что разбираемый германский корень был синонимичен лат. *futuere*, *futare*. Однако эта последняя лексема в глоссах контаминируется с *fucare*: ср. Diefenbach, с. 254: *futare. fucare; futire. fucio, begyssen, gysen. klappen. snacken* и даже *treuschin* (<др.-в.-нем. *truwa*, *trua*, ср.-в.-нем. *triuwe*, *triwe*, ср. гот. *triggva* 'Bündnis'). Именно этой контаминацией можно объяснить возникновение мнимых слов: др.-англ. *hiw*, *hiew* 'color', 'form', 'shape', совр. англ. *hue*, ср.-англ. *hew*, *hewe*, др.-исл. *hy* (то же), швед. *hy*, гот. *hiwi* 'form', 'appearance'. Следует, однако, указать и на другую параллельную контаминацию. Латинская лемма *colossus* контаминируется с *colorus. coloratus*, глоссируемыми, как и *colossus*, лат. *statua* и ср.-в.-нем. *bilde* (ср. *color. varbe. gestalt* — Diefenbach, с. 133). В свою очередь *colorus, coloris* контаминируются с *colonus* (Diefenbach, с. 391). Лемма же *colonus* (Diefenbach, с. 133), как и ее синоним *mansus*, глоссируется ср.-нем. *houe* (один из вариантов *hof*). Именно эта германская форма и стала выступать с ошибочным значением 'краска'. Ср. *pigmentum. color. havi* (Diefenbach, с. 76).

19. Вульгарнолатинская лемма *veretrum* (Diefenbach, с. 612), безусловно, контаминировалась с леммой *verutum. dard. lange geschoß* (Diefenbach, с. 615), а эта последняя смешивалась с *verterbrum*, чередовавшейся с *texale* (Diefenbach, с. 614). Лемма же *texale. textoris, textorium* глоссируется ср.-нем. *webe, wepp, wirp*. Именно эти глоссы и явились прототипом мнимого слова — др.-англ. *waepen* (выступавшего, в частности, со значением 'тембрум virile'), др.-сакс. *warap*, др.-исл. *varp*, швед. *varpen*, дат. *vaaben*, нидерл. *warpen*, англ. *weapon*, нем. *Waffe*.

20. Латинская лемма *arena*, глоссируемая ср.-нем. *grytze* (ср.-н.-нем. *grütte, görte*, др.-англ. *grytt*, совр. англ. *grit*, нидерл. *gort*), варьируется писцом с *area* (Diefenbach, с. 47). Эта

последняя лемма переводится ср.-нем. 'houe', 'houwe' (<ср.-нем. *hof*, *hoff*). Однако тот же графический вариант (*houwe*) в глоссах является переводом латинской леммы *sarculus*, с которой, следовательно, контаминируется и *arena* с его средне-немецкими глоссами (*grütze*, *grit*). Действительно, синонимы *sarculus* — *verriculus* (Diefenbach, с. 63), *traha* (Diefenbach, с. 592) глоссируются *reche*, а другой синоним — *rastrum* (Diefenbach, с. 485) также глоссируется *reche*, но еще и *gritsele*. Таким образом, средне-немецкая лексема *grütze*, н.-нем. *grütte* 'песок' в результате контаминации приобрела ошибочное значение 'решетка', а также 'борона'; 'грабли'. В этом значении указанная лексема является мнимым словом, дожившим до наших дней и широко представленным в ряде германских языков. Ср. совр. нем. *Gatter*, *Gitter* 'решетка', совр. англ. *grate*, *grid* 'решетка' (в глоссах формы *gatter*, *geter*, *gegitter* варьируют, ср. также вариацию *a*, *e*, *i* в глоссах у Дифенбаха: *sarra*, *serra*, *siren* — с. 530, ср. еще P. Lessiak, — *ZfdA*, 53, с. 111). В свете сказанного мнимыми следует признать и такие слова, как англ. *gad* 'копье', 'остроконечный предмет' (ср. Diefenbach, с. 512; *sarculus*, *gett-isarn*, *ged-isarn*), нем. *Grat* 'ребро', 'острый край', а также нем. *Gerte* 'прут' (ср. контаминацию *sarculus* с *surculus*, *sproß riß*, *zweig* — Diefenbach, с. 568). Все эти «слова» в свою очередь контаминировались с лат. *crata*, которое в вульгарной латыни приобрело также значение 'решетка'. Интересно, что *gitter* в средне-немецком могло также иметь значение 'Zaun', 'Umfriedigung', т. е. именно те значения, которые имеет лат. *area* и его синонимы — *colonia*, *mansus*. Ср. совр. англ. диал. *grith* 'a habitation', 'asylum', 'sanctuary', *grist* 'размер', 'объем', 'обхват'. Контаминируется и синоним *arena* — *sabulum*, который глоссируется *arena*, *habitatio*, *wonung* (Diefenbach, с. 634). Лемма *arena* варьирует не только с *area*, но и с *arca*, *arc-uare*, которые переводятся ср.-нем. *krum* (*machen*), точно так же, как и *sarculus*, *krum*. Лемма *sabulum*, кроме того, варьирует с *sagulum* (Diefenbach, с. 506), которое, несомненно, контаминировалось не только с *sagena*, но и с *sagillum*, имевшим варианты *sargillum*, *sarculum*: ср. Diefenbach, с. 507 — *sagillum*, *sagulum*, *sargulum*, *inst. fabri ferreum*, *schur-ysern*. Ср. *traha* i. *verriculum*, *egt. l. zugegarn* i. *asc hamo*, но *tragula*, *genus teli*. Ср. также *verriculus*, *nauis piscatoris*, *zugigarn*, *zugnecze*, *reche*.

Любопытна еще одна контаминация. Синоним *area* и *areola* — *mansus* кроме *hoef*, *ein kauling*, *hueue lants* ошибочно глоссируется также *morgen* (видимо, в результате контаминации *areola* с *aurora*). Именно поэтому совр. англ. *dawn* 'рассвет', видимо, не имеет отношения к др.-англ. *dagian* и его следует признать мнимым. Оно, очевидно, представляет собой лексему *awn* (<*wan*, *won*, *waning*, *woning*), слившуюся либо с осколком определенного артикля или другого слова, которое

гlossator не смог уместить в предыдущей строке, либо с подвижным формативом. Ср., с одной стороны, совр. англ. *awning* 'навес', совр. англ. диал. *bawn* 'a court-yard or enclosure for cattle', а с другой — англ. диал. *awn* 'bristle of corn or grass'.

21. Латинская лемма *porca*, имеющая варианты *parca*, *porca*, глоссируется *braicke. rein*. Леммы же *crema(-sculus)*, *crima(-culum)* — Diefenbach, с. 156—157, как и их синоним *fractina* (Diefenbach, с. 245), передаются также *brake*, *breche*, *prech. hohel*. Кроме того, *fractorio* уравнивается с *asca* (с. 245). Не подлежит сомнению, таким образом, что средненемецкие глоссы, относящиеся к лемме *porca* (в частности, *rein*), одновременно уравнивались со средненемецкими глоссами *crumena*, *crimina*, *cremena* [с этими последними леммами контаминировались *crema(-sculus)*, *crima(-culum)*]. Следовательно, *rein* (глосса к *porca*) могло уравниваться с *zuber* (глосса к *crumena*). Слово же *zuber* в глоссах часто записывалось в виде *suber*, т. е. внешне совпадало со ср.-нем. *suber* 'чистый'. Значение этого последнего глосса *rein (porca)* ошибочно и получила: так возникло мнимое немецкое слово *rein* (гот. *hrains*, др.-в.-нем. *rein*, *hrein*, др.-сакс. *hreni*, др.-фриз. *rene*, др.-исл. *hreinn*). В этой связи весьма показательно, что уже п.-др.-нем. *rina* глоссирует лат. *olla*, а в современных немецких диалектах очень распространено слово *Rein* 'Schüssel' (ср. «Deutsche Wortforschung in europäischen Bezügen», III, с. 389).

Наряду с этим др.-в.-нем. и ср.-нем. *sciri*, *scir* (Schade, s. v.) 'чистый' ошибочно приобрело значение 'сосуд': ср. совр. нем. *Geschirr*. Как уже говорилось, синоним *crema(-sculus)*, *crima(-culum)* — *fractorio* уравнивается с *asca*. Лат. *asca* в глоссах контаминировалось с *assaia* (синонимом *cribrum*) и переводилось *durch-slag* (Diefenbach, с. 53). Вот почему в современных швейцарском и рейнском диалектах немецкого языка *rein* до сих пор означает 'fein gemahlen', 'gesiebt'. На этом ошибочном значении, однако, никак нельзя строить этимологию слова *rein*, как это обычно делается (ср. O. G a u r p. Zur Geschichte des Wortes *rein*. Tübingen, 1920; Kluge, s. v.; Feist, s. v.). Мы уже отмечали, что лемма *porca* варьировала с *parca*, *porca*. Эта последняя, безусловно, контаминировалась и с *purea*, *purus*, ошибочной глоссой которого стало *rein* (как мы говорили, это последнее могло означать еще и 'сосуд'). Ср. у Дифенбаха *olla. parua* (Diefenbach, с. 395). Интересно, что лат. *paruus. parua* обычно переводятся в глоссах др.-в.-нем., ср.-в.-нем. *kleyn*, *klene* (др.-англ. *claene*, совр. англ. *clean*). Однако, как показывают факты, здесь речь не может идти о семантическом переходе «маленький» < «чистый» — скорее этот «переход» обусловлен контаминацией глосс (*parua ~ purua ~ porua*). Ср. Diefenbach, с. 428: *parua. peroa. porcus*. В связи с изложенным нем. *klein*, англ. *clean* также следует признать семантически мнимыми словами (сама лексема *klein* синонимична нем. диал.

Rein 'сосуд'). Ср. совр. англ. диал. *clean* 'the placenta of a cow, a sheep' (EDD, s. v.), нем. арг. *Kluns* 'vulva canina' (ср. нем. *Klunze* 'Riß'). С другой стороны, ср. глоссу у Дифенбаха (с. 414): *paruus* (<*partus*). *klene*, но также *voge*, ср. ранненовонем. *vogel* 'Hahnenfleck im Ei' (с точки зрения семантики ср. авест. *nafa* 'navel' → 'family'; санскр. *nabhe* 'navel' → 'relationship').

Лемма *porca* могла контаминироваться с *orca* (последняя варьирует с *urceus*), которое в свою очередь синонимично *grutena*, *olla*. Лемма же *urceus* контаминировалась, с одной стороны, с лат. *uteris*, а с другой — с др.-в.-нем. *urchen*, др.-англ. *eorcnan* 'чистый', 'светлый', 'неподдельный'. Ср. также др.-англ. *sphaera*. *spera*. *clyne*; ср.-нем. *spera*, *sphaera*, *ring*¹⁷. *schile* (Diefenbach, s. v.), но *pera*. *dische* (ср. *discus*, *schußel*, *kloße* — Diefenbach, s. v.). Ср. также, с одной стороны, др.-англ. *massa*, *clyne*, но *parua*, *peroa*, *porcus*. *scrofa sylvestris*, i. *corpus porci*, *specks*, *sutfleisch*, *pach* (Diefenbach, s. v.); *pura*. *kern* (Diefenbach, с. 473) — с другой. Следует, наконец, отметить, что *klein*, как и *rein*, контаминировалось с *asca* (= *assaia*): ср. нидерл. *klens* 'ситечко', 'цедилка'.

22. Латинские леммы *sarra* (Diefenbach, с. 513), *serra*, чередующиеся с *siren* (Diefenbach, с. 530), глоссируются *saga*, *sege*. Это последнее слово, несомненно, контаминировалось с лат. *sagum*. *dech*. *duch*. *doch*, а также с *sagana*, *sagena*, которые, как и их синоним *tragula* (Diefenbach, с. 592), глоссировались *wade*, *watt*. В связи с этим и созвучная *sarra*, *serra*, *siren* лемма, а именно *sura* (Diefenbach, с. 568) стала наряду с *diech*, *duche* (ср. выше глоссу *duch*, *doch* к *sagum*) глоссироваться *wade* [ср. омофон *sura* — *coura* (Diefenbach, с. 154), который передается *diche*, *deych*, *dihe*, а также *wade*. Ср. замену *r* > *g* (и обратно) в глоссах: Diefenbach, с. 110 — *cerex*, *corex*, *ceges*, *seges*].

Так средненемецкое слово *wade* 'невод' в результате контаминации латинских лемм *sarra*, *serra*, *siren*, *sura* приобрело ошибочное значение 'икра ноги' и стало, таким образом, мнимым словом. Ср. также, с одной стороны, перевод лат. *sura* наряду с *wade* и *britt*, *brütt* 'страх', а с другой стороны, перевод *sug* (-*gula*, -*gillare*) 'schrecken' (Diefenbach, с. 565).

23. Латинская лемма *descus*, *disca*, *desca*, *dusca* (Diefenbach, с. 185) глоссируется ср.-нем. *pal*, которое, несомненно, контаминировалось с *pales* (*phales*), i. *domus pauperis*. *armes-hauße* (Diefenbach, с. 223), ср. *fala*. *domus ubi imagines venduntur*, *porta civitatis* (Diefenbach, с. 223). Ср. французское заимствование *discus* > *dais* 'ouvrage en bois ou tenture dressés au-dessus d'un autel, d'un trône'; 'petite voûte abritant les statues des por-tails' («Larousse de la langue française», 1977, с. 465). Ср. *pallacium*. *vorhange*; *palatium*. *vortuch an ein altar* (Diefenbach,

¹⁷ В глоссах *g* нередко заменялось на *c*, *e*.

с. 407). С другой стороны, *pal* контаминировалось с *pales* (*pallex*, *fallax*, *pellex*) i. *adulter* (Diefenbach, с. 407). Ср. *palluca*, *balg*. *kebsweib*. Приведенные факты, видимо, дают возможность объяснить происхождение англ. *pal* 'парень', 'товарищ' (ранее 'сорванец', 'негодяй'). В этой связи интересно отметить, что *discus* глоссируется *motzen*, *mutz*, а синоним *pellex* — *meretrix* (Diefenbach, с. 357) — также передается через *metz*. Показательна также контаминация *palatium* (*palacium*). *herren hus*. *pun. saal* с *fallacium* (Diefenbach, с. 406). Следует учесть, что *palacium* уравнивается с *solarium*, а последнее — с *solacium*, в связи с чем представляет интерес глосса *solacis. unkeuschiger* (Diefenbach, с. 540). Так лат. *discus*, *dusca* (и его германская форма *tisch*) приобрело значение *fallax. trugenhaftig, betruglich* (Diefenbach, с. 224), в связи с чем возникло мнимое немецкое слово *täuschen* (ср. *fallere. tuschen* — Diefenbach, с. 224). Ср. англ. слэнг *to dish* 'to cheat', 'baffle completely' — Partridge, с. 224. Ср. в то же время глоссу *palix. motus. bewegung* (Diefenbach, с. 406) и мнимое слово совр. нем. *tauschen*. Интересно, что *discus* в глоссах уравнивается с *tappa*, а последнее — с *tatta*, синонимом которого является *tega* (Diefenbach, с. 351). Лемма же *tega*, *tegella*, безусловно, контаминировалась с *teges*, *tegena. hurnhauß* и *tegna, tegnula. untruwe, betrug*, *loefheit* (Diefenbach, с. 575). Несомненна контаминация лемм *scroph*, *scrophus. sweyn lose. loß* и *scrupus* (*scropulus*), *losus, grien. zwifel. argwon* (Diefenbach, с. 521), ср. *scroph*, *scrophula, wider-gend*, особенно если учесть, что синонимичное последнему *fallax*, контаминируемое с *discus*, также глоссируется *loef*. Ср. в этой связи, с одной стороны, *discus. wurfel. bolis*, а с другой — *ballire. zwifeln* (Diefenbach, с. 67). Кроме того, не подлежит сомнению и контаминация *verres. eber* (Diefenbach, с. 613), с одной стороны, и *verox. lesterlicher schalck o.sunder* — с другой. Отметим, что в средневековой латыни синоним *verres — porcus* — означал не только 'свинья', но и 'vagina', 'pellex'. Так возникло мнимое немецкое диалектное слово *Tausch* 'свинья' (ср. *scroph. tausch*).

Контаминация глосс — весьма частое явление, которое необходимо строго учитывать при построении любой этимологии¹⁸. Приведем некоторые из них. На с. 241 в собрании глосс Дифенбаха читаем: *fames, hunger*, но также *floß an einet visch* (контаминация греч. *peina* 'голод' и лат. *pinna*). Кроме того, *fames* уравнивается с *fomes* и глоссируется *lignum aridum. radix*. Лат. *cauilla* глоссируется как *betriegung*, но также и как *holcz-nagel* (<лат. *claviculla*). Глосса *mal-ignus* разлагается на две части, вторая из которых уравнивается с *ignis* и переводится 'einer der da brint in bosheit' (Diefenbach, с. 344).

¹⁸ Контаминация в глоссах по сущности своей не равносильна явлению контаминации слов, происходящему нередко в процессе развития языков и затемняющему этимологию.

К лемме *sunamitas. captiua* l. *peccatrix* наряду с закономерными глоссами *dieren, unselige, irre wustunge, gefangener* о. *vester* приводятся ошибочные *ghe wangen, wangen rot*, основанные на созвучии с *gefangener* (Diefenbach, с. 566). Латинская лемма *cremium. holocaustum* — ср.-в.-нем. *griebo, offer* — уравнивается с *cremeum. i. surculus, racemus*, а также с *gremium. schoß* (с. 156, 269). Интересна контаминация глосс и лемм, приводимых на с. 240 и 266 глоссария Дифенбаха: *flos* уравнивается с *glos* и глоссируется и как *blume, blum*, и как *bruoderswib. gloris, bruders wyb. l. flos l. vetus lignum splendens in nocte. blumme*; ср. также *glossis. holcz*.

Лат. *vola* (видимо, контаминация с др.-в.-нем. *fola* 'жеребенок') уравнивается в глоссе с *equa*, но толкуется и как *concauitas manus, pedis*, а также как *fructus cij. arboris*. Отсюда самые различные по семантике глоссы указанной леммы: 1) *der gauß, der mittel in der hant* о. *in den fiessen, tenar l. terren, thern in der hant l. schwiel (terren — контаминация с греч. tenar, т. е. vola manus)*, но также 2) *perde, pfert* и 3) *ein quite, pfeorsich* (с. 628). Ср. также контаминацию в глоссе: *rancere (rangere). i. fetere, i. irasci, stincken, czorn, czornig*.

В большом количестве случаев в глоссах представлены резко отличные друг от друга в фонетическом отношении варианты одного и того же слова, которые в случае отсутствия промежуточных звеньев могут сделать это слово неузнаваемым и привести к установлению неверных фонетических сближений и несуществующих соответствий. Так, в глоссарии Л. Дифенбаха находим следующие варианты: *tebellus, sebalus, cebelus, sabelus, leuillus*. Интересно, что все эти слова глоссируются в немецком также лексемами с вариантным фонетическим составом: *zabel, zobil, zadel, (beltzes) zagel* (с. 574). Лат. *clauus* имеет вариант *clamis* (с. 126); *coxa — coura, cera*; *flaudula — frandiola* (с. 246); *frisja — frigia* (с. 247); *madulla — macula* (с. 342); *bubo — bulio, bufo* (с. 82); *bulimus — delismus* (с. 84); *ceix — cedex, cerex, corex, ceges, ciar, coyas* (с. 110). Лат. *custis* имеет варианты *justis, cuspis*. Лат. *terma* варьирует с *turmius, tarmus* (с. 579), лат. *doma* глоссируется ср.-в.-нем. *first, wers, furst, forst*. На с. 553 у Дифенбаха находим следующие варианты: *stiria, sciria, surria, sauria, tiria, stigera*, а на с. 223: *fiscedula, spiscedula, fecidula, sincedula, cinedula*; *damus* имеет варианты *dacus, darax, dopax, dedax*.

Ошибочные замены букв в рукописях — типичное явление. Можно наметить даже целую гамму таких ошибочных «соответствий», которые конкурируют с фонетическими соответствиями:

l > f: Wrt. Voc. I, 496, 9: *gewilsaelig. fortunatum*, но Wrt. Voc. I, 406, 3: *fortunatus, gewifsaeli*; *i > t*: Cp.Gl. LV, 393, 37: *sottum = solium*, 332, 66: *sirecto = strecto*; *c > g*: F. 287: *folligan-tes = follicantes, sangit = sancit*; *l > r*: H. 139: *holioglapha = holo-*

grapha; Cp.Gl. IV, 521, 43: *gradiotores*=*gladiotores*; O. 46: *obsculatio*=*obscuratio*; *l>b*: Corp. Gl. F. 405: *lugulre*=*lugubre*; Cp.Gl. V, 301, 47: *solita*=*sobita*; *g>t*: Cp.Gl. LIV, 140, 14: *gegmina*=*tegmina*; 248, 45: *inergia*=*inertia*. В рукописях, однако, можно обнаружить и много «незакономерных» ошибочных соответствий (типа *bada* вместо *hada*, *srig* вместо *frig* и др.).

Фонетическая вариативность не является тем не менее только уделом рукописей, где она чаще всего оказывается результатом ошибки. В живой речи, особенно в диалектной или в социально окрашенной, фонетические варианты — весьма частое явление. Ср., например, нем. аргот: *Miß*, *Moß*, *Meis*, *Mese*, *Mais*, *Maus*, *Mosch* 'девушка' (Wolf, s. v.); *Moos*, *Mees*, *Maas*, *Mous* 'деньги' (Wolf, с. 3671); *Maure*, *Moire*, *Murer*, *Maier* 'Furcht'; *ruchbar* *gewordener Diebstahl*; 'Lärm', 'Auflauf' (Wolf, с. 3465—3473); *Rosch*, *Rasch*, *Resch*, *Risch* 'Kopf' (Wolf, с. 4624—4644), англ. диал. *mitch*, *mooch*, *mutch*, *moach* 'to idle or loaf about'; 'to pilfer' (EDD, IV, 151); швейц. *Roschi*, *Rospi*, *Rosti*, *Räuschi* (Staub—Tobler, VI, с. 1971) и др. Однако если подобные варианты зафиксированы в рукописях в виде *hapa* *legomena*, они неизбежно ведут к фонетическим недоразумениям. К тому же орфография — не всегда надежный указатель истинного произношения.

Важно, с нашей точки зрения, иметь в виду то обстоятельство, что в языке наряду с вариативностью отдельных фонетических, грамматических и лексико-семантических реалий наблюдается и вариативность целых групп элементов, сосуществующих или последующих: одна и та же функциональная модель может быть представлена различными комбинациями одних и тех же или других элементов, а разные функциональные модели нередко реализуются в рамках внешне одинаковых комбинаций. При этом свобода и необходимость вариативности отдельных реалий, видимо, неотделимы от свободы и необходимости групповых функциональных моделей, в чем, в частности, и проявляется диалектика языкового развития и синхронного сосуществования элементов языка.

При помощи фонетических соответствий нельзя анализировать опрошенные сложные слова или, наоборот, слова, внешне разлагающиеся на составные части, но в действительности представляющие собой простые лексемы. Приведем примеры. Французское слово *ruban* (впервые засвидетельствовано в XIII в.: *riban*, *reuban*) 'лента' связывалось этимологически с нидерл. *ring-band* (Диц). Гамилльшер соотносит *ruban* с др.-англ. *reod* 'red' и *band*. На «Французском лингвистическом атласе» (с. 139) находим синонимы, означающие 'стружка' ('*copeaux de rabot*'): *frisons*, *vrillons*, *papillotes*, *fréluches*, но также *rifles*, *ribans*, *ripes*. Во французском языке имеется глагол *riper* 'тереть', 'полировать', от которого и образовано *ripes* (ср. *riber* 'строгать рубанком', *ribot* 'рубанок'). По-

следнее соотносится с англ. *risp* 'a carpenter's file' (ср. франц. *rispe*), вост.-фриз. *riipse*, нем. диал. *rippen* (нем. литер. *reiben*), нидерл., н.-нем. *ribben* (*ribbeln*, *rippeln*), англ. *rib* 'an iron scraper'. Подобным же образом и франц. диал. *rifle* 'стружка' соотносится с нидерл. *riffelen*, нем. *riffeln*. Таким образом, корень изучаемого слова восходит не к нем. *Band*, а к нем. *reiben*. Что же касается окончания, то перед нами обычный собирательный суффикс *-in*, *-ain* (лат. *-amen*), например, в словах *levain*, *couvin*, *purin*, *crachin*. Ср. особенно *gratin* (<*gratter*), *rabotin* (*raboter*) 'стружка'.

Еще пример. В древнеанглийских глоссах, изданных А. Напиром (30, 2), находим слово *sweorsaga*, которое соотносится с лат. леммой *allec*. А. Напир считал, что перед нами сложное слово, состоящее из *sweord* 'меч' и *sagu* (совр. *saw*) 'пила'. Хольхаузен, основываясь на лемме *allec*, переводит это слово 'Fischsauce'.

Обратимся к материалу. Указанная глосса встречается в «De arte metrica», где читаем: *as. ut facultas. ut allec*. Слово *ut* или (*sicut*) в древнеанглийском обычно глоссируется через *swe* (Vespasian Psalter), *swa* (уэссекский диалект). Др.-в.-нем. *ursaga* глоссируется через лат. *ratio* (Ahd. Gl. II, 750, 31), *occasione* (Ahd. Gl. II, 750, 40: *occasione*, *ursaggo*), *executiones* (KAD, 57, 987). В латинских глоссариях *occasio* передается через *oportunitas* (CGL, VII, 12), *oportunitas* же глоссируется через *facultas* (CGL, VII, 25).

Таким образом, перед нами не единое (с дифтонгом *eo*) древнеанглийское слово *sweorsagu* и не сложное слово, а случайное слияние двух слов в рукописи: *swe* и *orsaga*, причем второе слово соотносится не с леммой *allec*, а с рядом стоящей леммой *facultas*.

*«Un homme qui écrit bien n'écrit pas
comme on a écrit, mais comme il écrit,
et c'est souvent en parlant mal qu'il
parle bien»*

Ch. Montesquieu

*«Quel beau livre ne composerait-on
pas en racontant la vie et les aven-
tures d'un mot? Sans doute il a reçu
diverses impressions des événements
auxquels il a servi; selon les lieux il
a reveillé des idées différentes»*

H. de Balzac

Глава III

АСИСТЕМНОСТЬ, ОБУСЛОВЛЕННАЯ ИДИОЛЕКТНЫМИ ПРИЧИНАМИ (антиномия индивидуального и социального)

Одним из несомненных достижений языкознания XX столетия является неуклонное стремление, несмотря на значительные противоборствующие тенденции, возродить, развить и утвердить концепцию языка как сугубо общественного явления, для которого социальный момент не только и не столько играет роль «внешней среды», экстралингвистического фактора, но и представляет собой неотъемлемый элемент его структуры, развития, изменения и существования. Весьма важно в связи с этим осознание того факта, что язык — это не одномерная, одноплоскостная структура, а сложное, многоаспектное образование, подверженное одновременному воздействию целого комплекса разнообразных (по своей природе, диапазону и времени действия, взаимной совместимости, постоянству проявления, последовательности, необходимости и достаточности и др.) факторов, манифестируемых в самых различных комбинациях.

Наиболее ярко неразрывная связь различных сторон и звеньев языка выступает при изучении проблемы соотношения индивидуального и социального в языке. Речь идет об известной антиномии между индивидуальной, субъективной стороной речепроизводства и интерсубъективным характером языка как всеобщего средства коммуникации. Можно без преувеличения сказать, что ни одна лингвистическая школа (старая или новая), ни одна лингвистическая концепция не могли бы существо-

говать, не определив так или иначе свою позицию в вопросе соотношения социального и индивидуального в языке. Эта проблема неоднократно являлась предметом размышлений, споров и заблуждений ученых самых различных специальностей — философов, психологов, социологов, лингвистов, этнографов и антропологов. Суть разногласий (см. работу К. Шиллинга [283]) сводится в основном к тому, что одни ученые склонны к абсолютизации роли общества в функционировании и развитии языка, а другие, наоборот, придают слишком большое значение индивидууму (личности), отделяя его при этом от этнического коллектива, неотъемлемой частью которого он является (ср. экзистенциализм К. Роджерса, «персонологию» В. Штерна или «психоанализ» З. Фрейда). С одной стороны, этническая «масса», а также так называемая психология нации (отражающая якобы ту или иную «картину мира») или даже некое трансцендентное начало ставятся некоторыми учеными над отдельным индивидуумом — носителем языка, а общество рассматривается как совокупность разобщенных личностей (ср. соответственно «Volkerpsychologie» В. Вундта, теорию Сэпира—Уорфа, основанную на неогумбольдтианских принципах, «грамматику, ориентированную на содержание» Л. Вайсгербера). С другой стороны, наоборот, во главу угла ставится индивидуальное начало, которое якобы детерминирует все социальные процессы [ср. «эстетизм» К. Фосслера и Б. Кроче, индивидуалистический психологизм Г. Штейнталя и Г. Пауля, атомизм некоторых представителей лингвистической географии (например, Ж. Жильерона), концепцию бихейвиористов, сводящих сущность языка к механизму индивидуальных «импульсов и реакций», а также учение лондонской лингвистической школы (Дж. Р. Фёрс, Б. К. Малиновский), отвергающее понятие речевого коллектива и практики человека как его общественного опыта и уделяющее основное внимание речи так называемых типажей и личностей (persons and personalities) в процессе их «фатической коммуникации», т. е. «экологии коммуникации» (паралингвистика, кинесика, психоллингвистика)].

Таким образом, в соответствии с известными древнегреческими традициями (возникновение языка «по природе» или «по договору») в лингвистике наметились две основные тенденции: язык рассматривается либо как «надиндивидуальное» (transpersonal), стихийное явление, возникшее и развивающееся независимо от его носителей, либо к языку подходят как к искусственно созданной человеком формализованной системе, которая может произвольно изменяться и разрушаться ее создателями. Сущность соотношения индивидуального и социального в языке весьма удачно сформулировал испанский филолог Р. Менендес Пидаль: «...несомненно, что язык представляет собой образование, чуждое единоличной воле индивидуума или воле каждого индивидуума, и все же как мельчайшие,

так и крупнейшие изменения, возникающие в языке, всегда зависят и от инициативы одного индивидуума, и от того, какую поддержку находит эта инициатива у других индивидуумов, которые могут подражать вновь возникшему явлению или модифицировать его в соответствии со своими языковыми привычками или вкусами. Именно поэтому результат многих преднамеренных и сознательных индивидуальных лингвистических акций, воспринятых коллективом, не является чуждым для отдельных индивидуумов, не является чем-то неосознанным, действующим слепо или механически. Таким образом, мы приходим к признанию того факта, что сам индивидуум способен оказывать влияние на язык общины, подобно тому, как он способен оказывать влияние на всеобщие выборы: отличие лингвистической „агитации“ состоит, однако, в том, что тот или иной индивидуум приобретает своих сторонников не посредством речей и ораторских убеждений, а посредством грамматики, словарей, критики доктрин, идущих вразрез с тенденциями развития языка, и путем распространения литературных или просто социально престижных образцов» [295, с. 93].

Соотношение между социальным и индивидуальным является основным принципом диалектики языка: с одной стороны, язык передается людям как бы «в готовом виде» и не допускает никаких изменений по произволу отдельных носителей языка, но, с другой — отдельные индивидуумы, входящие в коллектив, воспринимают и воспроизводят язык по-своему. При этом, используя язык, люди постоянно обновляют и заново воссоздают его, хотя не всегда это осознают впоследствии. Язык, как справедливо отмечал В. Гумбольдт, это одновременно и *ergon* и *energia*. Ф. Энгельс указывал, что человеческое мышление «...существует только как индивидуальное мышление многих миллиардов прошедших, настоящих и будущих людей» [2, с. 87].

Еще Аристотель в «Метафизике» обращал внимание на то, что определенный феномен нередко является единичным лишь в силу его связи или соотношения со всеобщим явлением, зависимости от него или частичного, неполного совпадения их свойств; с другой стороны, качество всеобщего может явиться результатом связи или соотношения с единичным: одно и то же явление может выступать как единичное по отношению к определенным явлениям, системам, элементам, но как всеобщее — по отношению к другим. Два явления могут быть отдельными по одному или нескольким присущим им признакам или процессам, но общими — по другим.

Не случайно О. Есперсен отмечал следующий парадокс языковой эволюции: история языка в сущности представляет собой цепочку постоянных «погрешностей» против существующего синхронного узуса, а в синхронии наблюдается противоположное — борьба менее признанных и более распространенных языковых

образцов за «право» максимального обобществления, в связи с чем одни и те же модели в зависимости от сферы употребления (литературной, социально-профессиональной, территориальной) признаются то ошибочными, то правильными, то маргинальными, то центральными.

Не подлежит сомнению, что на идиолектные и общезыковые особенности определенное влияние оказывает и специфика культуры данного народа, его обычаи и верования, хотя все эти факторы ни в коем случае не следует ни слишком преувеличивать, ни слишком преуменьшать. Интересно, например, что в древнегерманском флоте существовали особые подразделения (братства) моряков, которые питались вместе. Отсюда и их название — ср.-в.-нем. *mazgenoze*, ср.-нидерл. *mattenboot* (все эти слова — сложные и состоят из двух компонентов: например, ср.-в.-нем. *maz* 'еда' + *genoze* 'товарищ'). Заимствованное в романские языки (ср. франц. мн. ч. *matelots*), это слово снова возвращается в германские языки (XVI в.), но уже в несколько другом облике: нидерл. *matross*, нем. *Matrose* (в русском языке слово *матрос* существует со времени Петра I). Изменилось и значение этого теперь уже единого (упрощенного) слова: оно стало обозначать не «братство едящих вместе», а любого моряка, не принадлежащего к командному составу, — рядового. Лат. *stipulari* 'заключить сделку, договор', 'дать формальное обещание' восходит к лат. *stipula* 'стебель', 'соломинка': в древнем Риме преломление соломинки участниками сделки означало, что они пришли к соглашению [192, с. 1516]. Русское слово *халтура* восходит к позднелатинскому *chartularium* 'поминальный список, который священник читает, молясь за упокой' (корень этого слова в латыни заимствован из греческого). На русской почве это слово подверглось метатезе и приобрело значение 'даровая еда, питье на поминках'. Интересна следующая цитата из произведения П. И. Мельникова-Печерского «В лесах»: «В поминальные дни обительские ворота широко на весь крещеный мир распахнуты... Соберутся на халтуру и сироты и матери с белицами из захудалых обителей, придут и деревенские христороубцы... Кому не охота сродников на чужих харчах помянуть». В южных и западных русских диалектах слово *халтура* означает 'похороны', укр. *хавтура* 'плата священнику', белорусск. *хайтуры* 'праздник всех святых', польск. *chaltury* 'поминки'. В театральном жаргоне русского языка в начале нашего века это слово приобрело значение 'пожива', 'выгода', 'добыча', 'взятка', 'побочный легкий заработок сверх основного', откуда оно проникло в общенародный язык. Любопытно, что лат. *charta* (<греч. *nartes* 'папирус', 'сверток из папируса') в древневерхненемецком дало *arza, kerze* 'свеча'. Необходимо иметь в виду, что в древнем Риме из сердцевины папируса делали фитили. Ср. англ. *taper* 'свеча' <др.-англ. *tapor, tapur* (диссимиляция из лат. *papyrus*,

промежуточная стадия **tapirus*). Ср. ит. диал. *papjo*, сард. *pavilu*, ретором. *pavier, pavel* 'фитиль'. Русское слово *бабочка* соотносится с *бабка* 'бабушка'. Это образование основано на представлении, что душа умершего продолжает жить в виде бабочки. Ср. русск. диал. *душичка* 'бабочка' (<*душа*), новогреч. *psühari* 'бабочка' (<*psühe* 'душа'). Ср. также ирл. *dealbhamde* 'créature de Dieu'; *eunan-de* 'petit oiseau de Dieu'; *dealan-de* 'fulgor Dei'. Немецкое слово *Tropfen* означает 'капля' и связано с *Tropf* 'глупец', 'дурак'. Дело в том, что в средние века считалось, что душевные (как и другие) болезни происходят вследствие распространения в организме «дурных соков». Подобным же образом и в современных английских диалектах слово *sapp* означает 'дурак' (ср. англ. *sap* 'сок'). Ср. РВВ, 75, с. 430. Ср. франц. *goutte* 'капля', но франц. *goutte* 'подагра'.

При исследовании лингвистического аспекта рассматриваемой проблемы бросаются в глаза некоторые явные парадоксы сосюровской теории, некритический подход к которым может в значительной мере отрицательно сказаться на методике анализа и на полученных выводах. Отграничение «языка» (*langue*) как социального феномена, независимого от индивидуумов — носителей языка, от «речи» как сугубо индивидуального и периферийного явления *par excellence* предполагает определенную однородность (гомогенность) языка (*langue*), т. е. фактически отсутствие вариантности. Из предпосылки гомогенности языка исходили и исходят представители сравнительно-исторического языкознания, которые (как, например, А. Мейе), руководствуясь понятием «всеобщности» лингвистического закона, считают, что одна и та же инновация проявляется одновременно у значительной части или даже у всех носителей данного языка. Из тех же принципов исходят и различные школы лингвистического структурализма, в частности представители Пражской лингвистической школы. Наиболее отчетливо эта точка зрения в последнее время выражена в работах Н. Хомского, выдвинувшего в связи с этим понятия «компетенция» («*competence*») и «исполнение» («*performance*»), вполне соответствующие сосюровским «*langue*» и «*parole*» (ср. также постулируемые Г. Херданом аналогичные по содержанию понятия «*type*» и «*token*»). Н. Хомский писал: «Лингвистическая теория имеет дело прежде всего с идеальным говорящим—слушающим, находящимся в абсолютно однородном языковом коллективе. Он в совершенстве знает язык коллектива, к которому принадлежит, и не подвержен воздействию таких грамматически нерелевантных условий, как неспособность восстановить в памяти определенные слова или выражения... и ошибки (случайные или систематические) при непосредственном исполнении (говорении). Именно такой, как мне кажется, была позиция основоположников современного общего языкознания, и нет никаких оснований изменять ее» [97, с. 3—4]. Наиболее совершенным методом ис-

следования языка Н. Хомский считал в связи с этим превратно толкуемый им критерий «интуиции природного носителя языка» (native speaker). При этом в полном противоречии со своим тезисом о гомогенности языка он слишком переоценивал творческие языковые возможности индивидуума, который, по его мнению, может беспредельно «генерировать» предложения. В последнее время в социалингвистике все больше подчеркивается важная мысль о том, что «для получения наиболее важных для лингвистической теории данных следует наблюдать, как люди говорят в то время, когда за ними не ведутся наблюдения» [201, с. 113].

В свете известной соссюрвской дихотомии «язык — речь» [resp. социальное (гомогенное) — индивидуальное (гетерогенное)] безусловным парадоксом представляется следующее противоречие теории Н. Хомского, которое недавно было довольно точно сформулировано В. Лабовым: «Социальный аспект (langue) языка поддается изучению на основе интуиции любого индивидуума — его носителя; индивидуальный же аспект (parole) языка можно изучать путем „опробования“ (sampling) языкового поведения всего коллектива в целом» [201, с. 105].

Второй парадокс становится особенно очевидным на фоне соссюрвского противопоставления синхронии и диахронии и, как это ни странно, лучше всего сформулирован самим Соссюром: «Если бы мы взяли язык во времени, но без говорящей массы (предположим, что живет человек в течение нескольких веков совершенно один), в нем не оказалось бы, может быть, никакого изменения; время не проявило бы своего действия. И обратно, если рассматривать говорящую массу вне времени, не увидишь действия на язык социальных сил» [54, с. 86—87].

Ниже делается попытка рассмотреть некоторые конкретные языковые явления, которые, появившись на уровне индивидуального использования, впоследствии распространились в более или менее широком языковом коллективе; проследить включение таких явлений в языковую систему, выявить пути и причины их проникновения (или невозможности проникновения), закрепления, исчезновения и воссоздания в различных пластах языка. Именно таким путем, как нам кажется, можно осознать «не только абстрактно всеобщее, но всеобщее такое, которое воплощает в себе богатство особенного, индивидуального, отдельного» [5, с. 90; ср. также с. 76, 318].

Соотношение социального и индивидуального в языке выступает наиболее наглядно при рассмотрении заимствований, ибо они, по общему признанию, обычно представляют собой образования, первоначально свойственные отдельным индивидуумам или созданные ими [116]. Рассмотрим несколько примеров заимствований, проникших в язык письменным путем. Одним из интересных заимствований в европейских языках (главным образом в испанском) из арабского (VII в. н. э.)

было слово *zenith* [ст.-франц. *cenit(h)*, исп. *cenit*], которое восходит к вульг. араб. *semt* 'дорога', 'путь' (классич. араб. *samt*, сокращение от *samt ar-ra's*, букв. 'путь над головой') и возникло в связи с неверным прочтением в этом слове буквы *t* как сочетания *ni* (ср. *azimuth*). Весьма ярко роль индивидуальной деятельности в преобразовании языковых элементов проявляется в так называемых семантических заимствованиях, особенно посредством письменной традиции. У Секста Эмпирика находим весьма странное для латинского языка название воды: *recens* (Sextus Empiricus. 70, 12: *recentes. frigidas bibendo*). Как видно из глосс (CGL, III 218, 15; 653, 11), *recens* — эквивалент др.-греч. *nearós* 'новый', 'недавний', 'свежий', которое впоследствии приобрело значение 'вода' (ср. совр. греч. *nero* букв. 'свежая вода'). Именно это значение, засвидетельствованное в глоссах, и было перенесено в латинский. От вульг. лат. *recens* 'вода' был образован глагол *recentiare*, откуда совр. франц. *rinser* 'полоскать' (ср., однако, совр. франц. *recent* 'недавний').

В XVI в. в Италии было опубликовано сатирическое произведение, высмеивающее жадность. В нем, в частности, описывалось «общество жадных», эмблемой которых было шило (*lesina*) для починки рваной обуви. Отсюда название сочинения «Della famosissima compagnia della lesina». При переводе на французский произошла семантическая ошибка: итал. *lesina* было заимствовано в виде *lesine*, но со значением не 'шило', а 'жадность'. Именно с таким значением это слово существует и до сих пор.

Латинское слово *cuniculus* в средневерхненемецком было ошибочно воспринято как *künik* 'король' с уменьшительным суффиксом — *küniklin* — и впоследствии дало ошибочные кальки в славянских языках: польск. *krolik*, укр. *крилик*, русск. *кролик*.

В немецком слове *Eichhorn, Eichhörnchen* 'белка' элемент *horn* не имеет ничего общего со словом *Horn* 'рог', а соотносится с др.-англ. *wern* 'белка' (*h* в начале слова возникло в связи с прогрессивной ассимиляцией под влиянием последней буквы в слове *Eiche*). В свою очередь др.-англ. *wern* соотносится с санскр. *vara* 'хвост' (т. е. 'животное, которое создает тень своим хвостом'). В этой связи интересно сопоставить греч. *skiouros*, лат. *sciurus* 'белка', соотносимое с греч. *skia* 'тень' (ср. также англ. *squirrel*, франц. *écureuil*). Ср. англ. диал. *scug* 1) 'тень', но 2) 'белка'.

Русское слово *гусеница* не имеет ничего общего со словом *гусь*, а соотносится с русск. *ус* (т. е. означает фактически 'имеющая усы'). Начальное *г* в этом слове возникло, вероятно, под влиянием ст.-слав. *гоштерица* 'ящерица'. Согласно другому мнению, русск. *гусеница* соотносится с санскр. *ghas* 'пожирать', т. е. означает 'прожорливая'.

Индивидуальный и в определенной мере искусственный характер имеют имена нарицательные, образованные от имен собственных, происхождение которых во многом уже утрачено носителями языков. Русское слово *академия*, как и нем. *Akademie*, англ. *academy*, франц. *academie*, произошло от названия гимназии около Афин, где Платон и его ученики проповедовали свое учение; само название этого места связано с именем греческого героя Академоса. Таковы же и русск. *вокзал* (из английского топонима Vauxhall), русск. *хам* (по библейскому имени Хам, сын Ноя), франц. *truie* 'свинья' (от названия древней Трои); нем. *Messing* 'латунь' (по названию места в Греции, где этот сплав был впервые получен), русск. *ломбард* (от названия итальянской области Ломбардии, где начиная с XIII в. банки стали основывать ломбарды; ср. франц. метафорическое *mont-de-piete* 'ломбард', букв. 'гора благочестия'); *пасквиль* [по названию сооруженной в Риме в 1501 г. кардиналом Караффа статуй (Pasquillo — уменьшит. от имени собственного Pasquino), на которую стало обычаем наклеивать сатирические стихи, шаржи, эпиграммы и т. д.]; франц. *lutin* 'шалость'; 'фамильярность' (от имени бога Нептуна); англ. *mercury* 'ртуть' (от имени Меркурия, бога торговцев в римской мифологии); англ. *burke* 'душить' (от имени В. Бёрка, казненного в 1829 г. в Эдинбурге за совершение убийств подобного рода), англ. *derrick* 'подъемный кран' (по имени Деррика, палача в Тайбёрнской тюрьме в Лондоне, который жил в начале XVII в.); русск. *церемония* [от названия предместья древнего Рима (Caere), где этрусские жрецы совершали свои ритуалы]; лат. *lucanica*, новогреч. *loukaniko* — сорт колбасы (по названию местности в древней Италии, где эта колбаса впервые была изготовлена); русск. *монета* (англ. *money*, нем. *Münze*, франц. *monnaie*) от названия римского храма Juno Moneta, т. е. Юноны Прорицательницы (лат. *monere* 'прорицать'), где были отчеканены первые металлические монеты. Интересны слова, образованные от имен собственных: *объегорить* (от Егор), *подкузьмить* (от Кузьма), *обмишулить* (от Михаил, Миша)¹, *взверопить* (от Ерошка, Ерофей), нем. *Dietrich* 'Nachschlussel', *Peterchen* 'Sperrhaken', англ. *betty* и *jimmy* 'отмычка', нем. (*langer*) *heinrich*, *Panzerheinrich* (то же), англ. слэнг *aram* (от *Abraham*) 'симулянт'; ср. в американском слэнге: *george* 'wise', 'mentally alert', 'fine', 'good'; *joe* 'informed', 'wise'; *john* 'a toilet', 'a privy'; *peter* 'a trunk', 'a safe'; 'pills or injection that render one unconscious' и др. Характерна ограниченность возможностей образования подобных слов от различных имен собственных, что, несомненно, связано с определенными социолингвистическими «запретами», накладываемыми на жизнеспособ-

¹ Подобные слова нередко обусловлены эвфемизмом и табу: ср. русск. *кондрашка* 'болезнь' (ср. новгородское русск. диал. *кондрашка* 'товарищ'). Ср. названия болезней: *тетка*, *мачеха*.

ность этих слов той узкой языковой сферой, где они употребительны.

Вмешательство индивидуума в «естественный порядок» языка, в той или иной мере нарушающее исконную форму и значение языковых единиц и соотношение между ними, можно наблюдать также в случаях: 1) контаминации слов, или «телескопического» словообразования (англ. *lunch* < *lump* + *munch*; *Kraft-rad* > *Krad*); 2) эллипсиса слов (с изменением или без изменения значения последних); 3) преднамеренного усечения начальных согласных или гласных в слове из соображений табу; 4) рифмованного словообразования; 5) опрощения слов [ср. англ. *world* < др.-англ. *wer* 'человек' + *eald* 'век', ср. нем. *Werwolf*; *lady* < *hlaf* 'хлеб' + *daege* 'девушка'; др.-в.-нем. *mezzirahs* (букв. 'меч для еды') > нем. *Messer*]; 6) переразложения [ср. чеш. *bádati* 'исследовать' < *ob-odati*, ср. др.-чеш. *jadati*; чеш. *pohan* < *paganus* (от лат. *pagus* 'область', 'район'), откуда глагол *pohaniti*, соотносимый, но в действительности не имеющий ничего общего с чеш. *haniti*, польск. *ganić*]; 7) народной этимологии [ср. начальное *x* в русск. *хрусталь* < лат. *crystallum* (под влиянием русского слова *хруст*); франц. *orange* 'апельсин' восходит к перс.-араб. *narang* > исп. *naranja*, ит. *arancio* (о во французском развилось под влиянием слова *or*); франц. *amiral* 'адмирал' восходит к араб. *emir*, однако в XVI—XVII вв. во Франции под влиянием глагола *admirer* бытовала форма *admiral*, откуда она и была заимствована в немецкий: *Admiral*; совр. нем. *Fried-hof* возникло из ср.-в.-нем. *frit* < *friten* 'ограждать' и не имеет ничего общего с нем. *Frieden* 'мир', 'покой'; *Feldstuhl* < *Faltstuhl* (ср.-в.-нем. *valtstuol*, ср. франц. *fauteuil*)]; 8) языкового планирования (ср., например, предпринятое Й. Аавиком создание слов *ex nihilo* в эстонском языке), а также введения отдельными учеными метафорических названий химических элементов, болезней и т. д. (типа *кобальт*, *никель*, *вольфрам*, *диабет*). В ряде случаев индивидуум может вносить глубокие изменения и в произношение [фонетическая аналогия, ассимиляция, диссимиляция (и возникающее в связи с этим стирание фонемных противопоставлений), метатеза, эпентеза, изменение произношения под воздействием образцов других (социальных, территориальных) диалектов того же языка и др.]. Отметим, что многие новообразования в фонетике, грамматике (особенно в синтаксисе) и в лексике нередко появляются при быстрой спонтанной речи. Именно в связи с тем, что один из индивидуальных вариантов произнесения (обусловленный в свою очередь «удобством», «обычностью» произнесения для тех или иных слоев говорящих или влиянием быстрой речи) оказался социально престижным, немецкое слово *Tartuffel*, например (заимствование из итальянского *tartufo*, *tartufolo* — метатеза от вульг. лат. *tufera* < лат. *tuber*), существовавшее в таком виде вплоть до начала XIX в., приобрело вид *Kartoffel*.

Можно говорить здесь об индивидуальной гиперкоррекции.

Возникает вопрос: почему, с одной стороны, целый ряд ошибочных, искусственных или случайных языковых образований, появившихся первоначально в качестве индивидуальных инноваций и заимствований, значение и (морфемный, лексемный) состав которых нередко не осознавались [ср., например, русск. *карнавал*, англ. *carnival*, франц. *carnaval*, ит. *carnevale* < вульг. лат. *carne vale* букв. 'прощай, плоть!', т. е. 'прощай, мое обличье!'], или англ. *culprit* 'преступник', которое возникло из слияния двух первых слов в старофранцузской судебной формуле — *culpable: prest (prist) d'averrer* ' (он) виновен, готов (это) подтвердить'], а также многочисленные слова, заимствованные с арабским артиклем *al-*, где он не осознается, как таковой (ср., например, *алгебра*, или гибриды типа *эликсир*), впоследствии получили «права гражданства» не только в различных социальных пластах языка, но и в литературном стандарте, тогда как, с другой стороны, так называемые окказионализмы, *парах le-gomena*, «писательские слова» [100; 269; 227], кальки, образованные на основе реальных, существующих в языке лексических и словообразовательных элементов, нередко имеют очень мало возможностей войти в общенародное употребление, а в ряде случаев не «пропускаются» и в различные социальные и профессиональные языковые пласты? Почему некоторые из таких образований все же входят в язык и укрепляются в нем [ср., например, в русском кальки *предмет* (лат. *objectum*), *насекомое* (лат. *insectum*) и др.], а другие, образованные по тем же принципам, неизменно сразу же предстают как «мертворожденные» (например, в русском кальки: *побудка* вместо *инстинкт*, *ячество* вместо *эгоизм*)? Почему, наконец, в одних языках наблюдается наплыв калек (например, в немецком, где можно точно установить автора и дату введения таких слов, как *Rundfunk*, *Kerbtier*, *Mitleid*, *Gegenstand* и др.), а в других процесс калькирования связан с определенным отбором? На все эти вопросы может быть дан вполне однозначный ответ: все зависит от структурных характеристик тех конкретных языковых систем, которые взаимодействуют между собой, от их иерархического соотношения в языке и взаимопроникновения их свойств.

Отметим прежде всего, что перенесение тех или иных пластов языка или даже вхождение одних языковых слоев в другие отнюдь не является свидетельством или гарантией обязательного перехода элементов одной из пересекающихся формаций в другую. Известно, например, что отдельные носители общенационального языка обычно используют далеко не все и не одни и те же лексемы, входящие в литературный стандарт, причем используют их неодинаково с точки зрения семантики и связей с другими словами. Различные идиолекты

или диалекты могут манифестироваться в одном и том же социолингвистическом пространстве, тогда как различные социолингвистические пространства могут отражать один и тот же идиолект или диалект. Хотя общенациональный английский стандарт по необходимости и «пересекает» языковые системы слэнга, целый ряд общелитературных слов (например, *understand, courage, help, aid, shy, timid* и др.) оказался исключенным из словарного состава слэнга. С другой стороны, хотя арго *sui generis* и не пересекается с общелитературным стандартом, ряд арготических слов французского языка (например, *piger* 'понимать', *rombier* 'человек', *se gourer* 'ошибаться', *bide* 'провал', 'неудача', *dalle* 'ничего', 'ничто', *berge* 'год', *caner* 'отступать перед опасностью', 'бояться', *marrer* 'лопаться от смеха' и др.) в течение последнего десятилетия стали широко проникать в язык прессы и художественной литературы [81]. Подобным же образом такие слова литературного английского языка, как *cheat, fake, humbug, sham, shabby* и др., некогда были исключительной принадлежностью слэнга.

Различные языковые пласты в языке занимают иерархически неравноценное положение и обладают в связи с этим неодинаковыми языковыми свойствами, которые в свою очередь обладают неодинаковыми возможностями проявления на различных идиолектных, социальных и временных уровнях. Однако каждое из этих свойств (константность, реактивность, взаимозависимость, адаптивность, открытость или закрытость системы, одновременность и последовательность и др., возникающие в результате процессов пересечения, наложения, сосуществования, чередования и переключения различных по своему происхождению языковых подсистем) само по себе никак не закреплено за тем или иным языковым пластом. В зависимости от структурного уклада того или иного языка и исторически обусловленных изменений любое из указанных свойств может характеризовать любые пласты языка, т. е. как те, которые в данный период развития языка занимают иерархически более низкое положение, так и те, которые занимают более высокое положение. При этом одно и то же свойство по-разному преломляется в зависимости от того, манифестируется ли оно в иерархически более высоком или более низком континууме. Вполне понятно, что иерархия свойств никак не определяется количеством носителей того или иного идиолекта, диалекта, койне, общелитературного языка или размером территории, где они распространены, хотя иерархический статус одних и тех же свойств меняется в зависимости от иерархии той языковой формации, которую он характеризует на данном этапе языкового развития. Важно, однако, что иерархически различные пласты языка в различной мере подвергаются (или вовсе не подвергаются) одновременному воздействию социальных, территориальных и межсистемных факторов. Таким образом, на лю-

бом синхронном срезе языка наблюдается образование неодинаковых, но строго уравновешенных комбинаций взаимообусловленных и совместимых свойств, которые в конечном итоге определяют потенции как языкового целого, так и отдельных его звеньев, а также все дальнейшие реакции последних на возможные внутренние или внешние нарушения системы, все языковые «запреты» и их нейтрализацию, соотношение и взаимопроникновение социальных и индивидуальных факторов, характерных для данного состояния языка. Именно «прохождение» или невозможность «прохождения» той или иной инновации в языке [независимо от того, откуда она исходит и куда проникает (или не проникает) — от индивидуального идиолекта в социальный диалект или в литературный стандарт, от литературного стандарта в социальный диалект или в индивидуальный идиолект и т. д.] является тем индикатором, по которому с большой степенью достоверности можно судить о свойствах, возможностях, иерархическом статусе и соотношении не только того языкового пласта, который «отдает» свои элементы другому пласту, но и о тех языковых формациях, которые воспринимают или не могут воспринять эти инновации. Именно на основе рассмотрения «движения» инноваций в различных пластах языка можно выявить определенную точку отсчета, дающую возможность подойти к пониманию соотношения языковых свойств этих пластов.

Поскольку возможности языковой комбинаторики беспредельны как в диахронии, так и в синхронии (различной иерархией обладают не только те или иные языковые пласты, но даже отдельные лексико-семантические континуумы, входящие в них), не подлежит сомнению, что в языке нет и не может быть каких-либо априорных, имманентных и универсальных правил, применимых к любому языку в любой момент его истории, или по крайней мере правил, в равной мере отражающих особенности всех звеньев языка. Реально существуют лишь конкретные, каждый раз различные комбинации языковых признаков, свойств и ситуаций, рассмотрение которых в большей или меньшей мере показывает, какие факты возможны в жизни данного языка или нескольких языков, а какие невозможны, в каком звене изучаемого языка вероятно (необходимо) изменение и какое именно, как будут реагировать на это изменение другие звенья языковой системы (ср., например, относительную стабильность или, наоборот, разрушение языковой структуры), почему данная инновация в рассматриваемом языке имеет возможности распространения именно в данных пластах языка и почему другая инновация таких возможностей не имеет и т. д. Рассмотрение конкретных факторов языка дает основание для выведения определенных закономерностей. Если, например, те или иные инновации (или ряд инноваций) не распространяются дальше того языкового пласта, в котором

они возникли, то можно полагать, что их системные свойства (или отсутствие определенных свойств) превращают для них все прочие системы языка в «закрытые», тогда как свойства других инноваций, возникших в том же или в другом языковом пласте, могут «открыть» для них языковые пласты, которые в течение определенного периода оставались непроницаемыми. Подобным же образом определенная системная иерархия и соответствующие свойства могут допускать сочетания того или иного аффикса с определенным рядом слов, тогда как другой ряд слов с этим аффиксом сочетаться не может. Например, исконно германский отрицательный префикс *un-* в современном английском языке может употребляться далеко не со всеми прилагательными, хотя чисто внешне слова, используемые и не используемые с этим префиксом, ничем не отличаются: ср. с одной стороны, *unkind, uncivil, unfair, ungallant, unsalutary, unintelligent*, но, с другой стороны, **unshort, *unsilly, *uncruel, *unignorant* и др.

Если при вхождении инноваций в один из пластов языка в другом пласте наблюдается массовый выход слов, можно заключить, что эти пласты до появления инноваций были взаимозависимыми и что их сосуществование нарушилось в результате возникшей несовместимости систем. Взаимозависимость исключает возможность закрытости системы, реактивность несовместима с независимостью систем и т. д. Большое влияние на свойства как идиолектов, так и социальных диалектов оказывает фактор времени. Именно этот фактор нередко является причиной качественного и количественного изменения структуры и свойств того или иного языкового пласта, сближая некогда далекие по своему составу и системным характеристикам языковые континуумы и разъединяя близкие или единые. Интересно в этом отношении явление регенерации, при котором элементы, давно вышедшие из языка, снова восстанавливаются в связи с воссозданием прежней системы [198]. Наблюдения показывают, что диахронические различия в пределах одного социолингвистического пространства тождественны обычно синхроническим сходствам в пределах различных социолингвистических пространств. С другой стороны, диахронические сходства в пределах различных социолингвистических пространств тождественны синхроническим различиям в пределах одного социолингвистического пространства. Диахронические различия в индивидуальных идиолектах одного и того же языкового слоя тождественны синхроническим сходствам в различных слоях языка, независимо от их принадлежности к одному и тому же социолингвистическому пространству. Если индивидуальные идиолекты не вступают в реакцию друг с другом, то они не вступают в реакцию и ни с одним другим (иерархически более низким или более высоким) пластом того же языка. Специфическая система грамматических показателей и лек-

сем, характерных только для каждого из непересекающихся идиолектов, не встречается больше ни в одном другом языковом пласте тех же языков.

При прочих равных условиях результат взаимодействия микросистем, принадлежащих к иерархически различным языковым пластам, обычно манифестируется только на уровне одной из этих систем, тогда как результат взаимодействия микросистем, принадлежащих к одному и тому же языковому пласту, проявляется во всех этих микросистемах [39]. В этом отношении весьма показательным наблюдением, сделанным в свое время еще Л. Гоша и недавно подтвержденным исследованиями В. Лабова: идиолекты небольшой языковой общины, находящиеся в постоянном контакте друг с другом, обнаруживают те различия, которые характерны для территориально разобщенных идиолектов соответствующего города и района, в то время как неконтактирующие идиолекты обнаруживают те сходства, которые свойственны пересекающимся идиолектам небольшой языковой общины [143].

Столкновение социального и индивидуального в языке проявляется не только при интерференции и заимствовании, но и в семантике. Наиболее характерно для индивидуальных идиолектов явление семантической синэстезии (смещение слухового и оптического, тактильного и обонятельного или оптического ощущений и др.), вносящее значительные поправки в регулярные семантические переходы, бытующие в языке. Так, швейц. *flimsen* означает 'шептать' и 'мерцать', слово *sumny* в чешских диалектах означает 'громкий', 'шумный', а в словацких — 'красивый' (*sumne devce* 'красивая девушка', *sumne dilo* 'хорошая, чистая работа'). Ср. также укр. *бучний* 'шумный' и 'красивый'. Бавар. *laut, laud* означает 'громкий' и 'красивый' (*e'laude rok* 'красивая одежда', *e'laude bue* 'красивый парень').

Метафоризация имеет нередко прогрессирующий характер: значение, полученное в результате метафоры, в дальнейшем может выступать как исходное, нейтральное при образовании дальнейшей метафоры, так что одна метафора как бы наслаивается на другую, хотя говорящий этого и не сознает. Многие слова, возникшие на основе индивидуального употребления, основаны на метафоре, нередко давно забытой. Так, франц. *caprice* 'каприз' происходит от лат. *capra* 'коза' (ср. франц. арг. *chèvre* 'неудовольствие', 'гнев', собств. 'коза'); итал. *grillo*, нем. *Grillen* 'причуды', 'капризы' собственно означает 'сверчок' (франц. *grillon* 'сверчок'; ср. англ. *maggots* 'причуды', букв. 'червяки'). Нем. *Laune* 'настроение' образовано от лат. *luna* (имеются в виду различные фазы луны; кстати, само слово *luna* является метафорой и восходит к и.е. **louqs-nā, *leuqs-na*, представленному в лат. *lux* 'свет', т.е. означает 'блестящая'). Лат. *pontifex* 'жрец', 'священник' буквально означает 'строитель мостов'. Франц. *elan* 'душевный по-

рыв' собственно означает 'лось'. Лат. *calamitas* 'несчастье' означает в конечном итоге 'повреждение колосьев' (*calamus*), 'убыток, причиненный урожаю градом'. Англ. *porcelain*, нем. *Porzellan* 'фарфор' заимствованы из итал. *parcellana* 'морская раковина', которое в свою очередь было образовано от латинской метафоры *porcus, porcella* 'свинья' > 'vulva'. Франц. *timbre* 'почтовая марка', 'штемпель' восходит к лат. *tympanum* 'Тромбел', 'konkave Schüssel' [> 'Wölbung des Helms (mit den Initialen des Tragers)' > 'Initialen' > 'Geschäftsbezeichnung' > 'Stempel']. Франц. *calcul* 'подсчет' восходит к лат. *calculus* 'калешек' (как предмет счета). Нем. *Hütte* 'горный или металлургический завод' является метафорой от нем. *Hütte* 'хижина', 'шалаш', 'хата'.

Довольно трудно предположить родственность русских слов *здоровье* и *дерево*, но тем не менее их связь не подлежит сомнению. *Здоровый* (корень *доров*, ср. *дрова*) в соответствии с представлениями древнего человека означало 'физически крепкий, как дерево' (з в начале слова — результат озвончения приставки *с* под влиянием последующего *д*). Кроме того, с деревом в различных языках нередко сравнивается не только физическая крепость, но и моральная надежность: ср. англ. *tree* 'дерево', но *true* 'верный', 'надежный', *truth* 'правда' (др.-инд. *daru* 'полено', греч. *doru* 'дерево', 'копье', гот. *triu*). Аналогичное явление наблюдается и в латинском языке, где находим: *robur* 'древесина дуба', 'дубовое дерево', но *robustus* 'крепкий', 'здоровый'.

Санскритское *agam̐bha* 'лягушка' буквально означает 'беззубый' (привативное *a* + *gam̐bha* 'зуб'). С этим словом непосредственно соотносятся русск. *жаба*, греч. *dzampa*, где привативное *a* утрачено. Санскритские слова *aga, agama* 'дерево' буквально имеют значение 'то, что не двигается, не идет' (в противоположность животным). Слово *фрукт* фактически означает 'то, что дает наслаждение' и соотносится с лат. *fructus* < *fruor* 'я наслаждаюсь', др.-англ. *brucan* (то же). Однако восходящее к тому же корню англ. *frugal* означает 'скромный', 'экономный'. Санскритское *ayas* 'железо', 'металл', соответствующее лат. *aes, aeris* (вместо *aesis*), гот. *aiz*, нем. *Eisen*, англ. *iron*, соотносится с санскр. *aya* 'успех', 'счастье'. Русское слово *корица* связано с *кора*, как, впрочем, и слово *коричневый*. Слово *масть* связано с глаголом *мазать* (ср. серб.-хорв. *маст* 'топленый жир'; 'масть'; 'цвет лица'), а слово *сажа* — с глаголом *осаждаться, садиться* (о пыли, грязи). Слово *ловкий* соотносимо с глаголом *ловить*, т. е. 'хватать налету'. Слово *желудок* этимологически родственно слову *жолудь* и является явной метафорой от него. При этом уменьшительный суффикс в этом слове не воспринимается, как таковой. Слово *подлинный*, как убедительно показал Л. А. Булаховский, связано с лексмой *длинный*: *подлинный* первоначально означало 'точно соответ-

вующий по длине' (ср. «Русская речь», 1976, № 2). Интересно происхождение топонимов Азия и Европа. Первый из них, заимствованный в русском из греческого, соотносится с аккад. *asū* 'выходить', 'подниматься' (о солнце), ср. русск. *восток* от *восходить*. Второй же в конечном итоге восходит к аккад. *erēba* 'входить (внутри)', 'садиться' (о солнце), ассир. *ereb* 'мрак'; 'запад' [русское слово *запад* образовано от глагола *падать*, *за-падать* (о солнце)]. Санскр. *ṣopa* 'лошадь', соответствующее русск. *конь* (это слово в некоторых славянских языках может выступать и в женском роде), соотносится с санскр. *ṣon* 'gubesege', т. е. фактически означает 'рыжий' (о масти). Название крапивы в некоторых германских языках, безусловно, соотносится с названием сети — это, очевидно, связано с древним использованием этого волокнистого растения для плетения: др.-в.-нем. *pazza*, *nezzila*, совр. нем. *Nessel*, англ. *nettle*, но др.-в.-нем. *nezzi*, совр. нем. *Netz* 'сеть', *nahen* 'шить'. Санскр. *vas-anta-s*, лат. *ver*, *vernus*, лит. *vasara*, русск. *весна* восходит к корню *vas* 'одевать (зелень)'. Слово *серебро*, нем. *Silber* англ. *silver* восходит, вероятно, к санскр. *ṣila* 'скала' + *bhara* (от корня *bhr* 'ferre'), т. е. означает 'essence de rocher'. Лат. *caelum* 'небо' восходит к санскритскому корню *ku* 'быть полным', ср. греч. *koilos* 'creux' (ср. у Эниды: «*caeva coeli, in altisono coeli clipeo, coeli ingentes fornices*»). Русск. *счастье* первоначально означало 'хороший удел' (ср. санскр. *su* 'хороший' + *часть*). Англ. *girl* 'девочка' восходит к др.-англ. *gerela* 'одежда', ср. шваб. *Ger* 'кусоч материн'. Русское слово *халатный* 'небрежно-безразличный', 'недобросовестный' является метафорой от *халат* 'длинная домашняя одежда свободного покроя' (как символ домашней праздности, лени): в русской литературе XIX в. еще употреблялось словосочетание *халатная жизнь* 'бездеятельная неторопливая жизнь'. Русское слово *мерзкий* 'отвратительный' восходит к *мерзнуть*, *мороз*, русск. *стыд* восходит к *студить*, (*про*)*студа*, ср. чешск. *ostuda*. Англ. *check* 'остановка', 'препятствие', франц. *echec* 'провал', 'неудача' являются метафорой от названия шахмат. Лат. *egregius* 'отличный' означает буквально 'взятый, выбранный из стада'. Русск. *горе*, *горький* связаны с глаголом *гореть*, *печаль* — с *печь* (в значении 'жечь'), а русск. *коварство*, *козни* — с *ковать*; лат. *scrupulus* (уменьш. от *scrupus*) 'мнительность', 'беспокойство' означает фактически 'остроконечный камень', лат. *considerare* 'обдумывать' фактически означает 'смотреть на звезды' (*con* + *sidus*, род. пад. — *sideris* 'звезда'; сюда же относится и слово *desiderare* 'желать', букв. 'ожидать от звезд').

Интересны следующие случаи опрошения, при котором переносное значение вытеснило прямое. Англ. *gossip* 'сплетня' буквально означает 'крестный отец (или мать)' и состоит из слов *god* 'бог' и *sib* 'родственник' (ср. др.-нсл. *guthsefi* 'крестный отец', *guthsifja* 'крестная мать'). Англ. *gossamer* 'прозрач-

ный', 'похожий на паутину'; 'паутина' фактически означает 'бабье лето' (*goose* 'гусь' + *summer* 'лето'). Англ. слово *fellow* 'парень' восходит к др.-англ. *fē* 'скот', 'богатство', 'деньги' и *lag* 'выкладывание', букв. 'выкладывание денег', т. е. означает 'тот, кто делится с другими своими материальными средствами' [ср. англ. *companion*, франц. *compagnon* (от лат. *com* + *panis* 'хлеб') букв. 'сохлебник'] (ср. совр. англ. *fee* и *to lay*). Чисто метафорическими являются и такие слова в русском языке, как *окно* (от *око* 'глаз'), *подушка* (*под* + *ушко*), *неделя* [первоначально означало 'воскресенье' и составлено из слов: *не* + *дело* (ср. *понедельник* 'день после воскресенья'), но впоследствии стало обозначать неделю в целом], *большой* (ср. разг. русск. *больно* 'сильно', 'очень', 'много'). Таковы же и франц. *maintenant* (*main* + *tenant*), англ. *breakfast*, *window* (*wind* + *eye*). Нем. *Himmel* 'небо' в соответствии с древними представлениями фактически означает '(каменная) твердь', 'каменный свод' (ср. авест. *asman-* 'камень'; 'небо', лит. *akmuo* 'камень'), а слово *элемент* в виде **elephantum* было заимствовано латынью из греческого (греч. *elefanta*, вин. пад. от *elefas* 'слон') и означало первоначально 'фишка из слоновой кости, используемая в виде азбуки' (окончание *-mentum* возникло по аналогии со словом *rudimentum*, имевшим синонимичное значение). Кроме того, бесчисленное множество предметов получили свое название от животных, с которыми они имеют действительное или воображаемое сходство: русск. *козлы*, *лебедка*, *волчок*, *собачка* и др.; англ. *cock* 'кран', 'флюгер'; *cat* 'треножник'; *crow* 'лом', 'ворот', 'щипцы'; *dog* 'хомутик', 'крюк'; 'таган (в камине)'; *easel* 'мольберт' (<*ass* 'осел'); русск. *проворонить* (<*ворона*) 'упустить', 'не использовать'; *присобачить* 'прикрепить' [232]. Интересны некоторые определения, возникшие на основе синестезии: англ. *proud flesh* 'испорченное мясо' (букв. 'гордое мясо'), англ. *blind nettle* 'крапива, которая не жжется' (букв. 'слепая крапива'), ср. нем. *taubes Ei* 'яйцо без зародыша', *taube Nuss* 'пустой орех', англ. *live coal* 'горящий уголь' и др. Весьма своеобразно и преломление значения некоторых слов в родственных языках, несомненно возникшее первоначально в связи с индивидуальным восприятием и ассоциациями одного и того же корня: ср. русск. *поручать*, но серб.-хорв. *поручати* 'поесть немного'; 'съесть', русск. *удить*, но серб.-хорв. *удити* 1) 'вредить', 2) 'расчленять', 3) 'тосковать (по к.-л.)'; русск. *порез*, но серб.-хорв. *порез* 'налог'; русск. *акт*, но чешск. *akt* 'обнаженная натура'; 'модель'; русск. *куча*, но серб.-хорв. *куча* 'дом'; русск. *урок*, но чешск. *urok* 'процент', польск. *urok* 'чары', 'привлекательность', серб.-хорв. *урок* 'сглаз'; русск. *верста*, но серб.-хорв. *врста* 'разряд', 'категория', 'сорт', 'порода'; 'строка'; русск. *ужин*, но серб.-хорв. *ужина* 'полдник', 'закуска днем'; русск. *понос*, но серб.-хорв. *понос* 'гордость', 'достоинство'; 'плата носильщику'; русск. *цельный*, но чешск. *celni*

«таможенный», «пошлинный»; русск. *уличить*, но серб.-хорв. *уличити* «украсить»; русск. *цинк*, но чешск. *ciněk* «бельмо»; русск. *черствый*, но чешск. *cerstvý* «скорый», «проворный»; «свежий», «прохлажденный»; «чистый»; русск. *баламутить*, но чешск. *balamutiti* «обманывать», «надувать»; русск. *биограф*, но чешск. *biograf* «кинематограф»; русск. *дервиш*, но серб.-хорв. *derviš* «шило»; русск. *чихать*, но чешск. *sihati* «подстергать»; «выжидать» (ср. *sih* «нюх», «обоняние», «чутье»); русск. *давка*, но чешск. *davka* «пошлина», «налог», «сбор»; «порция», «паек», «доза»; русск. *дело*, но чешск. *delo* «орудие», «пушка». Ср. также следующие интересные примеры: русск. *дичиться*, но серб.-хорв. *дичити-се* «гордиться», «хвалиться»; русск. *доклад*, но чешск. *doklad* «доказательство»; «оправдательный документ»; русск. *холка*, но чешск. *holka* «девушка», «служанка»; русск. *хомут*, но серб.-хорв. *хомут* «горсть», «щепотка»; русск. *холить*, но серб.-хорв. *холити се* «гордиться», «кичиться»; «куражиться»; русск. *господский*, но чешск. *hospodsky* «трактирный»; русск. *губа*, но чешск. *houba* «гриб» (ср. *houby* «испражнения»), серб.-хорв. *губа* «проказа»; «лишайник»; русск. *гвоздь*, но чешск. *hvozd* «дремучий лес»; «сушильня для солода», серб.-хорв. *гвозд* «железо»; русск. *хам*, но чешск. (физиол.) *chat* «сперма»; русск. *кладка*, но чешск. *kladka* «висячий замок»; «блок»; русск. *кличка*, но чешск. *klicka* «петля»; «увертка»; русск. *лак*, но чешск. *lak* «рассол»; русск. *страна*, но чешск. *strana* «партия (политическая)»; русск. *наглый*, но чешск. *nahly* «быстрый», «внезапный»; русск. *награда*, но чешск. *nahrada* «замена»; «возмещение»; русск. *накипь*, но чешск. *nakyp* «пудинг», «воздушный пирог»; русск. *обет*, но чешск. *obet* «жертва»; русск. *обход*, но чешск. *obchod* «торговля»; «магазин»; русск. *оброк*, но чешск. *obrok* «корм для лошадей», «фураж»; русск. *отказ*, но чешск. *odkaz* «завещание» (*odkazati* «завещать»); русск. *острог*, но чешск. *ostroh* «мыс», «стрелка»; русск. *остудить*, но чешск. *ostuditi* «осрамить», «опозорить»; русск. *палка*, но чешск. *palka* «плетенка», «плоская корзина»; русск. *пирог*, но чешск. *piroh* «кармашек»; «сумочка»; русск. *платный*, но чешск. *platny* «действительный», «имеющий силу»; «годный», «полезный», «ценный»; русск. *плеть*, но чешск. *plet* «кожа (на лице)»; «цвет лица»; русск. *подскочить*, но чешск. *podskociti* «обмануть» (ср. *podskok* «обман»); русск. *поганка*, но чешск. *rohanka* «гречиха»; русск. *привал*, но чешск. *privál* «ливень»; русск. *проделать*, но чешск. *prodelati* «потерять», «понести убыток»; русск. *реферат*, но чешск. *referat* «отдел (в учреждении)», «департамент»; русск. *рыхлый*, но чешск. *rychly* «быстрый», «скорый»; русск. *соха*, но чешск. *socha* «статуя»; русск. *сок*, но чешск. *sok* «соперник»; русск. *строй*, но чешск. *stroj* «машина», серб.-хорв. *stroj* «дублирование», «выделка (кож)»; русск. *сверка*, но чешск. *sverka* «зажим»; «штрипка (у брюк)»; русск. *точить*, но чешск. *tociti* «вертеть», «крутить»; «цедить (пи-

во); русск. *труд*, но чешск. *trud* 'прыщ', 'угорь (на лице)'; русск. *тушить*, но чешск. *tusiti* 'предчувствовать', 'предполагать'; русск. *тварь*, но чешск. *tvar* 'форма', 'вид'; русск. *уклад*, но чешск. *uklad* 'ловушка', 'козни'; русск. *укол*, но чешск. *ukol* 'задача', 'задание', 'урок'; русск. *уток*, но чешск. *utok* 'нападение', 'наступление'; 'приступ', 'штурм'; русск. *вина*, но чешск. *вина* 'волна'; русск. *вред*, но чешск. *ured* 'язва'; 'нарыв', 'чирей' (ср. серб.-хорв. *вредни* 'трудолюбивый', 'прилежный'); русск. *выбор*, но чешск. *vybor* 'правление', 'комитет', 'совет'; русск. *вынос*, но чешск. *vyнос* 'выручка', 'доход'; 'декрет', 'постановление'; русск. *заем*, но чешск. *zajem* 'интерес', 'заинтересованность'; русск. *заложник*, но чешск. *založnik* 'запасной (солдат)'; русск. *запор*, но чешск. *zapor* 'отрицание'; русск. *заступ*, но чешск. *zastup* 'толпа'; 'отряд', 'группа'; русск. *завод*, но чешск. *zavod* 'состязание', 'соревнование'; 'торговля'; 'предприятие', 'учреждение'; русск. *сдоба*, но чешск. *zdoва* 'украшение'; русск. *зоб*, но чешск. *zob* 'корм (для птиц)'; серб.-хорв. *зоб* 'овес'; русск. *жаба*, но чешск. *žaba* 'молоденькая девушка', серб.-хорв. *жаба* 'блок' (мор.); русск. *жадный*, но чешск. *zadn* 'ни один', 'никакой', 'никто'; русск. *живность*, но чешск. *živnost* 'ремесло'; 'мелкая промышленность'; русск. *застать*, но чешск. *zastati* 'заменить (к.-л.)'; 'справиться (с делом)'; русск. *забег*, но польск. *zabieg* 'процедура (медицинская)'; 'лечение'; 'операция'; русск. *разбой*, но серб.-хорв. *razboj* 'ткацкий станок'; русск. *богач*, но серб.-хорв. *богац* 'калека', 'убогий'; русск. *отбор*, но серб.-хорв. *odbor* 'комитет', 'отделение', чешск. *odbor* 'секция', 'отдел'; 'специальность', 'профессия'; 'профсоюз'; русск. *отбой*, но чешск. *odboj* 'мятеж', 'бунт', 'восстание'; русск. *заход*, но чешск. *zachod*, серб.-хорв. *zaход* 'туалет', 'уборная'; русск. *чин*, но польск. *czyn* 'дело', 'действие', 'поступок'; русск. *хранить*, но серб.-хорв. *хранити* 'кормить' (*храна* 'пища'); русск. *почет*, но польск. *poszet* 'список', 'реестр'; 'число', чешск. *poset* 'число', 'количество'; русск. *угодить*, но польск. *ugodzić* 'взять напрокат', 'нанять'; русск. *угар*, но серб.-хорв. *ugar* 'земля под паром'; 'вспашка', чешск. *uhor*, польск. *igor* (то же); русск. *точный*, но чешск. *tosny* 'вращательный', 'круговой'; русск. *убавить*, но польск. *ubawić* 'забавлять'; русск. *забавлять*, но польск. *zabawiac* 'оставаться', 'пребывать' [чешск. *zabavit* 'конфисковать (имущество)', серб.-хорв. *zabaviti* 'задержать'; 'осудить', 'опорочить']; русск. *забываться*, но чешск. *zabývati se* 'заниматься (ч.-л.)'; русск. *ход*, но чешск. *chod* 'блюдо' (вид пиши); русск. *проем*, но чешск. *prujeť* 'понос'; русск. *складка*, но польск. *skladka* 'налог'; русск. *налог*, но польск. *nalog* 'порок'; 'плохая привычка'; серб.-хорв. *налог* 'распоряжение', 'приказ'; 'заказ'; русск. *запомнить*, но чешск. *zaromenouti*, *zaromiti* 'забыть'; русск. *отменить*, но чешск. *odmeniti* 'наградить', 'возместить'; русск. *наметка*, но чешск. *namitka* 'возражение'; русск. *сомнение*, но польск. *sumienie* 'совесть'; русск.

общий, но польск. *obcy* 'чужой', 'иноземный'; русск. *полночь*, но польск. *polnoc* 'север'; русск. *поправить*, но чешск. *popraviti* 'казнить'; русск. *нарядный*, но серб.-хорв. *naredan* 'очередной', 'следующий по порядку'; 'готовый'; русск. *заразить*, но чешск. *zaraziti* 'вбивать (например, гвоздь)'; 'остановить'; 'смутить' (к.-л.); русск. *срочный*, но серб.-хорв. *srocan* 'согласованный', 'созвучный', 'складный'; русск. *смак*, но серб.-хорв. *sмак* 'гибель', 'конец'; русск. *срок*, но серб.-хорв. *срок* 'рифма', 'знак', 'предзнаменование'; русск. *срез*, но серб.-хорв. *срез* 'уезд', 'район'; русск. *урод*, но польск. *uroda* 'красота', чешск. *uroda* 'урожай'; русск. *садиться*, но чешск. *saditi se* 'биться об заклад', 'держаться пари', польск. *sadzic se* 'целиться (во ч.-л.)'; русск. *досадный*, но польск. *dosadny* 'убедительный (довод)'; 'энергичный' [ср. русск. *досадить* (к.-л.), но чешск. *dosaditi* 'определить', 'назначить', 'добавить', 'доплатить']; русск. *задача*, но польск. *zasada* 'принцип'; 'основание' (хим.), чешск. *zasada*, серб.-хорв. *zasada* (то же); русск. *наследовать*, но польск. *nasledowac* 'подражать', чешск. *nasledovati*, серб.-хорв. *nasledovati* (то же); русск. *стая*, но серб.-хорв. *staja* 'стойло', 'конюшня'; 'сарай', 'барак', чешск. *staj* (то же) (ср. русск. *стаяка*, но серб.-хорв. *stajka* 'пружина в замке'); русск. *ставка*, но чешск. *stavka* 'забастовка', 'стачка', серб.-хорв. *stavka* 'параграф', 'абзац'; русск. *застава*, но серб.-хорв. *zастава* 'флаг', 'знамя', чешск. *zastava* 'залог', польск. *zastawa* 'столовая утварь'; русск. *строить*, но серб.-хорв. *strojiti* 'кастрировать'; русск. *исток*, но серб.-хорв. *исток* 'восход солнца'; 'восток'; русск. *сутки*, но польск. *sutki* 'узкий переулок', чешск. *sutky* 'песочные часы'; русск. *споткнуться*, *спотыкаться*, но польск. *spotkać sie*, *spotykać sie* 'встретиться'; русск. *затратить*, но чешск. *zatratiťi* 'проклинать'; русск. *поведение*, но польск. *powodzenie* 'успех'; русск. *навоз*, но чешск. *nавоз* 'насыпь'; русск. *обоз*, но польск. *oboz* 'лагерь'; русск. *чурать(ся)*, но чешск. *čurati* 'мочиться'; русск. *свора*, но чешск. *svora* 'застежка', 'булавка'; русск. *позор*, но польск. *rozor* 'внешний вид', чешск. *rozor*, серб.-хорв. *pozor* 'внимание'; русск. *взор*, но польск. *wzor*, чешск. *vzor* 'модель', 'шаблон', 'образец'; русск. *линать*, но серб.-хорв. *linjati* 'бить', 'колотить'; русск. *злодей*, но чешск. *zlodej* 'пилка', 'ножовка'; 'шмель'; русск. *хруст*, но чешск. *chrust* 'жук'; русск. *щеголь*, но польск. *szczegol* 'подробность', 'особенность'; русск. *питомец*, но чешск. *pitomec* 'дурак'; русск. *баня*, но серб.-хорв. *banja* 'курорт'; русск. *торчать*, но серб.-хорв. *trčati* 'убегать'; русск. *слово*, но серб.-хорв. *слово* 'буква'; русск. *булка*, но серб.-хорв. *булка* 'полевой мак'; русск. *буря*, но серб.-хорв. *буре* 'бочка'; русск. *быстро*, но серб.-хорв. *бистро* 'прозрачно'; русск. *враг*, но серб.-хорв. *враг* 'черт'; русск. *сложно*, но серб.-хорв. *сложно* 'дружно'; русск. *жир*, но серб.-хорв. *жир* 'жолудь'; русск. *туча*, но серб.-хорв. *туча* 'драка'; русск. *искусство*, но серб.-хорв. *искусство* 'опыт' и др.

Приведенный материал показывает непропорциональность утверждения В. В. Акуленко о том, что «контрастивное рассмотрение интернационализмов... не должно подменяться... структурно-типологическим методом» [7, с. 61]. Однако всякое синхронное сопоставление нескольких языков, которому В. В. Акуленко придает первостепенное значение, по необходимости является типологическим. Язык не может рассматриваться вне времени и пространства — только учет системно-структурной специфики каждого из сопоставляемых языков дает возможность понять лингвистический смысл семантических сдвигов в пределах этих языков, возможности вхождения данного корня в тот или иной язык и его языковой статус в рамках определенной языковой среды. Это по существу признает и сам В. В. Акуленко, который отмечает: «...в конечном счете и сама синхрония является составным элементом общей перспективы истории языка» [7, с. 61]. Различные индивидуальные ассоциации одного и того же корня проявляются не только на разных временных, социальных (жаргонизмы, профессионализмы) и территориальных уровнях, но и являются причиной значительных семантических расхождений ряда однокоренных слов во многих индоевропейских языках. Так, отнюдь не во всех индоевропейских языках слова со значением 'страх', 'трепетание' дают семантический вариант 'волосы' (ср. греч. *fobeo* 'бояться', но *fobe* 'волосы') или соотносятся с семантическим вариантом 'два' (ср. арм. *erkiul* 'страх', но *erku* 'два'). Переносные значения, характерные для тех или иных языков, в других языках могут оказаться совершенно незначимыми. Например, при передаче русских слов *ломаться* 'нехотя делать', *подвести* 'поставить в затруднительное положение', *провести* 'обмануть' и др. соответствующими по смыслу английскими, немецкими и французскими словами мы не получим семантических эквивалентов. Ср. также значения нем. *Hochzeit* и англ. *high time* и особенно *high tide*. В то же время можно наблюдать семантические ассоциации, сходные в языках, не имеющих между собой ничего общего ни территориально, ни генетически. Например, по наблюдениям В. Э. Смита, в одном из австралийских языков (гумбайнгар) корень *bungi* используется с целым рядом внешне не связанных значений, имеющих лишь то общее, что они обозначают разного рода исчезновение: 'входить в дом', 'надевать (одежду)', 'садиться' (о солнце) [298]. С этим интересно сопоставить индоевропейский корень **ues*: ср. санскр. *vasati* 'войти (в дом)'; 'переночевать'; 'поселиться', 'жить', санскр. *vaste* 'одетый', 'в одежде', англ. *west* 'запад' (т. е. место захода солнца). Отметим в этой связи, что арм. *aganit* можно перевести и как 'я ночью', и как 'я одеваюсь'. Многие древнейшие индоевропейские слова являются забытыми метафорами, например, *женщина* (букв. 'рождающая'), *ребенок* (букв. 'наследник', ср. гот. *arbja* 'наследство', нем. *Erbe*),

ужин (букв. 'еда в полдень', производное от слова *юг*), *заяц* (букв. 'прыгун', ср. др.-инд. *hayas* 'конь', лит. *zaisti* 'прыгать'), нем. *Herbst* означает собственно 'время жатвы', 'сезон соби- рания плодов' (ср. швейц. *Herbst* 'сезон сбора винограда', др.-исл. *harfr*, *herfi* 'борона', лит. *kerpu* 'срезаю' и др.); русск. *дорога* восходит к *драть* и буквально означает 'продранное в лесу пространство'.

Интересны случаи индивидуальных смысловых ассоциаций, которые привели к образованию новых слов. Слово *бабка*, на- пример, в русском литературном языке и в диалектах может означать: 'коренной зуб', 'сноп', 'кость ноги у лошади', 'ба- бушка', 'пень', 'белый гриб'. В немецком языке *Fuchs* означает не только 'лиса', но и 'хитрец', 'студент-новичок', 'золотая мо- нета', 'дымоход'. Весьма велика роль ономастопеии (ср. такие исторически звукоподражательные слова, как русск. *бык*, *пче- ла*, *пугать*, *ворковать*, *ворчать* и др.), звуковой символики [ср. русск. *жалеть* — *желать*; *паять* — *поить*; *тереть* — *терять*; фин. *poika* 'сын', но *piika* 'дочь'; лат. *ridere* 'смеяться', но *ru- dere* 'реветь'; тур. *ol-* 'быть', но *öl-* 'умереть'; лит. *saltas* 'хо- лодный' — *siltas* 'теплый'; лат. *vetulus* 'старый' — *vitulus* 'те- ленок' (собств. 'однолеток'); греч. *antos* 'цветок', но *ontos* 'навоз', нем. *achten* 'почитать', 'уважать' — *achten* 'преследо- вать'; *Fürst* 'князь' — *First* 'выступ на крыше дома', греч. *hedos* 'sedes', но *hodos* 'путь'] и этимологических дублетов (ти- па *христианин* > *крестьянин*, а также *кретин*; *король* и *карлик*; англ. *person* 'лицо', 'индивидуум' > *parson* 'священник'; *servant* 'слуга' > *sergeant* 'сержант' и др.) в образовании и изменении значения слов на индивидуальном (идиолектном) уровне.

Большой интерес представляет образование эвфемизмов, которые, возникнув из соображений табу [ср. франц. *tuer* 'убивать' < лат. (*ignem*) *tutare*; араб. *maymun* 'обезьяна' < араб. *yamin* 'правая (сторона)'] (а также ит. *monna*, англ. *monkey*) — считалось, что обезьяна приносит несчастье], в значительной мере определили возникновение ряда общеупотребительных слов в современных языках и изменение их значения. Одной из разновидностей эвфемизмов, видимо, была и поляризация значений (энантиосемия). Примеры поляризации значений из арабского сочинения «Kitab al-a'dad»² Абу Бакра ибн ал-Ан- бари (по изданию Г. Редслоба): *abbana* 'ругать' и 'хвалить'; *taattama* 'грешить' и 'быть праведником'; *azrun* 'сила' и 'сла- бость'; *afida* 'спешить' и 'медлить'; *ala* 'толстеть' и 'худеть'; *vatta* 'отрезать' и 'восполнять'; *abtara* 'дарить' и 'отказывать', 'не давать'; *batrun* 'много' и 'мало'; *buhurijjun*, *buhurun* 'ко- роткий' и 'большой'; *badana* 'становиться сильным' и 'слабеть'; *ariha* 'исчезать' и 'появляться'; *barrada* 'нагреть' и 'осту-

² В практической транскрипции, которой мы пользуемся для передачи арабских слов, знаки ' и ' не различаются и передаются одним знаком '.

дить', *baslun* 'недозволенный' и 'дозволенный'; *balaga* 'открывать' и 'закрывать', *ablahun* 'глупый', 'простой' и 'умный'; *aba'a* 'оставаться', 'медлить', 'задерживаться' и 'убегать', *bajjada* 'наполнять' и 'опорожнять'; *ba'a* 'продавать' и 'покупать'; *bainun* 'разъединение' и 'связь', *tabbun* 'сильный' и 'слабый'; *tal'atun* 'возвышенность' и 'углубление'; *tarraba* 'быть богатым' и 'быть бедным'; *tuna'un* 'похвала' и 'ругань'; *g'aba'a* 'прятаться' и 'показываться', *g'ab'un* 'глубокий колодец' и 'холм'; *g'abrun* 'король', 'повелитель' и 'раб', *gadidun* 'новый' (об одежде) и 'изношенный', *g'adun* 'щедрый' и 'жадный'; *g'ususun* 'маленький' и 'длинный'; *g'afa'a* 'закрывать' и 'открывать'; *agalla* 'быть сильным' и 'быть слабым'; *g'anaba* 'быть близким' и 'быть далеким', *g'aunun* 'черный' и 'белый', *haga* 'оставаться' и 'уходить', *hadamanun* 'быстрота' и 'медлительность', *hazwarun* 'юнец', 'молодой человек' и 'старец'; *hafa* 'давать' и 'отказываться'; *hamimun* 'горячая вода' и 'холодная вода'; *ahamtu* 'белый' и 'черный'; *hafa* 'быть скрытым' и 'быть видимым'; *hallun* 'худой' и 'жирный'; *hali'un* 'покрытый листьями' (о дереве) и 'без листьев'; *hannaurun* 'несчастье' и 'счастье'; *da'da'a* 'приводить в движение' и 'приводить в спокойное состояние'; *dama* 'быть спокойным, неподвижным' и 'двигать в разные стороны'; *aariba* 'быть испорченным' (о желудке) и 'быть здоровым' (о желудке); *ara* 'становиться умным' и 'иметь глупое лицо'; *rabibun* 'раб' и 'король', *arda* 'помогать (к.-л.)' и 'вредить (к.-л.)'; *rida'un* 'щедрость' и 'жадность'; *rafsa* 'заклучить мир' и 'начать междоусобицу'; *raqa'a* 'начать междоусобицу' и 'заклучить мир'; *zahaka (azhaka)* 'быть близко' и 'быть далеко'; *zatum* 'истинное слово' и 'ложь'; *zumijjun* 'истинный' и 'ложный'; *sabaha* 'находиться в покое', 'отдыхать' и 'заниматься (ч.-л.)'; 'двигаться'; *sabbada* 'обрезать волосы' и 'запустить волосы'; *sag'ada* 'гнутья', 'нагибаться' и 'стоять прямо', *masg'urun* 'полный' и 'пустой'; *asarra* 'скрывать' и 'разглашать', *saqibun* 'близко' и 'далеко'; *samada (samidun)* 'играть', 'шутить' и 'быть грустным'; *sandarijju* 'изысканный' и 'простой', 'обычный'; *sarida* 'попасть в цель' (о стреле) и 'не попасть в цель'; *sarimun* 'рассвет' и 'ночь'; *safaqa* 'открывать' и 'закрывать'; *saqabun* 'близость' и 'дальность'; *adabba* 'молчать' и 'говорить', 'звать'; *dadidun (diddun)* 'непохожий', 'противоположенный' и 'подобный', 'похожий'; *damdun* 'мокрый' и 'сухой'; *taribun* 'веселый' и 'скучный'; *tazahara* 'помогать другу' и 'оставлять в беде'; *mattahun* 'глупый' и 'умный'; *azzara* 'уважать', 'помогать' и 'мешать', 'ругать'; *ata* 'брат' и 'давать'; *anada* 'быть врагом' и 'быть другом'; *ajjinun* 'изношенный' и 'новый'; *garrada* 'наполнять (сосуд)' и 'опорожнять'; *gadin* 'темный' и 'светлый'; *faraa* 'взбираться (по холму)' и 'слускаться'; *faza* 'спастись' и 'погибнуть'; *fauzun* 'спасение' и 'гибель'; *qittun* 'противник' и 'друг'; *aqraa* 'слушаться' и 'не по-

виноваться; *qasara* 'быть дорогим' и 'быть дешевым'; *g'adun* 'жадный' и 'щедрый'; *qaada* 'сидеть' и 'стоять'; *iqwarra* 'быть худым' и 'быть жирным'; *aqama* 'быть богатым' и 'быть бедным'; *maqtawinun* 'хозяин' и 'слуга'; *kullun* 'целое' и 'часть'; *talahlaha* 'оставаться' и 'уходить'; *matinun* 'сильный' и 'слабый'; *nag'ahatun* 'щедрость' и 'жадность'; *wataba* 'вскочить' и 'садиться'; *angama* 'начинать' и 'прекращать'; *niddun* 'похожий' и 'непохожий'; *nafun* 'возвышенность' и 'низина'; *sira* 'покупка' и 'продажа'; *nahikun* 'обессиленный болезнью' и 'сильный'; *tahaggada* 'спать' и 'бодрствовать'; *anhaba* 'смеяться' и 'плакать'; *warrada* 'цвести' и 'отцвести'; *jadijjun* 'широкий' и 'узкий'.

Примеры поляризации в коптском языке: *aft* 'вставать' и 'находиться в покое'; *kb (kob)* 'холодный' и 'теплый'; *kek* 'огонь', 'свет' и 'темнота'; *ken* 'сильный' и 'слабый'; *tex* 'пустой' и 'полный'; *orp* 'удерживать' и 'освободить', 'отпускать'; *sheh* 'связывать' и 'разъединять'; *srfe* 'быть праздным' и 'работать'; *terp* 'брат' и 'дать'; *xel* 'старый' и 'молодой'; *hon* 'повелевать' и 'подчиняться'; *hop* 'прятать' и 'раскрывать'; *djol* 'загородка', 'стена' и 'отверстие'; *djohl* 'одевать', 'облачать' и 'раздевать'.

Другие примеры энантиосемии: др.-инд. *aktu* 'свет', 'луч' и 'мрак', 'ночь'; др.-инд. *har* 'подносить', 'дарить' и 'отнимать' (ср. также *bhar*); др.-инд. *cas* 'порицать', 'наказывать' и 'хвалять'; вед. *ari* 'набожный', 'благочестивый' и 'безбожный'; др.-инд. *samudhar* 'спасать' и 'губить'; перс. *reng* 'обман', 'скорбь', 'боль' и 'прелесть', 'благополучие', 'здоровье'; *feraz* 'открытый' и 'закрытый'; санскр. *ragas* 'мгла', 'мрак', но *ragate* 'загорается', 'алеет'; санскр. *arat* 'близко' и 'далеко'; *bhrgu* 'гора' и 'подземелье', 'углубление'; др.-инд. *skand* 'подниматься' и 'опускаться'; санскр. *sik-ata* 'песок' (собств. 'сухой'; ср. лат. *arena* с *aridus* и *arere*), но *sic* 'мочить'; зенд. *hiku*, *highnu* 'сухой', но *hikh-ra* 'жидкость', *nikhti* 'поливание'; эстон. *villotama* 'кипеть' и 'мерзнуть'; лат. *pruna* 'раскаленный уголь' и *priuna* 'иней', 'снег'; чешск. *bridky* 'сладкий' и 'горький'; япон. *saki* 'начало' и 'конец'; русск. (вологодский диалект) *усодобить* 'готовить', 'приготовить (кушанье)' и 'потерять'; ср. др.-каталон. *dobar*, *adobar* 'готовить', 'употреблять' и 'портить', 'изнашивать', арм. *parapil* 'работать' и 'не заниматься', 'быть без дела', ср. лат. *vacare* (то же); греч. *schole* (то же); кит. *kung fu* 'работа', 'дела' и 'досуг', 'отдых'; перс. *neng* 'слава' и 'позор', 'стыд'; ирл. *cais* 'любовь' и 'ненависть'; др.-исл. *vartha* 'оберегать', 'защищать' и 'вредить', 'мешать', 'препятствовать'; араб. *hof*, *huf* 'жаркий ветер' и 'холодный ветер'; др.-инд. *pat* 'летать' и 'падать'; санскр. *mukhara* 'болтливый' (*mukha* 'рот') — *muka* 'немой'; сев.-русс. *гунить* 'говорить' — тамбовск. диал. *гунеть* 'замолкать', 'затихать'; корейск. *jo-ram-ha-ta* 'шумный', 'шуметь' и 'прекратить шум'; греч. *lalein* 'го-

ворить' — цыганск. *laloro, laltero* 'немой'; греч. *sigao* 'молчу', но *sigaloeis* 'изумительный', 'блестящий', 'изящный' [ср. укр. *бучний* 'громкий' и 'красивый'; чешск. *sumny* 'громкий' и словац. *sumny* 'красивый'; нем. *laut*]; нем. *dünn* 'тонкий' — нидерл. *dun* 'толстый'; др.-инд. *arala* 'скромная женщина' и 'развратница'; прованс. *riu* 'возвышенность' — франц. *puits* 'углубление', 'колодец'; у английских цыган *meriben, miraben* означает 'жизнь', а у румынских и греческих цыган *meribe, merepi* означает 'смерть'; у европейских цыган *loke* имеет значение 'легкий', а у английских — 'тяжелый'; арабск. *haq* 'право', 'закон' — авар. *hhaq* 'грех', др.-англ. *aemetig* 'праздный' — нем. *emsig* 'усердный'; лит. *dregnas* 'мокрый' и 'сухой'; др.-исл. *geta* 'давать' и 'брать'; др.-в.-нем. *luhhan* 'закрывать', но ср.-в.-нем. *liechen* 'открывать'; греч. *nemein* 'давать' и 'брать'; греч. *kaiesthai* 'гореть' и 'мерзнуть'; ср.-в.-нем. *schimf* 'забава' — совр. нем. *Schimpf*, лат. *polluere* 'грязнить', 'пачкать' — *pullus* 'чистый'; укр. *худоба* 'бедность' — *худоба* 'богатство', русск. *праздний*, но *упражнение*; др.-в.-нем. *risan* 'подниматься' и 'опускаться', греч. *teino* 'распространять', 'расширять' — *stenos* 'узкий'; ср.-в.-нем. *zogen* 'мешкать' и 'спешить'; баск. *bilhatu* 'искать' и 'находить', япон. *kage* 'свет' и 'тьма'; санскр. *ju* 'задерживать' — лат. *juvare* 'помогать', чешск. *kaly* 'хороший', но *kalny* 'мутный' [ср. санскр. *kala* 'нежный', 'тихий' (греч. *kalos*), но *kalusa* 'грязный'; 'грех'].

Ср. в американском слэнге: *break* 1) 'error', 'failure', 2) 'luck'; *bucked* 1) 'tired', 2) 'encouraged', 'cheered', 'elated'; *chill* 1) 'to make cold', 2) 'to warm a liquid'; *cheese* 1) 'an important person or object', 2) 'an insignificant person'; *cool* 1) 'cold', 2) 'crazy', 'hot', 'mad', 'nervous'; *dickey* 1) 'in bad health', 2) 'smart', 'well-to-do', 'swell'; *fat* 1) 'good', 'rich', 2) 'poor', 'slight', 'slim' (*a fat chance* 'little or no chance'); *fresh* 1) 'drunk', 2) 'sober'; *fool* 1) 'silly', 2) 'an unusually able person in all fields of activity'; *gyp, gip* 1) 'illegal profit', 'a swindle', 2) 'commercial, legitimate profit-making'; *mess* 1) 'immoral', 'degenerate', 2) 'excellent', 'remarkable'; *mean* 1) 'bad', 'inferior', 2) 'the best', 'the greatest'; *plug* 1) 'an inept', 'unskilled or clumsy person', 2) 'a diligent worker or student'; *red* 1) 'profitable', 2) 'unprofitable' (*in the red* 'at a deficit', 'in debt'); *house* 1) 'personal attention to or interest in another person', 2) 'inattention', 'lack of interest' (*on the house* 'free of charge').

Показательно, что языковые микросистемы, различные в иерархическом и временном отношении, по-разному отражают это явление — в одной системе одновременно, в нескольких системах одного и того же языка или родственных языков, в диахронических системах. Следует указать, что многие слова являются синонимами в одних языковых системах (например, в индивидуальных), но не являются синонимами в других си-

стемах того же языка (например, в слэнговых), что объясняется, видимо, качественно неодинаковой и неравномерной метафоризацией слов в различных языковых слоях.

Рассмотренные факты дают основание полагать, что в процессе употребления и развития языка общезыковые, коллективные модели непрерывно преобразуются и видоизменяются в рамках индивидуального использования, в частности, бывшие запреты общенациональной нормы с течением времени могут превратиться в норму, а нормативные явления нередко утрачивают свою общезыковую значимость. Вместе с тем многие из таких видоизмененных моделей в дальнейшем выступают уже как общезыковые и нормативные, подвергаясь дальнейшим преобразованиям на индивидуальном уровне. Именно этим, видимо, объясняется то обстоятельство, что одни и те же языковые континуумы нередко на протяжении истории языка существуют и развиваются в рамках различных структурных укладов, тогда как континуумы, ранее находившиеся в сфере действия различных структурных закономерностей, с течением времени могут войти в одну и ту же структурную модель. Именно в этом проявляется взаимодействие и взаимообусловленность индивидуальных и социальных моментов в языке, в конечном итоге приводящие к определенному языковому равновесию в синхронии и открывающие возможность языкового движения. Вполне понятно, что каждый индивидуум несет в себе черты, присущие всему обществу в целом, однако принадлежность человека к обществу опосредуется его принадлежностью к определенной социальной, половой, возрастной, территориальной группе или профессиональному коллективу. Соответственно и индивидуальные идиолекты не являются замкнутыми, изолированными, вырванными из языка, а по необходимости носят социальный характер.

Взаимодействие и противоборство индивидуальных и социальных факторов в развитии языка нередко приводят к нарушению фонетических и грамматических процессов, препятствуют доведению их до конца и способствуют возникновению разного рода маргинальных явлений — отдельные слова нередко превращаются в суффиксы, личные местоимения становятся окончаниями различных глагольных форм, а целые грамматические категории разрушаются (например, двойственное число в германских языках). Именно в результате такого взаимодействия возникают новые, «равнодействующие» подсистемы, процессы и закономерности, не сходные с первоначальными, или, наоборот, целые «массивы» лексико-семантических элементов вообще никакой реакции не подвергаются. Так, ряд слов в алеманском ареале не отражает германского передвижения согласных. В нортумбрийском диалекте древнеанглийского языка в отличие от других диалектов этого языка обнаруживаются большие колебания в грамматическом роде. Слова, которые в

один период развития языка зафиксированы с определенным грамматическим родом, с течением времени могут выступать с другим родом, как это произошло в современном норвежском, где также наблюдаются колебания в грамматическом роде одного и того же слова; ср. также нем. (*der, die*) *Geisel*, (*der, das*) *Knauel*, (*der, das*) *Bereich*. Уменьшительный суффикс *-k-* в германских языках далеко не всегда и не везде употреблялся и употребляется в уменьшительном значении (ср. др.-англ. *geolca* 'желток', *heolca* 'иней' и др.).

Следует остановиться еще на одной области, где наиболее ярко проявляется столкновение индивидуальных и социальных импульсов в языке. Речь идет о вариантности, наложившей глубокий отпечаток на развитие многих языков, поскольку она, как правило, отражает стремление языковой системы к равновесию, нарушенному в результате проявления того или иного процесса. Здесь в первую очередь следует назвать интересное явление «мены согласных», типичное для многих германских территориальных диалектов и, в частности, для английских. Ср. пары: *sigle* — *sidle*; *brodle* — *brogle*; *shingle* — *shindle*; *brickle* — *brittle*; *mask* — *mast*; *keevy* — *keemy*. Ср. также *eckle* — *ettle*, *hankle* — *hantle*, *lickle* — *little*, *mankle* — *mantle*, *rackle* — *rattle*, *sniddle* 'water weed' — *sniggle*, *yaddle* 'to quarrel' — *yaggle*; швейц. *Rieschen* 'Säge' — *Ruggen*; *Schodel* 'Narr' — *Schuggel*; *Bard* 'verschnittenes männliches Ferkel' — *Barch*, *Barg*; *mauchen* 'heimlich naschen' — *moggen* (то же); *lucklich* 'schwachlich' — *lubig*; *Rifen* 'Wurm' — *Riser* (ср. др.-англ. *waeser*); *Striffen* — *Strimen*; *Gubel* 'Felsabhang' — *Gufel*, *Gugel*; *Schubel* 'Kohlkopf' — *Schudel*; *Robel*, *Rubel*, 'kleines Pfahl' — *Reigel* 'Holzknebel'; *reig* 'gerauselt', 'wellenförmig', *Riggelen* 'Locke' — *rublig* 'kräus'; *moggen* 'glimmen' — *modern*, *motten*; *raggeren* 'sich mit schwerer Arbeit plagen' — *rablen* 'äußerst angestrengt und emsig arbeiten', 'sich abschinden'. Необходимо указать также на разного рода подвижные формативы: ср. лат. *attanus* 'священный сосуд' — *catinus*; *arrugia* 'штольня' — *corrugus* и др.; *m-mobile*: гот. *ast* 'ветка' — др.-в.-нем. *mast*; лат. *eo* (*ire*) — *meo* (*meare*); гот. *itan*, но *mats*; лат. *jacio* 'бросать', но *mico* и др. Ср. в восточных языках: азерб., тур. *vurgu* (*urgu*) 'ударение', *vür-* (*ur-*) 'бить', уйг. *vopus* (*opus*) 'поцелуй', узб. диал. *vajuw* (*ajuw*) 'медведь', *vata* (*ata*) 'отец'; *vat* (*at*) 'конь', *vordak* (*ordak*) 'утка'; *vuzyn* (*uzyn*) 'длинный'; *vüj* (*üj*) 'дом'; *vüsla-* (*üsla-*) 'держат'; к.-калп. *uoq* (*oq*) 'стрела'; *uoj* (*oj*) 'мысль'; *uorun* (*orun*) 'место'; *uos-* (*os-*) 'расти'; *uöt-* (*öt-*) 'проходить'; *uösur* (*ösur-*) 'погасить'; гагауз. *uodun* (*odun*) 'дрова'; *uokus* (*okus*) 'бык'; *uördek* (*ördek*) 'утка'; *üörtü* (*örtü*) 'крыша', *vun* (*un*) 'мука'; анлаутный согласный *h*: халадж. *har* (*ar*) 'мужчина'; *hat* (*at*) 'лошадь', *hüdzum* (*üdzum*) 'виноград'; *hoorax* (*oraq*) 'серп', *huuot* (*ot* ~ *oot*) 'огонь'; *hav* (*ev*) 'дом'; *hasyx* (*asyq*) 'горький'; *hagac* (*ajac* ~ *jagac*) 'дерево'; *hur-* (*ur-* ~ *vür-*)

бить'; *huol* ~ *höl* (*öl*) 'мокрый'; гагауз. *hajgyr* (*ajgyr*) 'жеребец'; *hobur* (*obur*) 'жадный'; *holuk* (*oluk*) 'корзина', *hadet* (*adet*) 'обычай'; *hajyrmaa* (*ajyrmaa*) 'выбирать'; *hajlaq* (*ajlak*) 'свободный'.

Объективный морфологический анализ слова очень важен для этимологии не только с точки зрения установления словообразовательных моделей, общих для определенного языкового ареала, но и особенно в связи с возможностью (или невозможностью) соотнесения данного корня с тем или иным конкретным этимологом. В исследовательской практике нередки, например, случаи, когда при отсутствии надежных данных и сопоставлений элемент, являющийся неотъемлемой частью корня, вычленяется в виде отдельной величины, тогда как разного рода аугменты механически включаются в состав корня. Не следует забывать, что в процессе развития языка внешне различные формы корня могут восходить к одному этимону, а формы, внешне сходные, могут принадлежать к разным этимонам. Нередки также дифференцированное рассмотрение корней с различными вариантами начальными согласными, или, наоборот, идентификация корней с теми или иными вариантами согласными и синхронно существующих омонимичных корней, генетически не имеющих ничего общего с первыми.

В связи с тем что в процессе развития языка часть вариантных форм оказывается утраченной, часто бывает затруднительно соотнести то или иное слово с вариантным начальным согласным с тем или иным наличным корнем вообще. Все это в конечном итоге ведет к контаминации нескольких корней и, следовательно, к неверной этимологической интерпретации слова. Наиболее наглядно это можно продемонстрировать на примере так называемого *s-mobile*, неодинаково и нерегулярно представленного в пределах одного слова в различных (близко- и неблизкородственных) индоевропейских языках, а нередко наблюдаемого в одном и том же языке наряду с соответствующими формами без аугмента. Внешне совершенно беспорядочным и не подчиняющимся никаким закономерностям представляется и распределение аугментированных и неаугментированных форм в синхронии и диахронии. Менее очевидным, чем в случае *s-mobile*, хотя и известным в науке, является использование других начальных формативов. Ср. следующие примеры чередования *s-mobile* с другими подвижными формативами: др.-англ. *dwinan* 'schwinden', др.-англ. *cwinan* (то же), др.-в.-нем. *swinan* 'ohnmächtig werden'; гот. *wulan* 'sieden', др.-англ. *weallan* (совр. диал. *wall*), по греч. *tolo* 'trübe', 'beunruhige', 'erschüttere', нем. *schwallen*, англ. *swell*, лимбург. *quellen* 'kochen'; др.-исл. *rymia* 'larmen', нем. *Rummel*, ср.-нем. *schrummeln*, др.-исл. *skruma*, греч. *hremidzo* 'mache Getöse', др.-исл. *gremia*, др.-в.-нем. *trumba* 'drohnendes Instrument'; др.-инд. *tvarate* 'eilt', др.-в.-нем. *dweran* 'drehen', голл.

dwarrelen 'wirbeln', но нем. *schwirren*, *Schwarm*, др.-в.-нем. *wèrran* 'verwirren' и др. Ср. примеры на подвижные форматы в индоевропейских языках: греч. *pénomai* 'работать', 'трудиться', лит. *pinu*, *pinti* 'plait', греч. *teino* 'напрягать', др.-инд. *tanoti*, лат. *teneo*, лат. *cōnor*, *-ari* 'make a bodily effort', греч. *konein*, но (без формата) лат. *onus* 'груз', греч. *ánia*, эол. *onia* 'sorrow'; лат. *palus* 'болото', греч. *telma* (то же), ср. норв. *ul* 'mouldy', др.-инд. *ala* 'discharge of poisonous matter', хетт. *alla-pas*; греч. *petomai* 'быстро двигаться', ср. лат. *cado* 'падать', др.-инд. *sad* (то же), ср. др.-инд. (без формата) *atati* 'идет', лат. *annus* (**yt-nos*) 'год'; др.-инд. *bharati* 'приносить', греч. *fero*, но др.-инд. *dharati* 'hold', 'bear', 'support', лат. *firmus*, ср. др.-инд. *harati*, оск. *heriad* 'cariat', греч. *heir* 'рука'; др.-инд. *bhala* 'splendor', 'lustre', арм. *bal* 'бледность', греч. *falos*, лит. *bolúoti* (др.-англ. *deal* 'bright', арм. *delin* 'желтый', 'бледный', др.-в.-нем. *gele*, др.-ирл. *gel* 'белый', лат. *helvus*).

Отметим, что ни происхождение изучаемых начальных аугментов слова, ни условия и особенности употребления каждого из них в отдельных индоевропейских языках, несмотря на некоторые довольно серьезные попытки ученых подойти к разрешению этих проблем, до сих пор нельзя признать выясненными.

В истории разработки рассматриваемой здесь проблемы можно выделить несколько концепций происхождения и функций аугментированных корней, в том числе корней с *s-mobile*. Согласно наиболее ранней теории, представленной, в частности, работами К. Бругмана и Я. Вакернагеля и позднее документированной интересным санскритским материалом в статье Ф. Эджертона [126], *s-mobile*, возникшее еще в праиндоевропейский период, связано с явлением внешнего сандхи, а также с более поздними процессами ассимиляции, диссимиляции, аналогии и т. д. в отношении корней, первоначально не имевших *s* (появление *s* в начале корня иод влиянием конечного *s* предшествующего слова в предложении). Однако такое объяснение, хотя в отдельных случаях и вполне вероятное, скорее направлено, как нам представляется, на оправдание беспорядочности употребления аугментированных и неаугментированных форм, чем на проникновение в существо дела. Даже если признать основные положения этой теории, нельзя не отметить, что она никак не может объяснить того факта, что одно и то же слово в процессе эволюции языка может принимать различные форматы, а также утрачивать форматы, ранее входившие в слово. В свете теории сандхи нельзя также понять, почему одно и то же слово в синхронии в одном и том же языке может иметь несколько различных преформантов. Казалось бы, что в результате явления сандхи могла бы возникнуть только одна определенная (аугментированная или неаугментированная) форма, по крайней мере в пределах одного языка.

Теория происхождения *s-mobile* в результате сандхи оказы-

вается неспособной объяснить и тот факт, что вариация корня наблюдается не только в начале, но и в любом месте корня (в середине, в конце). Нельзя не обратить внимания и на то обстоятельство, что в древнеиндийском языке, как известно, форма без *s* от определенных корней являлась значимой после определенных согласных в исходе предыдущего слова в предложении (особенно после *ng*: ср. *sphulinga* 'искра', но *ut-phulinga* 'выбрасывающий искры'); в то же время форма с *s* от других корней закономерно использовалась после слов, оканчивающихся на гласный. Отметим, что в древнеиндийском многие формы с начальным *s* и без *s* употребляются независимо от окончания предыдущего слова в предложении. Как отмечают многие исследователи, изменения слов в результате внешнего сандхи очень часто имеют скорее регрессивный, а не прогрессивный характер. Одна из принципиальных ошибок сторонников теории изменений в результате сандхи состоит в том, что они допускают это явление только в словах, начинающихся на определенный согласный, но не гласный. Факты же неизменно показывают обратное: *s*-mobile может появляться и в корнях, начинающихся на гласный [ср. лит. *alpstu*, *alpti* 'слабеть', но *silpstu*, *silptu* (то же); лат. *acus*, *acuо*, лит. *akma* 'камень', но лат. *saxum* 'камень', *secare* 'резать', др.-в.-нем. *sahs* 'нож'; лат. *uro*, *ustus*, но лит. *saustas* 'trocken' 'dürr']. Интересно, что в некоторых агглютинативных языках, например, в нивхском, фонема, стоящая в начале слова, при употреблении этого слова в словокомплексах чередуется с другими фонемами, которые при этом нейтрализуются в своей смысловозначительной функции [25].

Согласно второй концепции, представленной особенно в трудах И. Схрейнена, Л. М. Холландера, Т. Зибса и др., *s*-mobile и другие подвижные формативы представляют собой ослабленную реликтовую форму вымерших индоевропейских префиксов, нередко сохраняющих в современных языках интенсивное или каузативное значение [168; 288]. Несостоятельность теории префиксов становится очевидной, если учесть, что в диахронии многие слова могут принимать или утрачивать подвижные формативы, что вряд ли было бы возможно в отношении реликтовых образований; кроме того, различные подвижные формативы, как известно, не меняют значения слов.

Третья теория подвижных формативов представлена работой американского лингвиста Г. Хенигсвальда [165]. Всецело признавая теорию префиксов Т. Зибса и постулируя альтернативу форм с *s*- и без *s*- для индо-хеттского, Г. Хенигсвальд считает, что в результате фонетических преобразований, связанных с выпадением ларингалов, *s*-mobile обычно обнаруживается перед гласным полной степени *e*, тогда как формы без *s*- начинаются на *a* или *o* (редуцированная ступень). Материалы индоевропейских языков не подтверждают гипотезы Г. Хе-

нигсвальда, что видно уже при ознакомлении с примерами в его собственной статье. Как указывали многие исследователи, не следует злоупотреблять ларингалами как панацеей от всех бед индоевропеистики.

Наконец, Ф. Вуд вообще отрицает наличие подвижных форматов [341].

Обратимся к фактам и рассмотрим материал современных южных диалектов немецкого языка (швейцарский, баварский, швабский и др.), привлекая для сравнения прочие германские и индоевропейские языки (в частности, современные северные английские диалекты, лексический набор в которых во многом совпадает со швейцарским).

Швейц. *Ueggis* 'Schutt', 'Steingeröll' (I, 160)³, ср. *Binggis* 'Durcheinander', *Miggiss* (IV, 123), ср. *Niggis* (то же). Ср. совр. сев.-англ. *to bing* 'to pile in a heap' (EDD I, 268), совр. сев.-англ. *ming* (то же: EDD, IV, 118);

Бавар. *Uesch, Nusch* 'weibliches Schwein' (Schmeller, I, с. 1766), шваб. *Dausche* 'Mutterschwein' (Fischer, II, с. 117), ср. нортумбр. *thassum* 'porcus', рейн. *Lesch*.

Швейц. *Ack, Akte, Ikte* 'Beigeschmack von Speisen und Getränken' (I, 163), ср. *Nakte, Nacken* (то же: IV, 712), *Tucht* (то же: XII, s. v.), *Zick* (то же). Ср. совр. сев.-англ. *tack* 'an unpleasant or strongly-marked flavor' (EDD, VI, 3).

Швейц. *Oggele* 'Beule' (I, 160), ср. *Naggel* 'Fruchtansatz' (IV, 702), *Nogglen* 'kleiner kurzer Holzklötz' (IV, 710). Ср. совр. сев.-англ. *ock* 'a small brass button' (EDD, IV, 322); *nock* 'small metal hook on a distaff' (EDD, IV, 286).

Швейц. *Oggle* 'verwachsenes unansehnliches kleines Geschöpf', ср. *Nogglen* 'kleine, körperlich unentwickelte weibliche Person' (IV, 710), ср. *Bingg* 'kleiner, verwachsener Mensch' (IV, 1377), ср. *Gunggel* 'kleine Quaste' (II, 367), ср. совр. сев.-англ. *baglin* 'a misgrown child' (EDD, I, 131), *goog* 'the young of animals', 'the unfledged bird' (EDD, II, 683).

Швейц. *Äggeli* 'einfältige Weibsperson' (I, s. v.), ср. *Naggen* 'Dummkopf', *(ge)naggig* 'einfältig' (IV, 702), ср. также *Baggel, Taggel*. Ср. совр. сев.-англ. *dokin* 'a soft fellow', *gunk* 'a dupe'.

Швейц. *Ennerle* 'Anfang eines Abzählspruches' (I, 269), ср. *Sennerli* (то же).

Швейц. *One* (I, 297) 'gemeiner Schilf', ср. *Lun, Nune* (IV, s. v.) — то же.

Швейц. *Ord* 'Dreck', 'Strassenkot' (I, 438), *ordrig* 'schmutzig' (ср. заимствованные франц. *ordure*, ит. *ordo*), швейц. *merden* 'casare' (IV, s. v.) (ср. франц. *merde*), ср. ст.-нсл. *lortr* 'грязь', совр. сев.-англ. *lorty* 'dirty', швейц. *lartschig* 'nachlässig' (III, 1386), бавар. *lurz* 'link' (Schmeller, I, с. 1502); швейц.

³ Цифры в скобках здесь и далее указывают на том и страницу в словаре швейцарских диалектов Штауба и Тоблера.

schlarzen 'schmierен', совр. сев.-англ. *worthing* 'manure' — (EDD, VI, 574) (др.-англ. *worth* — то же). Ср. лат. *sordes*.

Швейц. *Urfer* 'verschnittenes männliches Schaf' (I, 444), ср. *Turfel* 'Schafbock', 'Widder', *Nurfer* (то же).

Швейц. *Arig* 'possierlich' (I, s. v.), ср. *kur(r)lig* 'possierlich' (IV, 379).

Швейц. *Äust*, *Ausch* 'kleiner, hinter dem Viehstall angebauter Schuppen zur Aufbewahrung der Streue', 'kleine Scheune, Hütte' (I, 578), ср. *Nesteren* 'geringes, primitives Bett', 'Lager (bes. Heulager in der Alphütte)' (IV, 841), ср. *Dasteren* (то же). Ср. совр. сев.-англ. *deas* 'an old-fashioned wooden settle or sofa'; 'a stone bench or seat' (EDD, II, 43); *dess* 'a small landing-place', 'a heap or pile' (EDD, II, 58).

Швейц. *Baggel* 'Knäuel durch Unrat zusammengebackener Haare, Klumpen' (IV, 1078); ср. *Boggis* 'vertrockneter Rotz in der Nase' (IV, 1086), *Goggen* 'Klumpen einer dickflüssigen Materie, z. B. Nasenschleim' (II, 177), ср. вестерланд. *Kocke* 'Heuhaufe', англ. *cock*, норв. *kok*, швед. *koka* (см. Grimm, V, 1565). Ср. совр. сев.-англ. *bug* 'a clot of mucus from the nose' (EDD, I, 432), *boggle* (то же).

Швейц. *biggen* 'stechen (als Ausdruck der Kindersprache)' (IV, 1080), ср. *giggen* 'ein kleines Kind scherzend mit dem Finger auf der Leib stechen', *miggen* (то же), ср. *boggen* 'mit den Hörnern stechen' (IV, 1082); ср. сев.-англ. *boke* 'to thrust at' (EDD, I, 329).

Швейц. *Bäuggü* 'Glaschen Brantwein' (IV, 1079), *Biggi* 'ein Glaschen Schnaps', ср. *Güggisch* 'Glaschen Wein' (II, 198); англ. диал. *guggler* 'funnel' (EDD, II, 755).

Швейц. *Bäugi* 'plötzliche Anwandlung von Mutwillen', ср. *Güegi* 'Grille' (II, 161), ср. англ. диал. *gook* 'a bend'.

Швейц. *baugen* 'schielen' (IV, 1079), ср. *mauggen*, *moggen* 'schielen'; 'die Dinge ganz nahe betrachten' (II, 122; 125), нем. *gucken*, сев.-англ. *keek*; ср. др.-англ. *steagan*, лтш. *smaugs* (сюда же относится и англ. слэнг *smoke* 'разузнать').

Швейц. *baggeln* '(vom Fleisch) übel schmecken (bes. wenn es in Fäulnis übergeht)' (IV, 1078), 'widerlich fett oder ranzig schmecken', ср. *gaggen* 'nach Kot riechen' (II, 169), ср. *maugeln* 'faulig riechen', 'schmecken (bes. von nicht mehr frischem Fleisch)' (IV, 119).

Швейц. *Binggis* 'Gericht, bestehend in Äpfeln und Erdäpfeln durcheinander gemengt', ср. *Gunggis* (то же: II, 368), *Miggis* (то же), ср. англ. диал. *muck* 'crushed apples', швейц. *Stunggis* (то же). Ср. *Bünggelen* 'Birnsorte' (IV, 1380), *Gögg* 'Kuchen, etwa mit Apfel- oder Kirschen-Zusatz' (IV, 177).

Швейц. *Bigger* 'kleines Pferd', 'kleines, mageres, altes, ausgedientes Pferd' (IV, 1080), ср. др.-англ. *eoh* (лат. *equus*), швейц. *Nägg* 'langsames, altersschwaches Pferd' (IV, 702) (ср. англ. *nag* 'кляча'); совр. сев.-англ. *wig*, *widge* — то же.

Швейц. *Bifer* 'dünne Schneedecke' (IV, 1042), ср. *Gifer* 'dünne Schneedecke' (II, 129).

Швейц. *Büfel* 'Hügel' (IV, 1042), ср. *Güfel*, (то же: II, 132, 133).

Швейц. *pauchen* 'gierig essen' (IV, 964), ср. *mauken* 'mit Lust und Begierde, schmatzend und mit gefüllten Backen essen' (IV, 139), ср. *rauken* (то же).

Швейц. *boggen* 'schwarken', 'sich mit dicken, schwarzen Donnerwolken beziehen' (IV, 1082), ср. *mauglen* ' (von Wetter) nebeln' (IV, 105), *maugel* 'trüb', 'gewölkt' (IV, 104); ср. англ. *fog*, англ. диал. *mug*, *googg* 'a heavy cloud'.

Швейц. *bäggelig* 'unwohl' 'zum Erbrechen übel', 'blöde im Magen', *verpäggen* 'geschmacklos werden' (IV, 1078), ср. *göggen* 'sich erbrechen', 'rülpsen' (II, 178); ср. др.-англ. *weatg*, совр. англ. диал. *wallow*; совр. сев.-англ. *boken* 'to retch' (I, 330).

Швейц. *Büdel* 'Magen', 'Bauch', ср. *Güdel* (то же: II, 125); *Chuttel* 'Gedärme' (ср. лат. *botulus*).

Шваб. *Bunze* 'weibliche Scham' (Fischer, I, 1530), ср. фюрарлберг. *Münze* (то же: Jutz, s. v.); швейц. *Schienggen* (то же), ср. совр. англ. диал. слэнг *minge* (то же);

Швейц. *binnig* ' (vom Vieh) perlsüchtig, tuberkulös' (IV, 1309), ср. *finnig* (то же), ср. др.-англ. *fynig*, совр. сев.-англ. *finny*.

Швейц. *bägglen* 'anfangen sich zu röten' (IV, 1076), ср. *tschägglen* (то же), ср. *gäggeli* 'rot', *g'gaggelig* 'buntscheckig'.

Швейц. *Binn*, *Benne* 'rundes Schöpfgefäß', ср. *Gonn*.

Швейц. *Ban(t)sch* 'Rock' (IV, 1406), ср. *Tosch* (то же), ср. *Günsch* 'Winter- und Hausschuhe' (II, 377), ср. шваб. *Lutsche* 'abgetretene Schuhe' (Fischer, IV, с. 1347).

Швейц. *Boffelen* 'unfreundliches, häßliches Gesicht' (IV, 1044), ср. *Moff* (то же: IV, 93—94); ср. совр. сев.-англ. *moff*.

Швейц. *Bögg* 'vermummt', *Gaugler* 'vermummte Person', *böggig* 'auffällig, phantastisch gekleidet', ср. *Gueg* 'Teufel'; ср. совр. сев.-англ. *bogle* 'an apparition' (EDD, I, 327—328); 'scarecrow', ср. *goggie* 'a hobgoblin' (EDD, II, 670); *goggie* 'elegantly dressed'.

Швейц. *baggen* (IV, 1073) 'ohne rechten Eifer, daher unter großem Zeitaufwand und ohne gehörigen Erfolg eine Handarbeit verrichten', ср. *gäggen* 'ohne Ernst und Fleiß arbeiten' (II, 169), *näggelen* 'tandelnd, ohne bestimmten Zweck sich mit etw. beschäftigen' (IV, 703), ср. *taggelen* (XII, 1137); ср. совр. сев.-англ. *bog* 'to move' (EDD, I, 325), *mog* (то же).

Швейц. *gäggelen* 'ohne Dauer zurecht machen' (II, 169), ср. совр. сев.-англ. *gain*, ср. *näggelen* (то же: IV, s. v.).

Швейц. *guggen* 'verstecken' (II, 191), ср. *mauggen* (то же), ср. швейц. *taugen* 'heimlich', совр. сев.-англ. *deegle* 'purloin'.

Швейц. *hölen* 'кричать', ср. *mölen* (то же: IV, 174), ср. совр.-англ. *to mal* 'shout'.

Швейц. *Gugger* 'der Hintere' (II, 198), ср. *Mugg* (то же), *Buggel* (то же).

Швейц. *Gueg*, ср. *Mog* 'kleine Gartenschnecke' (IV, 107), ср. совр. сев.-англ. *gug* (то же).

Швейц. *Güggen* 'Blashorn' (II, 195), *güggen* 'tuten', ср. *bögggen* 'schreien' (IV, 1086).

Швейц. *Lienggen* (III, 1342), ср. *Flienggen* 'breites, großes Stück von fester oder klebriger Masse, z. B. von Fleisch'.

Н.-сакс. *Lucht* 'Fensterladen' (швед. *lucka*), ср. бавар. *Blückel*.

Шваб. *Leien* 'Art und Weise', 'Gattung', ср. др.-англ. *bleo* 'color', 'shape'.

Швейц. *licken* 'смотреть' (ср. англ. *to look*), ср. нем. *blicken*. Бавар. *kumpf* 'stumpf', ср. *stumpf*.

Швейц. *Hott* 'Quark', ср. *Schott* (то же).

Швейц. *Herti* 'Schulterblatt', ср. *Scherti* (то же).

Швейц. *miren* 'sich mit einer Arbeit abgeben, ohne damit vorwärts zu kommen' (IV, 376), ср. *tiren* (то же), *liren* (то же: III, 1370); ср. англ. *to tire*.

Нем. *Reuse* 'сеть', ср. швейц. *Briese* (то же).

Швейц. *rieren* 'fallen' (ср. совр. англ. *to reese* 'to fall'), ср. голл. диал. *driuzen* (то же), ср. гот., др.-англ. *driusan*; др.-англ. *hreosan*.

Швейц. *Acher* 'яблоки'; 'фрукты' (I, 65), *Märggelen* 'Name einer Birnsorte, die erst nach längerer Lagerung genießbar wird' (IV, 403, 405), *Morch*, *Morchle* (то же), ср. *Schmarglen* (IX, 969) 'schlechte unreife Obstfrucht'.

Нем. *meinen*, ср. швейц. *schminen* 'denken', 'vermuten' (IX, 967).

Швейц. *Gäggi*, *Räggi* 'дудка', ср. *Böggi* (то же), *bögggen* 'schreien'.

Швейц. *Marren* 'klumpen Eis in Kegelform' (IV, 353), ср. *Schmarren* 'Stück' (IX, 969).

Швейц. *schmoren*, *moren* 'naschen' (IV, 378).

Швейц. *marsen* 'kneten' (IV, 422), ср. (*ver*)*schmarset* 'zerdrückt' (IX, 976).

Швейц. *murz* 'gänzlich' (IV, 433), ср. *schmorz* (то же: IX, 1002), ср. совр. англ. диал. *murt*.

Швейц. *G¹Lüנגg* 'Eingeweide' (III, 1342), ср. *Schlunngis* (то же: IX, 607).

Швейц. *räck* 'straff' (VI, 798), ср. *schrack* (IX, 1600).

Швейц. *Rubel* 'Krauskopf' (VI, 73), ср. др.-англ. *rupe* 'capillamenta', швейц. *Strubel* (XI, 1949).

Швейц. *Black* 'Mundschwamm' (XI, 54), ср. *Flacken* (то же).

Швейц.-бавар. *Irch* 'кожа', ср. совр. сев.-англ. *irk*, *firk* 'to scratch' [ср. семасиологические параллели: лат. *corium* 'кожа' < и.-е. *(s)ker- 'резать' (ср. англ. *shear*); греч. *hros* 'кожа', но *hrauo* 'scrape'].

Швейц. *Rack* 'охотничья собака', *Brack* (то же).

Швейц. *Maggen* 'рожа', *Raggen* (то же), *Naggel* (то же).

Швейц. *Riggel* 'Entzündung', *Niggel* (то же), *Griggel* (то же).

Швейц. *dogen* 'гнутья', *bogen* (то же), эльзас. *wigen* (то же: Martin—Lienhart, II, с. 804).

Швейц. *rözen* 'pissen' (VI, 1410—1411, 3), ср. *strözen* (XI, 2469).

Швейц. *raßen*, *raze* 'scharf machen'; 'gasch', 'eilig' (VI, 1279), ср. *strazen* (то же: IX, 2367).

Швейц. *lass* 'matt', ср. *schluss* (то же).

Швейц. *Ram* 'грязь' (англ. диал. *room*), ср. *Bram* (то же).

Швейц. *Lutter* 'Schmutz', ср. *Pfloder* (Fischer, I, с. 1068).

Швейц. *Bisch* — *Lisch* — *Risch* 'камыш'.

Швейц. *Auders* (I, 91); *in Auders gän* 'zu Grunde gehen', 'in Verfall geraten', ср. *Gudere*, *Gauders* (то же), *Muder* (то же).

Швейц. *güdlen* 'Tauschhandel treiben' — *madeln* (то же).

Швейц. *Murchel* — *Surchel* 'Grobian'.

Рассмотрение приведенного материала, который можно было бы во много раз увеличить, дает возможность довольно определенно заключить следующее: взаимозаменяемые звуки в пределах одного слова, т. е. звуки, не имеющие смыслообразительной силы в этих словах на данном синхронном срезе, не могут быть конститутивными элементами слова (иначе: если ряд фонем, употребляясь в качестве вариантных в пределах одного и того же слова на данном синхронном срезе языка, не теряет своей словоразличительной силы в этом языке, эти фонемы должны быть признаны подвижными формативами). С другой стороны, совершенно невозможно допустить и «отсечение» (*Verstummlung*) фонематических компонентов слова в процессе развития языка и превращение их в факультативный элемент. Это становится особенно наглядным, если принять во внимание следующий интересный факт: если в начале слова имеется сочетание двух согласных, из которых первый является субституируемым аугментом, то *Anlaut* безаугментной формы этих слов остается всегда неизменным и не может замещаться другими звуками, хотя в качестве *Anlaut*'а в этих случаях выступают именно те звуки (плавные, гуттуральные, лабио-дентальные, билабиальные), которые, как мы видели, обычно являются взаимозаменяемыми: два подвижных форматива в пределах одного слова невозможны.

Если, однако, все рассмотренные подвижные формативы (независимо от того, присоединяются они к гласному или к согласному) не являются принадлежностью корня, выступают как «посторонние» элементы по отношению к нему, то как объяснить не только их широкое распространение (да и существование в языке вообще), но и определенные закономерности употребления, определенные условия, возможность и невозмож-

ность их существования? Какова функциональная нагрузка каждого из этих формативов, как они соотносятся между собой (и соотносятся ли), как дифференцируются?

Для ответа на все эти вопросы целесообразно, как нам представляется, обратиться к нашей теории лексической аттракции [42], тем более что, как мы видели, предложенные до сих пор концепции происхождения и функционирования подвижных формативов оказываются несостоятельными. Можно полагать, что подвижные формативы представляют собой не что иное, как один из видов формальных показателей принадлежности слова к тем или иным микро- или макронаборам, выступают как элементы, маркирующие данные слова относительно определенных лексических систем, возникая как своеобразная реакция на любые изменения лексического окружения в процессе развития языка⁴. Таким образом, варьирование начала корня — это живой языковой процесс, в неодинаковой мере (количественно и качественно) охватывающий определенные звенья лексической ткани языка в зависимости от их вхождения или невхождения в те или иные микро- или/и макронаборы и от соотношения маркированных и немаркированных взаимозаменяемых элементов корней в этих наборах. При этом языковую значимость (релевантность) для данного лексического набора в синхронии имеет не только наличие того или иного форматива и охват им определенных лексических единиц, но и отсутствие формативов (как мы видели, одни и те же корни могут принимать неодинаковое количество взаимозаменяемых формативов или вовсе не присоединять ни одного, причем разные корни в пределах данной лексической системы принимают качественно неодинаковые формативы). Чем больше в языке подвижных формативов, тем больше в нем лексических микро-систем. Интересно отметить, что в литературных языках обычно подвижных формативов меньше, чем в диалектах.

Аугментированные формы, с одной стороны, и формы с нулевым показателем — с другой, можно рассматривать соответственно как варианты и инварианты, причем в зависимости от характера и состава того или иного микронабора и макронабора, в который входят эти последние, в качестве инварианта могут выступать маркированные формы, а в качестве варианта — немаркированные и, наоборот, в качестве инварианта — немаркированные формы, а в качестве варианта — маркированные. Тот или иной инвариант (маркированный или немарки-

⁴ Мы не отрицаем при этом, что в какой-то части форм тот или иной аугмент обязан своим происхождением слиянию с определенным или неопределенным артиклем ($n < ein$, $d < die$) или со старыми префиксами (ср. нем. *glauben*, но гот. *ga-laubjan*); нем. *grampig* (*sich rampen*), др.-англ. *bremian* (нем. *sich rühmen*), нем. *Gletsch* (*Latsch*), нем. *glimpf* (ср. др.-англ. *limpan*, совр. швейц. *limpfen*). Однако функционально эти формы никак не совпадают с истинными подвижными формативами.

рованный) может на данном этапе существования языка быть общим для нескольких микронаборов, в то время как соответствующие варианты имеют силу лишь для одного микронабора. Вместе с тем инвариант может быть релевантным только в пределах одной микросистемы, тогда как (различные и одинаковые) варианты общи для нескольких лексических систем. Таким образом, по отношению друг к другу ни одна из форм (аугментированная и неаугментированная) не является первичной, так как в языке всегда представлена форма, находящаяся как бы в «последнем» лексическом окружении.

В свете нашей концепции подвижных формативов становятся понятными следующие факты:

1. В одинаковых окружениях подвижные показатели одних и тех же слов совпадают, а в разных — не совпадают. Однако наличие одних и тех же слов с разными подвижными показателями не говорит об их вхождении в разные лексические наборы, а наличие одних и тех же слов с одинаковыми лексическими показателями не говорит о том, что они входят в одинаковые лексические наборы. В пределах макросистем, содержащих одинаковые микронаборы, одни и те же слова могут выступать с разными подвижными формативами, входя в разные микросистемы.

2. В пределах одного лексического микронабора в синхронии одно и то же слово не может выступать с разными подвижными формативами.

3. Слова, являющиеся константами [42] в данном лексическом наборе, никогда не аугментируются.

Наряду с живыми аугментированными формами, значимыми в пределах данного микроряда (при переходе аугментированных корней из одного лексического ряда в другой «старые» подвижные формативы обычно либо утрачиваются, либо изменяются), в языке могут иногда существовать реликтовые аугментированные формы, утратившие свою первоначальную системную значимость в связи с изменением состава ряда, в который они ранее входили. Такие формы при заимствовании из другого языка или лексического ряда, попадая в новый лексический ряд, приобретают как бы второй подвижный показатель, так как первый форматив, с которым они входят в этот ряд, в новом ряду уже утрачивает первоначальную системную значимость. Примерами могут служить англ. *span*, лит. *pinti* (ср. лат. *onus*, эол. *onia*, но лат. *conor*; греч. *teino*, лат. *teneo*); швейц. *schlarzen* 'загрязнять' (ср. ит. *ordo*, англ. диал. *lorty*, лат. *sordes* и др.); швейц. *baugen* 'schielen', ср. *mauggen*, но др.-англ. *smēagan*, лтш. *smaugs*.

Если же реликтовая аугментированная форма в пределах «старого» или «нового» лексического ряда остается нерелевантной, она не принимает второго форматива.

Конфигурационный рисунок набора маркированных и не-

маркированных (с подвижными формативами и без них) корней в той или иной период развития языка имеет строго определенный характер (количественно и качественно) и присущ только данной лексической структуре: изменение количества маркированных (resp. немаркированных) звеньев набора неизбежно ведет к утрате частью корней подвижных формативов и использованию в тех же корнях иных подвижных формативов или к приобретению подвижных формативов корнями, ранее выступавшими с нулевым показателем; подобным же образом выход из микронабора тех или иных лексических элементов или вхождение в него слов вносит глубокие структурные изменения в общую конфигурацию набора, в частности в соотношение элементов с подвижными формативами и без них, а также в качественный состав последних. Характер набора маркированных и немаркированных форм в данной лексической структуре в значительной мере зависит от конфигурации прочих микросистем, входящих в данный язык, и в конечном итоге от конфигурации лексической макросистемы языка в целом.

Конфигурационные рисунки набора маркированных и немаркированных корней в разных лексических микроструктурах и тем более в разных языках никогда не совпадают. Именно поэтому внешне одинаковые (обе аугментированные или обе неаугментированные) формы в разных языках или на разных временных срезах одного языка следует признавать величинами неравноценными и несопоставимыми, именно поэтому никак нельзя по совпадению или различию неаугментированных или аугментированных форм в различных языках судить о степени близости их систем, их языковом статусе, как это делает, например, Э. Шварц [290].

В свете предложенной теории подвижных формативов целесообразно считать, что в ряде случаев в словах в процессе их истории происходит не замена одних звуков качественно новыми, а просто смена различных вариантов одного и того же звука в зависимости от окружения.

Понятно, что между неаугментированными и аугментированными формами не существует никакой корреляции: каждая из этих форм всецело является неотъемлемым элементом только одного, данного набора. Становится ясным также, почему в одних случаях оказывается, что в языке представлено одновременно несколько различных аугментированных форм, а в других случаях — только одна (аугментированная или неаугментированная форма): все дело в особенностях качественного и количественного состава соответствующих лексических микрорядов. Таким образом, так называемые подвижные формативы по своей природе не являются ни фонологическими, ни словообразовательными элементами, а чисто системоразличающими показателями, лишенными каких-либо других функций. Однако возникновение подвижных формативов, как

правило, оказывает асистемное воздействие на те языковые континуумы, в пределах которых они образуются. Аналогичную роль, видимо, выполняют и так называемые интрузивные звуки, например, «интрузивное r» в германских языках: др.-англ. *hemman* — *hremman* 'мешать', др.-исл. *spekja* 'беседовать' — нем. *sprechen*, ср.-в.-нем. *schanc* — *schranc* 'ящик', др.-исл. *va* 'угол' — швед. *vra* 'угол', норв. *vaala* 'кричать' — н.-нем. *wralen*, норв. *tase* 'Faser' — норв. *trase*, а также вариативность форм сложных слов с соединительными *-s-*, *-e-* и без них в немецком и нидерландском языках: ср. нидерл. *boeketyd*, но *boektitel*, *boek(e)taal*, *doodsmag*, но *doodmaal* и др.

Abusus non tollit usus

Глава IV

КОНСТАНТНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В АСИСТЕМНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДАХ (универсалии в социолингвистике)

Универсалии в современной лингвистике обычно мыслятся как своего рода языковые инварианты, пронизывающие структуру большинства языков мира независимо от их системных особенностей и характеризующие, таким образом, «человеческую природу» вообще и закономерности «человеческого (resp. языкового) поведения» в частности. Как известно, универсалий, присущих всем языкам мира, несмотря на усилия многих ученых, до сих пор установить не удалось. И это не удивительно. Вряд ли можно допустить, что сходства и совпадения, нередко обнаруживаемые в языках самого различного строя, обязательно являются закономерностями в каждом из этих языков, причем языковые сходства вовсе не означают возможности сопоставимости в разных языках. За внешней идентичностью нередко скрываются по существу совершенно различные явления. Любое сходство (даже внешне самое близкое) остается для ученого чистой случайностью до тех пор, пока не будут найдены достаточно веские доказательства, подтверждающие его закономерный характер в исследуемых языках. Что же касается случайности, то она, естественно, не может быть всеобщей. В связи с этим возникает вопрос: почему в таких областях языкознания, как этимология и сравнительно-историческое сопоставление, внешнее сходство не является доказательным и только в области типологии оно все еще неизменно остается единственным средством установления «универсалий»? Почему при построении универсалий не выясняется вопрос о том, являются сопоставляемые сходные феномены результатом одинаковых или разных языковых процессов, в каких случаях в каждом из сравниваемых языков различные процессы (или процессы, обусловленные разными причинами) дают одинаковые результаты в нескольких языках, а одинаковые процессы (или процессы, обусловленные одинаковыми причинами) дают разные результаты? Ведь в конечном итоге проблема универсалий сводится именно к анализу сходных или одинаковых структур в пределах различных си-

с тем. В противном случае исследование универсалий неизбежно превратилось бы просто в поиск не связанных между собой случайностей.

Прежде чем делать какие-либо категорические выводы, необходимо, видимо, выяснить возможности существования данного явления в пределах различных (или одинаковых) языковых структуриаций, а также конкретные формы развертывания этого явления в указанных структуриациях. Например, наличие сходных явлений в различных языках может в ряде случаев свидетельствовать о несхождении соответствующих языковых структур, тогда как внешне несходные явления могут говорить о близости этих структур; отсутствие сходных или несходных явлений в некоторых случаях может свидетельствовать о типологической близости их структур, а наличие определенных явлений нередко свидетельствует об их типологической неравноценности. Нам представляется, таким образом, что только на основе разработки надежных методов типологического сравнения, только на основе выявления сопоставимого и несопоставимого в языке можно подойти к построению достаточно непротиворечивых универсалий.

Многие из так называемых канонических универсалий отнюдь не всегда отражают языковую реальность именно потому, что при их построении, как правило, не учитывается влияние человеческого (resp. социального) фактора на специфику языка в синхронии. Дело в том, что многие из универсалий, устанавливаемые традиционными методами, при ближайшем рассмотрении оказываются релевантными лишь для одного из представленных в языке нескольких социальных (resp. территориальных) пластов, причем в языках, между которыми устанавливаются общие типологические закономерности, последние нередко манифестируются на самых различных социальных ярусах, уравнивание и сопоставление которых часто ничем не оправдывается.

В связи с этим становится понятным, что многие канонические универсалии не только не могут претендовать на универсальность, но и весьма сомнительны даже в пределах одного и того же языка: на различных социальных уровнях языка данная межязыковая универсалия может обладать неодинаковой значимостью, а в некоторых случаях вообще не имеет силы. Адекватное изучение универсалий возможно, как нам представляется, только при установлении общих закономерностей проявления одного и того же феномена в двух планах: 1) между различными социальными уровнями в пределах одного языка с последующей проверкой социальной стратификации того же явления в языках различного строя и выявлением условий (одинаковых или неодинаковых) той или иной стратификации; 2) между различными родственными и неродственными языками с последующей проверкой стратификации той

или иной универсалии на различных социальных уровнях каждого из них. Таким образом, важно различать не только межъязыковые (внешние) универсалии, но и универсалии внутриязыковые, межуровневые («диастратические», по терминологии Х. Рона), т. е. общие закономерности одного и того же явления, устанавливаемые между различными социальными, территориальными, стилистическими и другими уровнями в пределах одного языка.

Социальные диалекты по своей природе представляют собой существующие в пределах целостного языкового единства различные по своей конфигурации пересечения нескольких языковых подсистем, неодинаковых качественно и количественно. Социальный диалект — это исторически сложившаяся на той или иной территории и системно организованная языковая норма одного или нескольких социальных слоев классового общества, колеблющаяся (по количеству и социальному составу говорящих, а также по территории распространения) в зависимости от последовательного взаимодействия с системами сосуществующих социальных, профессиональных, территориальных диалектов и литературного языка. Пересечением лексико-семантических подсистем мы называем закономерное и обязательное (облигаторное) возникновение общего члена (или нескольких общих членов) в этих подсистемах, обусловливаемое переннтеграцией их иерархии и изменением их равносильности. Не всякое пересечение лексико-семантических континуумов является их вхождением в систему, но всякое вхождение лексико-семантических элементов в систему неизменно связано с их пересечением. Если при возникновении общего члена не происходит реакций взаимодействующих систем, то налицо пересечение этих систем; если же при возникновении общего члена происходит реакция [либо не манифестируемая никакими внешними изменениями системы, либо обуславливающая разрыв аттракционных связей и выход ряда слов из взаимодействующих систем, а также качественное (функциональное) или количественное изменение семантики лексем и протяженности лексемного ряда], то мы имеем дело с вхождением одного лексико-семантического континуума в другой. В первом случае перед нами два (или более) идентичных лексико-семантических континуума, во втором — структурные омонимы.

Всякий социальный диалект, с одной стороны, неизменно имеет территориальный характер, ибо он распространен на большей или меньшей территории; с другой стороны, любой территориальный диалект по необходимости является одновременно и социальным, так как он присущ определенной более или менее однородной (или разнородной) в социальном отношении языковой общине, проживающей на данной территории. Каждый носитель языка, таким образом, кроме владения территориальным говором безусловно является носителем одного

или нескольких социальных диалектов, распространенных на данной территории, а также знаком с профессиональным диалектом своей специальности и (в той или иной мере) с разговорной нормой литературного языка, используемой в ближайшем городе или на предприятии.

Всякий социальный диалект не является, как известно, изолированным образованием: он постоянно находится в соприкосновении с другими социальными, территориальными и профессиональными диалектами, а также с литературным стандартом. При этом возможны несколько случаев: 1) один из участвующих в интерференции диалектов не только меняет сферу своего распространения, но и подвергается большому или меньшему структурным изменениям; 2) тот или иной социальный диалект, участвующий в интерференции, не испытывает значительных изменений своей структуры, но меняет сферу своего распространения; 3) тот или иной диалект, подвергаясь определенным структурным изменениям, не меняет сферы своего распространения. Сфера распространения (как территориально, так и по числу охватываемых общественных слоев) одного из участвующих в интерференции диалектов может расшириться, а сфера действия другого — сузиться. Это значит, в частности, что социальные факторы, присущие одному из взаимодействующих диалектов, могут ограничить сферу действия территориальных факторов в другом диалекте; в то же время территориальные факторы, присущие одному из этих диалектов, могут ограничить сферу действия социальных факторов в другом диалекте. Так, несмотря на глубокие изменения, произошедшие в социальном составе носителей американского слэнга XVII в., несмотря на то, что сфера его распространения значительно расширилась и он стал основой общеамериканского языкового стандарта английского языка, лексический состав его до сих пор остается неизменным, хотя многие слова этого слэнга давно исчезли на английской метрополии; вместе с тем при сохранении одной и той же социальной сферы употребления некоторых английских местных диалектов, их лексика и ареал за последние столетия испытали значительные изменения, преодолев вековые преграды консервативности.

Сосуществуя и пересекаясь с литературным стандартом и с территориальными диалектами, каждый из социальных диалектов сохраняет свою специфику, не сливаясь ни друг с другом, ни с языковым стандартом или с территориальными говорами, хотя в качестве носителей всех указанных разновидностей языка нередко могут выступать одни и те же языковые коллективы.

Отсюда можно заключить, что различные социальные уровни (пласты) языка (включая литературный стандарт и территориальные диалекты) по необходимости подвержены действию различных языковых сред, неравноценных по своим комбина-

торным свойствам, а также по возможностям и результатам пересечения (процессы нейтрализации, положительного и отрицательного катализа, развертывания, свертывания).

Как мы указывали в другой своей книге [42], язык включает в себя не одну систему, а несколько взаимосвязанных и дополняющих друг друга подсистем, обладающих неодинаковыми свойствами (семантическими, стилистическими, структурно-функциональными и др.). Каждая такая подсистема (или слой, пласт) языка может, например, допускать или не допускать семантическое развертывание определенных лексем в определенном направлении, совместимость или несовместимость тех или иных лексико-семантических реалий, обуславливать или не допускать семантические изменения в пределах одной лексемы или нескольких лексем, возможность взаимодействия нескольких лексико-семантических единиц, т. е. слияние, интеграцию нескольких семантем или лексем, в результате чего возникает новая лексико-семантическая реалья, или их разложение, дезинтеграцию (все эти процессы мы в дальнейшем будем называть реакциями на лексико-семантическом уровне). Наиболее очевидными слоями или пластами лексико-семантической системы являются, например, различные социальные диалекты и территориальные говоры. Однако и в пределах одного и того же слоя намечаются более мелкие подразделения. Одни и те же лексико-семантические единицы обнаруживают неодинаковые свойства в различных подсистемах языка, в связи с чем такие подсистемы целесообразно рассматривать в качестве сред, накладывающих ограничения на возможности манифестации этих единиц. Именно потому, что различные социальные, территориальные и общенациональные пласты языка структурно неравноценны, становится возможным их типологическое сопоставление. Вместе с тем нельзя упускать из виду и то обстоятельство, что практически все языковые пласты взаимопроникают друг в друга. Однако при ближайшем рассмотрении это противоречие оказывается мнимым, кажущимся. В самом деле, хотя континуумы, вошедшие в какую-либо языковую систему, обязательно представлены в наборах, отличных от исходных систем, вступивших в реакцию, такие «новые» языковые континуумы благодаря консервирующему действию социальной среды обычно продолжают существовать в окружении «старых» языковых систем, в том числе и исходных. В случае же нейтрализации действия социальной среды неизменно происходит переинтеграция систем, связанных аттракцией, разрыв аттракционных связей, нарушение равновесия на том или ином участке языковой сетки, изменение иерархии континуумов и в конечном итоге их пересечение. Необходимо учитывать при этом, что различным социальным вариантам (уровням) языка присущи различные типы аттракционных связей языковых континуумов, определяющих специфику и свойства каждо-

го из них. Литературному варианту, например, свойственны линейные, горизонтальные связи между отдельными структурами (т. е. связи между единицами одного и того же уровня). В территориальных диалектах обычно наблюдается смешанный однонаправленный тип связи языковых структур (только горизонтальные связи между отдельными массивами исконно ареального словаря и только вертикальные связи с системами социальных диалектов, но не с системой литературного языка). Наконец, в социальных диалектах находим смешанный двунаправленный тип связи (горизонтальные связи между массивами исконно социального словаря, но также вертикальные с литературным языком, с одной стороны, и с территориальными диалектами — с другой). Вполне понятно, что пересечения внутри единой системы континуумов, связанных аттракцией, никогда не происходит (и не может происходить). И это особенно важно, если учесть, что отдельные континуумы, входящие в одну и ту же аттракционную систему¹, нередко манифестируются в самых различных социальных, территориальных и других пластах языка.

Таким образом, не любые лексико-семантические континуумы в пределах макросистемы языка способны пересекаться между собой: существует определенная избирательность пересечения совместимых и несовместимых континуумов. Один и тот же отрезок или элемент лексико-семантической цепи не всегда может пересекаться (совмещаться) с любыми отрезками других континуумов, причем совмещение нескольких отрезков различных лексико-семантических систем нередко возможно лишь при условии более или менее глубоких структурных изменений в пределах обоих взаимодействующих наборов (выход из системы определенных звеньев или, наоборот, вхождение в нее новых элементов, изменение функционально-семантического статуса элементов, непосредственно вступающих в реакцию, или элементов, образующих окружение взаимодействующих континуумов).

¹ Термин «аттракция» используется лингвистами уже давно, однако разные лингвисты употребляют его в совершенно различных значениях (ср. работы И. Шмидта, Г. Шпербера, О. Духачека, Г. С. Шура). Согласно нашей теории, значимое наличие (или отсутствие) определенной совокупности, определенного комплекса лексико-семантических реалий, употребляемых в определенных значениях на том или ином этапе развития языка на той или иной территории или на определенном социальном уровне, мы называем лексико-семантическими микроструктурами (или континуумами, наборами), которые системно связаны друг с другом и накладывают друг на друга семантические, позиционные и иерархические ограничения. С другой стороны, те функционально-динамические процессы, благодаря которым отдельные элементы микроструктур связываются друг с другом, взаимообуславливаются и на определенном отрезке времени образуют дискретные лексико-семантические наборы, мы называем лексической аттракцией. При этом мы не имеем в виду лексико-семантическое поле, которое, как нам представляется, является искусственным построением, основанным всецело на логических категориях.

Результаты таких изменений в свою очередь также не всегда совместимы между собой в системе, в связи с чем наблюдаются разного рода защитные, «терапевтические» (по терминологии Ж. Жильерона) реакции, направленные на сохранение целостности соответствующего лексико-семантического континуума. В связи с этим можно сформулировать следующие социолингвистические универсалии.

I. Если пересекаются элементы разных языковых слоев, то результаты такого пересечения манифестируются только в одном слое, но в пределах различных наборов. При этом нарушение целостности соответствующих языковых систем происходит только для установления их равновесия. Так, например, англ. литер. *bleak, mean* в слэнге подвергаются энантносемии и выступают в значении 'красивый'. Результатом уравнивающих реакций являются и разного рода удвоения синонимических слов типа англ. *court-yard, ewe-lamb, galley-proof*, а также использование подвижных формативов. Многие слэнговые слова, как известно, входя в территориальные диалекты, одновременно выходят из слэнга или нейтрализуются в нем. Подобным же образом многие территориальные слова, попадая в слэнг, выходят из соответствующих местных диалектов.

II. Если пересекаются элементы одного и того же языкового слоя (ср. *general slang* и *special slang*), то результаты пересечения манифестируются в разных языковых слоях, но в пределах одного и того же лексико-семантического набора (ср. английский общий слэнг *side* 'conceit', воровское арго *side* 'to agree', но литер. англ. *side* 'сторона'). Целостность этих наборов обычно нарушается в сторону избыточности или недостаточности (именно этим можно, очевидно, объяснить непрочность, зыбкость многих «периферийных» языковых систем). Так, в результате пересечения различных английских местных диалектов возникли американский слэнг и общелитературный стандарт американского варианта английского языка. Если из какого-либо набора выходят те или иные элементы, то изменяется среда, в которой они манифестируются, но не набор, к которому они принадлежат; если же в какой-либо набор входят те или иные элементы, то набор испытывает структурно-семантические изменения, но среда, в которую они входят, остается неизменной. В этой связи можно указать на тот факт, что многие слова, вышедшие из древнеанглийского языка, стали неотъемлемой частью социальных или территориальных диалектов. Вместе с тем вхождение слов в территориальные (например, в швейцарско-немецкий) или в социальные (например, в английский слэнг) диалекты может изменить семантику элементов, входящих в тот или иной

набор, или структуру и состав этого набора, но не среду, в которую он входит.

В случае разрыва аттракционных связей происходит смена вертикальных связей на горизонтальные, смешанных однонаправленных на смешанные двунаправленные или, наоборот, двунаправленных на однонаправленные, что в свою очередь неизменно ведет к образованию избыточности (в том числе к образованию парных слов, *s-mobile* и разного рода языковых «остатков») или недостаточности (в частности, к образованию лексико-семантических лакун) на соответствующих уровнях. При этом избыточность обычно выступает как нижняя иерархия, способная пересекаться с верхней, а недостаточность — как верхняя иерархия, которая не может пересекаться с нижней. Под термином «верхняя иерархия» мы имеем в виду элементы, занимающие наиболее высокое положение в системе и наделенные в связи с этим структурно-функциональными свойствами, отличными от тех, которые присущи элементам, занимающим наиболее низкую позицию в системе, т. е. «нижнюю иерархию». Верхней иерархии обычно соответствует языковая структура, которая «отдает», «сбрасывает» свои конститутивные элементы, а нижней иерархии соответствует языковая структура, «впитывающая» в себя языковые элементы другого яруса или остающаяся неизменной.

Понятие языковой среды, таким образом, неразрывно связано с понятием системы. Система мыслима лишь в рамках той или иной языковой среды, хотя никак не тождественна ей: отдельные части одной и той же системы подвержены действию различных сред, а одна и та же среда может действовать в пределах различных систем. Пересечение нескольких сред обязательно означает пересечение континуумов, а пересечение континуумов вовсе не всегда влечет за собой пересечение сред. Языковые среды обладают неодинаковыми свойствами.

(1) Одни из них постоянно оказывают одно и то же действие, независимо от пересечения с другими средами; свойства же других сред изменчивы и зависят от их пересечения с другими средами. В одних средах проявляются лишь определенные особенности данной лексико-семантической системы, а в других — вообще никакие особенности не проявляются. Одни среды могут действовать лишь в одном измерении (скажем, только в пределах социальных диалектов и т. д.), а другие — в нескольких измерениях (например, как в пределах социальных, так и в пределах территориальных диалектов). При действии различных сред неодинаковы направленность реакций, семантические сдвиги, качественные и количественные изменения набора лексем.

(2) Одни среды могут встречаться только вместе с другими средами (в частности, при пересечении нескольких сред), другие же среды представлены независимо от наличия прочих

сред. Так, социальный фактор (resp. социальная среда) является независимой константой, неизменно наличествующей на всех уровнях языка (социальном, территориальном, общенациональном), хотя действие, оказываемое этой средой (как внутри ее самой, так и на пересекаемую среду) в различных случаях неодинаково. Например, если при пересечении с другими социальными диалектами социальная среда обычно оказывает «разрушающее» или катализирующее воздействие (ср. постоянную смену синонимов в разного рода жаргонах и арго, а также быструю смену значений слов в слэнге), то при пересечении с территориальными диалектами наблюдается «укрепляющее» воздействие социальной среды внутри социальных диалектов (ср. консервативность диалектных слов и неизменность их значения в английском слэнге, в русском и французском арго). При сравнительном сопоставлении различных языковых сред структурно наиболее «слабой» оказывается именно территориальная среда: ни в социальных диалектах, ни в общелитературном языке *s-mobile* и потенцирование не используется в той мере, в которой это явление представлено в территориальных диалектах (выше мы старались показать, что *s-mobile* является чисто системным показателем, при помощи которого язык реагирует на всякого рода нарушения системы). В то же время социальная среда редко оказывает какое-либо структурное воздействие на территориальные диалекты и на общенациональный язык (нейтрализация социальной среды). Та или иная среда в каждом отдельном случае может явиться константой и в более узком смысле. Так, для того или иного идиолекта, городского говора или полудиалекта константой могут быть различные территориальные диалекты или общенациональный язык, тогда как для языка в целом эти среды не являются константами. В этой связи следует указать на лексико-семантические континуумы, общие для ряда социальных или территориальных диалектов. Как свидетельствует акад. В. М. Жирмунский, «...даже в Германии, классической стране языковой раздробленности, между воровским арго Мюнхена и Гамбурга, Берлина и Вены (по записям XIX в.), несмотря на характерные местные различия, устанавливается довольно значительная общность лексического материала. Такое же сходство обнаруживается в записях русских этнографов между тайным языком „брянских старцев“ (Орловской губ.) и „любецким элементом“ могилевских нищих, который в свою очередь ближе совпадает, например, с арго подольских и тернопольских „лирников“; с другой стороны, тайный язык нищих обнаруживает не менее значительное сходство с арго бродячих ремесленников и торговцев (например, черниговских шаповалов, владимирских „офеней“, калужских „прасолов“ и др.)» [20, с. 140].

Вполне понятно, что такие среды, как территориальная и общенациональная, являются связанными (зависимыми), так

как их воздействие невозможно без одновременного воздействия какой-либо другой среды, хотя в ряде случаев они могут оказывать ограничивающее воздействие на социальный фактор.

Изменчивость свойств среды, как правило, влечет за собой и изменчивость иерархии отдельных подсистем (социальных, территориальных, городских диалектов и полудиалектов), пересекающихся в пределах того или иного социального говора. В этой связи вряд ли можно согласиться с постулируемой по традиции иерархией, неизменно ставящей территориальный диалект ниже общенационального стандарта, а социальные разновидности языка ниже территориальных говоров. Неодинаковая иерархия лексико-семантических континуумов является одним из основных факторов их пересечения. Различная иерархия языковых наборов является причиной и целого ряда других языковых процессов. В частности, как справедливо отмечает Э. А. Мажаев, «давление системы обратно пропорционально возрастающей архитектурной сложности языковой единицы соответствующего уровня. Поэтому возможно установить зависимость давления системы от иерархии соответствующих уровней и набора составляющих их единиц. Как раз маргинальные подсистемы (или частные системы) различных уровней чаще всего оказываются кумулятивным центром нейтрализации давления системы» [26, с. 49]. При пересечении различных пластов языка и различных сред обычно проявляется принцип направленности реакции². В самом деле, в английском языке любой территориальный лексический элемент, попав в слэнг, неизменно теряет ареально-ограниченную окраску и становится достоянием того или иного социального диалекта, тогда как слэнговые элементы, входящие в территориальный говор, обычно не утрачивают своих социальных свойств. Наблюдавшееся в свое время мощное влияние территориальных диалектов на складывающийся литературный стандарт сменилось ныне обратным воздействием литературного стандарта на территориальные диалекты. В некоторых случаях в английском языке территориальная лексика пересекается только с территориальным жаргоном (американским, канадским, австралийским), тогда как американские, канадские и другие местные диалекты не пересекаются с английским *general slang*. Пересечение двух сред может сопровождаться реакцией лишь в одной из них: либо в той, которая оказывает воздействие, либо в той, на которую оказывается воздействие. При этом нередко воздействие на одну часть ряда (среды) сопровождается реакцией в другой части того же или другого ряда или изменением другой среды. Отметим, наконец, что если та или иная среда может

² Проблема направленности языковых процессов в языкознании начинает разрабатываться только в последнее время, особенно в отношении возможностей воздействия семантики слова на его фонетическую оболочку и, наоборот, воздействия фонетической оболочки на семантику.

оказывать воздействие на лексико-семантические континуумы или на другую среду, то обратный процесс невозможен: лексико-семантические континуумы не оказывают воздействия на языковую среду (их пересечение нередко протекает в пределах одной и той же среды, причем один и тот же континуум может обладать свойствами нескольких сред, в которые он последовательно входит). Языковая неравносильность отдельных пластов языка безусловно отражает сложную природу языка как глубоко социального феномена, существование и закономерности которого регулируются переплетением целого клубка как внутренних, так и внешних факторов, ни один из которых, однако, не может действовать изолированно³. Внешние факторы, как правило, вносят специфические поправки к внутриязыковым и территориальным закономерностям языка, как бы наслаиваясь на них. К внутриязыковым процессам можно, в частности, отнести процесс аттракции, который имеет место не только между отдельными компонентами лексико-семантического континуума, но и между самими этими континуумами. В этой связи можно указать на противоречие между воздействием среды, охватывающей обычно различные (в том числе и не связанные аттракцией) лексико-семантические наборы, и действием межсистемной аттракции, связывающей строго определенные континуумы. Именно этим, видимо, можно объяснить неодинаковые возможности и неодинаковый порядок пересечения языковых континуумов, различные условия их вхождения друг в друга, а также наличие неодинаковых комбинаций лексико-семантических систем в пределах социальных и территориальных говоров и общенационального стандарта.

Рассмотрение фактического материала дает возможность сформулировать еще следующие социолингвистические универсалии (кроме указанных выше закономерностей).

III. (1) Если языковой континуум, представленный в том или ином слое языка, одинаково реагирует на различные языковые импульсы (процесс заимствования, процесс пересечения, процесс изменения иерархии лексико-семантических наборов) и вообще реагирует только на различные языковые импульсы, то в пределах одного или нескольких родственных языков он типологически может соотноситься с континуумами одноименной среды, различно реагирующими на одинаковые импульсы.

³ Совсем недавно Ж. Б. Марчеллези справедливо отмечал: «При всех условиях на уровне поддающихся контролю лингвистических элементов (например, в лексике) социокультурные и лингвистические структуры далеко не изоморфны и никак не совпадают. Каждый раз необходимо доказать, что избранные социологические инварианты являются релевантными с лингвистической точки зрения; однако при этом очень велик риск зайти в тупик» [226, с. 119].

(2) Если языковой континуум, представленный в том или ином слое языка, различно реагирует на одинаковые языковые импульсы и вообще реагирует только на одинаковые (одни и те же) импульсы, то в пределах одного или нескольких родственных языков он типологически соотносится с континуумами разноименной среды, одинаково реагирующими на различные импульсы. Ясно, что, если в сравниваемых родственных языках рассматриваемые континуумы одинаково реагируют (или не реагируют) на одни и те же (одинаковые или разные) языковые импульсы, между ними не может быть типологического соответствия.

(3) Если в каком-либо языке данный континуум определенного слоя типологически соотносится в родственном языке с континуумом разноименной среды, то семантически свернутые структуры первого языка соответствуют лексически развернутым дисперсированным структурам (рассеянными по нескольким языковым слоям) второго языка.

(4) Если в каком-либо языке данный континуум определенного слоя типологически соотносится в родственном языке с континуумом одноименной среды, то семантически свернутые структуры первого языка соответствуют лексически свернутым недисперсированным структурам второго языка. Пример недисперсированной системы: англ. слэнг *botch*, шваб. *botzlen* 'etwas oberflächlich tun' (Fischer, I, с. 1330); англ. слэнг *quod* 'тюрьма', швейц. *Gadem* 'дом'; англ. слэнг. *hock*: 1) 'laid by the heels', 'swindled', 2) 'pawp' [ср. шваб. *hocken* 'lügen', рейн. *hocken* 'Tauschhandel treiben (unter Kindern)'], *Hock* 'Verkaufsplatz auf dem Hofe'; англ. слэнг *gerry* 'excrement' (ср. швейц. *Gur* 'frischer Kot des Rindvehs'); англ. *sock* 1) 'strike', 'thrash', 2) 'to win', 'to get credit', 3) 'eatables', 'dainties' (ср. шваб. *Socke* 'Geliebte', 'Schatz', *gesockt* 'abgewonnen', англ. слэнг *bully* [ср. швейц. *bul* 'schön', 'artig', 'allerliebste', 'prächtig' (Staub—Tobler, IV, с. 1185)]. Пример дисперсированной системы: англ. слэнг *hock*, но нидерл. литер. *hok* 'тюрьма'; англ. слэнг *hunky* 'all right', 'good', но нидерл. литер. *honk*, н.-нем. *hunk*; англ. слэнг *scran* 'victuals', но нидерл. литер. *schransen*, нем. *schransen*; англ. слэнг *snoop* 'to pry', но нидерл. литер. *snoepen*; англ. слэнг *crap* 'dung', но нидерл. литер. *krap*; англ. слэнг *spondulix* 'деньги', но нидерл. литер. *spaunde* 'chips', 'money'; англ. слэнг *mool* 'a wench', но нидерл. литер. *mallool* 'a wench'.

IV. (1) Элементы разных слоев, попадая в один и тот же слой, нейтрализуются, т. е. утрачивают свою специфику как принадлежность определенного слоя, но в равной мере могут использоваться и в новом и в старом (исходном) слое. Как мы пытались показать в своей другой работе [33], многие английские слова, которые в ранний период истории английского языка

ка выступали в качестве специфических элементов определенного социального или профессионального слоя языка, впоследствии как бы растворились в литературном языке, порвав при этом все связи с первоначальной сферой своего распространения. Литературная исконность этих слов обычно является мнимой, кажущейся. Ныне такие слова нередко являются общими для литературного языка и для слэнга.

(2) Если элементы одного и того же слоя попадают в разные слои, то они либо не нейтрализуются, либо утрачивают нейтральность. Таковы специфически слэнговые синонимы, восходящие к различным языковым слоям или к заимствованиям. Например, понятие «красивый»: *bang-up, bleak, bricky, darby, dimber, doggy, doozy, ducky, fetchy, hot, juicy, mean, hifty, spiff*, слова со значением «понимать»: *to fall, to twig, to wool*.

(3) Если пересекаются несколько наборов, то нейтрализуются и пересекаемые среды; если же пересекаются несколько сред, то нейтрализуются и пересекаемые наборы (вплоть до выхода этих слов из набора).

V. (1) Лексические элементы тех языковых сред, в пределах которых манифестируется данный лексико-семантический набор, не входят в его состав на уровне единого набора и не заимствуются в него.

(2) Лексические элементы различных языковых сред, одновременно входящие в состав одного и того же набора, не манифестируются на уровне каждой из этих сред и не заимствуются в них. Многие слова литературного английского языка не входят в состав социальных диалектов. Элементы разных языковых сред, одновременно представленные в пределах одной среды, не пересекаются с элементами этой среды, манифестируемыми в различных языковых средах.

(3) Количество слоев, манифестируемых в лексико-семантическом наборе, обратно пропорционально количеству наборов, представленных в каждом слое. Английский слэнг, например, отличается минимальным количеством входящих в него лексико-семантических наборов, в связи с чем в нем манифестируется максимум лексико-семантических слоев. Ср., например, такой специфический для «общего слэнга» набор, как *kipe* 'ревность'; *fluke* 'неблагонадежный'; *benny* 'шляпа'; 'пальто'; 'отдых'; *graft* 'дело'; *hipe* 'обман' и др.

Социальные диалекты обычно считаются одной из тех областей языка, где стихийность безраздельно берет верх над закономерностью, где отклонение от правила часто является более закономерным, чем правило. Именно поэтому исследования социальных диалектов обычно ограничивались чисто внешним описанием случайных и не связанных между собой фактов.

В действительности же, как мы пытались показать, социаль-

ные диалекты, являясь частью цельной языковой системы, обнаруживают большое своеобразие, тесно связанное, однако, с закономерностями остальных звеньев языковой структуры. Только изучение внутриязыковой типологии, исследование общих путей развития социальных и территориальных диалектов, с одной стороны, и литературного стандарта — с другой, может дать возможность вплотную подойти к пониманию специфики языкового механизма, только такой подход может сделать вполне очевидной иллюзию сплошной универсальности, весьма прочно вошедшую в практику лингвистического исследования и нередко искажающую истинную природу изучаемых явлений.

* * *

Весьма поверхностный и случайный характер имеет методика анализа социальных диалектов. Для исследования социальных диалектов древности какая-либо специальная методика анализа в настоящее время вообще отсутствует, а современные социальные диалекты исследуются чисто интуитивно и эмпирически, в основном путем выявления у информантов частотности тех или иных признаков (features) и различия в комбинации этих признаков, каждый из которых присущ одновременно нескольким социальным диалектам. Не говоря уже о том, что сама по себе частотность далеко не всегда является характеристикой жизнеспособности и исконности лингвистических явлений, необходимо отметить, что эта величина подвержена значительным (нередко случайным и преходящим) колебаниям в пределах отдельных (больших или меньших) языковых общин и далеко не всегда обусловлена именно социальными причинами.

Не менее случайными и произвольными часто оказываются и так называемые комбинации признаков. Подобно тому, как это наблюдается при компонентном анализе семантической структуры слова, выбор таких признаков не основан на строгих критериях и может безгранично увеличиваться или уменьшаться; вместе с тем анализ при помощи «комбинаций признаков» применим не ко всем уровням языка, в частности к лексике: например, на основе комбинации произвольно избранных признаков или частотности вряд ли можно решить вопрос об исконной принадлежности данного слова тому или иному социальному диалекту и проследить его движение и семантические изменения из одного языкового слоя в другой. Отметим, что данные, полученные от информантов, нередко отличаются большой ненадежностью и колеблются от информанта к информанту.

Большое внимание вопросам социального расслоения языка в буржуазном обществе уделяли, как известно, представители Пражской лингвистической школы, выдвинувшие учение о

так называемом центре и периферии в системе языка; на важность вычленения и глубокого изучения устно-разговорной нормы указывал еще Ф. де Соссюр, называвший постулируемые им понятия «*parole*» и «*langage*» «наиболее социальной сферой языка», а также А. Мейе.

Первый блестящий опыт социальной истории языка, основанный на исторической теории марксизма, был, как известно, предпринят в знаменитой работе П. Лафарга «Язык и революция». В последнее время углубленное изучение социологии языка особенно успешно проводится в работах ученых, вышедших из лейпцигской школы акад. Т. Фрингса.

Исследование социальных диалектов древности обычно наталкивается на почти непреодолимые трудности. По крайней мере специальные работы в этой области не идут дальше субъективных догадок, не опирающихся на строгую лингвистическую методику. В этой связи весьма показательны пессимистические заявления Ф. Клебера о том, что отсутствие достаточного количества фактов вряд ли позволит когда-либо пойти дальше чистых предположений в этой области. Вместе с тем важность изучения социальных диалектов древности вряд ли можно переоценить.

Наиболее полно вопрос об определении «социального» характера древней лексики поставлен в работе Б. Линдхайма [213]. Он указывает на сохранение более или менее «грубых», протонародных значений некоторых древнеанглийских слов в среднеанглийском и на утрату более «возвышенных», поэтических значений, типичных для этих слов в древнеанглийском. В частности, Б. Линдхайм выделяет ситуации: а) когда разговорный характер имеет то или иное слово во всей полноте его семантики (др.-англ. *wamb*); б) некодифицированным является только определенное (явно выделяемое) значение слова (др.-англ. *hricg*); в) разговорным является лишь определенный участок семантической сетки слова (др.-англ. *wlonc*). Такое разделение, однако, представляется произвольным и субъективным, ибо, во-первых, семантическое развитие слов в древних языках никак нельзя оценивать с точки зрения закономерностей современных языков; кроме того, даже в современных языках развитие более «грубых» семантических оттенков у многих слов вовсе не всегда является доказательством их «социальной» обусловленности. Вряд ли правы и те авторы, которые объясняют «социальными» факторами любые отклонения в фонологической или морфологической структуре древнего языка (здесь немалую роль могли играть разного рода текстологические причины, например, ошибки переписчика, более поздние эмендации писцов и т. д.).

При исследовании социальных факторов, действовавших в древних языках, мы будем исходить из некоторых объективных внутренних закономерностей языковой системы, отклоне-

ния от которых вряд ли можно истолковать иначе, как проявление определенных социальных (или по крайней мере разговорных) норм в древнем языке. Речь идет, в частности, о некоторых особенностях лексической синонимии, не получивших до сих пор достаточного освещения в специальных исследованиях.

1. Отметим прежде всего, что члены синонимического ряда отличаются друг от друга не только и не столько стилистически, по своему значению, происхождению и по времени вхождения в язык, но обычно и функционально, по своему «весу» в синонимическом ряду, и неравносильны относительно друг друга. В зависимости от той социальной сферы, которой присущ данный ряд синонимов⁴, выход одних или вхождение других элементов такого ряда может никак не отражаться на значении и количестве остальных членов, тогда как вхождение или выход других синонимов может вносить глубокие изменения в структуру ряда и значения входящих в него слов, вплоть до частичного или даже полного разрушения самого ряда или превращения его в другой ряд или ряд, антонимичный первоначальному (энантиосемия). В то время как при наличии одних компонентов синонимического ряда вхождение заимствованных или производных синонимов или выход исконных невозможны, при наличии других компонентов наблюдается массовый наплыв иноязычных и производных синонимов при одновременном выходе из синонимического ряда исконных слов. В то время как при наличии одних компонентов синонимические ряды остаются неизменными в течение длительного времени, при наличии других элементов синонимический ряд претерпевает постоянные изменения. Один и тот же синоним, являющийся компонентом данного синонимического ряда, при любых изменениях ряда может получать неодинаковый «вес» в этом ряду, т. е. не всегда равнозначен самому себе.

Для исследования древнего «разговорного» языка и воздействия социальных факторов на язык важно учитывать следующее.

(а) Значение каждого члена синонимического ряда представляет собой обычно один из сходных между собой результатов в остальном несходного семантического развития различных слов⁵. Количество элементов ряда, таким образом, долж-

⁴ Количество синонимов, характер оттенков значений синонимов, представленных в синонимическом ряду, вхождение в синонимический ряд именно данных, а не других слов, возможности синонимического развертывания, связь различных синонимов между собой — все эти факторы имеют сугубо социолингвистический характер и объяснимы только при рассмотрении тех социальных условий и потребностей, которые породили или вызвали их к жизни.

⁵ Одним из важных условий синонимичности является одновременность сходного развития разных семантических циклов. Вполне понятно, что при

но соответствовать количеству различных представленных в нем семантических циклов. Если же хотя бы два элемента синонимического ряда обнаруживают одинаковые циклы семантического развития, то такой синонимический ряд следует, видимо, признать обусловленным не внутриязыковыми закономерностями, а разного рода экстралингвистическими, в частности социальными, причинами. Так, многие синонимы, обозначающие ребенка и мальчика в древнеанглийском, можно признать социально окрашенными в связи с тем, что они обнаруживают одни и те же циклы семантического развития: ср. 1) исходное понятие «рожать», «производить»: *bearn* (<*baer-an*), *cnosl* (ср. гот. *knoths* 'Geschlecht', др.-в.-нем. *chnot*, и.-е. **g(e)no-*, *gen* 'to produce', 'to engender'); 2) исходное понятие «раздуваться», «schwellen»: *hyse* (WP. I, 356 <**keu schwellen*); 'Schwellung'); *cild* (ср. гот. *kilthei* 'womb', *inkiltho* 'pregnant'; Вальде — Покорный относят это слово к индоевропейскому корню **gel*, *gel-t* 'ballen'; 'Anschwellung'; 'Mutterleib'; ср. нем. *Kalb*); 3) исходное понятие «палка», «брус»: *scielcen* (*scylcen*), ср. ср.-в.-нем. *schalk* 'die kleine Stütze, worauf ein Sparren oder Balken ruht', дат. *skalk* 'Stück Bauholz oder kurzer Sparren'; *cniht* (ср. исл. *drang* 'unmarried man', др.-исл. *drenger* 'thick stick', *stofn* [Вальде—Покорный относят это слово к индоевропейскому корню **(s)teup*, включающему многочисленные слова со значением 'Stock', 'Stumpf']).

Одним из частных и весьма важных случаев такого отклонения, типичного для социальных диалектов, является следующий: данное слово оказывается втянутым в несвойственный ему цикл семантического развития одного или нескольких из своих синонимов, которые в данный период могут быть и не представлены в языке (хотя в ряде случаев такие синонимы могут и сосуществовать в пределах синонимического ряда). Это в свою очередь ведет либо к массовому наплыву синонимов в язык, либо к развитию многозначности словарных единиц. Необходимо учитывать, что в ходе своего развертывания два любых семантических цикла только один раз могут дать синонимичные элементы; следовательно, два любых семантических цикла или элемента цикла лишь один раз могут встретиться вместе в пределах единого синонимического ряда.

Так называемый закон Шпербера, согласно которому семантическое изменение хотя бы одного члена синонимического ряда влечет за собой аналогичное изменение всех остальных, вовсе не доказательство внутрисистемной аналогии синонимов (как это обычно считается), а простое отражение того факта, что аналогичные по своему значению элементы семантических

семантическом движении хотя бы одного члена синонимического ряда он выключается из этого ряда, а целостность этого ряда нарушается или полностью разрушается. Мы отвлекаемся здесь от чисто комбинаторных условий создания синонимических рядов.

циклов, как правило, разворачиваются сходным образом независимо от того, входят эти элементы в синонимический ряд или нет.

(б) Чем больше членов в синонимическом ряду, тем «слабее» (лабильнее) связи между членами этого ряда, так как количество представленных в таком ряду лексем не соответствует количеству имеющихся в нем семантем, т. е. членов отдельных семантических циклов, а количество семантем не соответствует количеству представленных лексем. Всякое отклонение от этой внутриязыковой закономерности (т. е. если вхождение слов в синонимический ряд ведет к большей стабильности ряда, а выход из него слов — к его лабильности) неизменно говорит о том, что перед нами результат социального воздействия на языковую структуру. Весьма показательно, что многие слова, вышедшие из древнеанглийского языка, но вошедшие в систему социальных и территориальных диалектов, до сих пор продолжают существовать в слэнге и составляют костяк его словаря. В этой связи весьма интересно явление регенерации лексики.

Во многих исследованиях по традиции выясняется, какие слова с большей или меньшей степенью достоверности можно отнести к области «периферийной» лексики. Составлено множество словарей аргослэнгов и т. д., где такие слова должным образом систематизируются и классифицируются. Хорошо известно, что все социальные диалекты наряду со специфическими для них лексемами широко используют лексику других социальных диалектов и литературного стандарта. До сих пор, однако, не было обращено внимание на следующую интересную закономерность: не всякое (даже самое обычное общелитературное) слово может использоваться в том или ином социальном диалекте в данный период существования языка. Так, английское литературное слово *understand* полностью отсутствует в современном английском и американском слэнге [ср. соответствующий синонимический ряд в слэнге: *boot, catch on (to), colly, cop, dig, get jerry, get next to, glow, latch (on), make sabby, spot, twig, wool*]. Не используются в английском и американском слэнге и такие распространенные литературные слова, как *courage* (ср. соответствующий синонимический ряд: *belly, face, ginger, gizzard, gravel, grit, guts, moxie, spunk*), *help, aid; steal; shy, timid* и др. Во французском аргослэнге отсутствует слово *parler*.

Те слова, которые периодически выходят из социальных диалектов и периодически регенерируются в них без изменения своего значения, представляют собой своего рода лексико-семантические константы [42] социальных диалектов, наличие или отсутствие которых является значимым для системы социальных диалектов. Именно такими константами являются нередко наблюдаемые совпадения части словаря социальных и

территориальных диалектов, с одной стороны, и социальных диалектов и литературного стандарта — с другой, хотя наличие таких совпадений, естественно, еще не предполагает ни общего происхождения того или иного социального диалекта с территориальным диалектом или с литературным стандартом, ни заимствованного характера соответствующих слов. Вхождение или выход регенерируемых констант из лексико-семантической системы вовсе не означает пересечения социальных диалектов с другими языковыми пластами и вообще какого-либо языкового движения, а, наоборот, неизменно говорит о сохранении ими своей структурной целостности. Вполне естественно, что регенерируемые лексемы в тот или иной период существования языка могут в свою очередь вообще выйти из литературного языка или из какого-либо социального или территориального диалекта, неотъемлемой частью которого они являются. Однако это обычно никак не отражается на возможностях регенерации, на составе регенерируемых лексем и на порядке их регенерации в социальном диалекте или выходе из него. Так, англ. *graft*, *birl*, *glom*, давно вышедшие из английского слэнга, продолжают периодически появляться в американском слэнге. Вместе с тем многие некогда литературные слова, давно вышедшие из употребления, периодически встречаются в английских социальных диалектах.

Возможности и диапазон регенерации всецело определяются социальными факторами, действующими в данный период в том или ином социальном диалекте. В период глубоких социальных перемен, обуславливающих изменение строя того или иного социального диалекта, состава и количества его носителей, прежние регенерируемые лексемы могут быть заменены новыми. Систематическая же регенерация одних и тех же элементов словаря неизменно говорит о том, что данный диалект продолжает обслуживать одну и ту же социальную среду. Если в результате действия этих же факторов нарушается порядок следования регенерируемых элементов, если вместо их обычного отсутствия они продолжают оставаться в пределах социального диалекта, если, наконец, в социальном диалекте одновременно представлены несколько регенерируемых элементов, которые обычно в языке последовательно сменяют друг друга, то мы имеем дело с избыточностью. Если же, наоборот, регенерируемые элементы не представлены в языке, когда их наличие необходимо, или появляются в то время, когда они должны отсутствовать, то перед нами языковая недостаточность. Вполне понятно, что большая протяженность синонимического ряда еще не означает его избыточности, а его меньшая протяженность ничего не говорит о его недостаточности. Одна из особенностей социальных диалектов состоит в том, что в своей эволюции они никогда не повторяют прежних состояний своего собственного развития, но обязательно повто-

ряют состояния, возникшие в результате контактов с другими языковыми сферами. В литературном же языке, наоборот, регенерируются не элементы, общие с каким-либо другим языковым слоем, а словарные единицы самого литературного языка (типа совр. нем. *rein, beginnen, Brosam, Gau, Recke, Sippe, Wonne* и др.).

(в) Чем больше членов входит в синонимический ряд, тем меньше изменяется семантика его отдельных компонентов. Следовательно, выход членов синонимического ряда должен повлечь за собой дальнейшее семантическое развертывание оставшихся элементов. Если же наблюдается обратное, т. е. если увеличение количества элементов в синонимическом ряду сопровождается семантическим развертыванием его членов или выход членов ряда не сопровождается семантическими изменениями, то это вряд ли можно истолковать иначе, как в смысле действия определенных экстралингвистических факторов. Так, пополнение древнеанглийского синонимического ряда со значением «радость»: *gefeā, bliths, glaednes, wynn* (<*wennan*>), *dream* (ср. совр. литер. англ. *joy, mirth, delight*; слэнг *bang, belt, biff, boat, buzz, charge, drive, jolt, kick, pack, punch, sock, swack* и др.) — сопровождалось семантическим развитием *dream* 'joy', 'music' > *dream* 'sleep' и поляризацией значения др.-англ. *wennan* > совр. англ. *wean* 'отнимать от груди', 'отучать'.

В то же время выход большинства членов древнеанглийского синонимического ряда со значением «ребенок» (*bearn, unbor, byre, cnosl*) никак не отразился на значении слова *child*, существующего и поныне.

(г) Лексическая синонимия является именно той областью, где наиболее наглядно проявляется воздействие на язык социальных факторов. Возникшее в результате социальных сдвигов взаимодействие социальных диалектов с территориальными или с национальным стандартом приводит к нарушению семантического развития слов. В результате не только нарушается обычная последовательность смены семантем в пределах слова, но, кроме того, отдельные семантемы, обычно выступающие в рамках одного слова, выражаются разными словами. Не все эти слова, однако, оказываются одинаково совместимыми в синонимических рядах различных социальных диалектов. В одних случаях эти слова вовсе не могут войти в синонимические ряды, что в свою очередь нередко ведет к мощному наплыву синонимов в социальные диалекты (например, в американском слэнге имеется более 100 слов со значением «пьяный»). В других случаях вхождение тех или иных слов в синонимические ряды исключает (полностью или частично) дальнейшее пополнение этих рядов синонимами. В третьих случаях вхождение слов в синонимические ряды сопровождается семантической диссимилиацией (энантиосемией) или одновременным выражением в пределах одного слова нескольких ком-

понентов семантического цикла [это является специфической особенностью социальных диалектов, например, англ. слэнг *fib* 1) 'tell a lie'; 2) 'to beat'; *filch* 1) 'to steal'; 2) 'to beat'. Ср. поляризацию значений в английском слэнге: *brick* 1) 'good'; 2) 'bad'; *cheesy* 1) 'showy'; 2) 'shabby'; *dub* 1) 'to open'; 2) 'to close'; *floor* 1) 'провалиться (на экзамене)', 2) 'хорошо сдать экзамен'; *fresh* 1) 'drunk', 2) 'sober'; *fence* 1) 'to purchase'; 2) 'to sell', 'to spend', *game* 1) 'a simpleton', 'a dupe'; 2) 'knowing', 'wide-awake', *jerry* 1) 'fog', 'mist'; 2) 'discovery', 'detection'; *gut* 1) 'cram', 2) 'empty'; *hank* 1) 'rest'; 2) 'tease'; 'worry'. Ср. франц. арго: *bloquir* 'продавать'; 'покупать', *chic* 'плохой'; 'хороший'.

Таким образом, определенное количество синонимов должно быть совместимо с определенным значением каждого из них, а то или иное значение синонимов должно сочетаться с определенным их количеством в синонимическом ряду. Всякое отклонение от этой закономерности означает, очевидно, проявление экстралингвистических факторов в языке. Отметим, что одновременно входящие в язык или выходящие из него синонимы относятся к одной и той же социальной сфере. В этой связи следует указать, что слова, остающиеся в языке после выхода синонимов, в меньшей мере отражают социальный статус говорящих, чем синонимы, выходящие из языка.

2. Многие исследователи считают, что в социальных диалектах преобладает так называемое стилистическое использование слов литературного языка (метафора, метонимия, синекдоха и др.). Нам представляется, что верно обратное. Из семасиологии известно, что в различных индоевропейских языках в основу значения многих слов легли «более простые» понятия: так, в основе значения слов русск. *понять*, франц. *comprendre* лежит понятие «брать», а англ. *understand*, нем. *verstehen* — понятие «стоять»; понятие «тянуть» легло в основу значения многих слов, обозначающих время. Однако вряд ли можно утверждать, что указанные индоевропейские слова являются «стилистическими вариантами» от «более простых» понятий, которые легли в основу их значения, или тем более считать эти «простые понятия» стилистически зависимыми от «более сложных». Следовательно, можно полагать, что так называемые метафорические сдвиги и переосмысления слов в социальных диалектах надо рассматривать как первичные, исконные, а их «литературное» употребление — как вторичное, возникшее после проникновения соответствующих слов из социальных диалектов в литературные языки. Сказанное имеет большое значение для методики исследования древних социальных диалектов, так как дает возможность довольно точно наметить круг тех слов, которые в наиболее ранние периоды развития языка бесспорно

были уделом тех или иных социальных классов и лишь много позднее проникли в литературный язык, а также омонимы.

3. Как мы пытались показать в своей книге «Теория лексической аттракции» [42], в пределах близкородственных языков нередко можно наблюдать наличие сходных по составу и значению компонентов лексико-семантических наборов, манифестируемых в нескольких ареалах и весьма различных по своей временной соотносительности (ср., например, лексико-семантические наборы древнеанглийского языка и современного швейцарского диалекта немецкого языка, который отличается большой консервативностью). Вполне понятно, что совпадение лексической системы некоторых современных социальных диалектов английского языка с аналогичной системой швейцарского, все элементы которого в свою очередь, как правило, соотносят с древнеанглийским, в большой мере может отражать древнеанглийское состояние. Вместе с тем наличие в швейцарско-немецком лексико-семантическом наборе (соотносимом с современным английским слэнгом) слов, отсутствующих в этом последнем, безусловно дает возможность реконструировать некоторые особенности их семантического развития по принципу «от нового состояния к древнему». Ср. англ. слэнг *bully* 'великолепный' — швейц. *bullig* (то же); англ. слэнг *nag* 'кляча' — швейц. *Nagg* 'langsames altertümliches Pferd'; англ. слэнг *to mitch* 'to slink', 'to prowling about' — швейц. *muchen* 'verstohlen umhergehen'; англ. слэнг *mug* 'рожа' — швейц. *Mauggeren* 'saures, finsternes Gesicht'; совр. англ. слэнг *booze* 'пьянствовать' — швейц. *busen* 'saufer'; *Busel* 'ein Gewohnheitstrinker', *buslig* 'angetrunken'; ср. [42].

Соотносимые лексико-семантические наборы, обнаруживаемые в различных ареалах близкородственных языков, обычно манифестируются в неодинаковых языковых слоях. Так, если в одном из языков становится возможным выявить лексико-семантический набор в социальном слое, то этот набор можно признать равносильным аналогичному набору в другом ареале и в другом близкородственном языке только в том случае, если в этом последнем он манифестируется в территориальном, но не социальном слое. Если лексико-семантический набор в территориальном диалекте одного языка коррелирует с аналогичным набором в социальном слое другого близкородственного языка, то можно признать, что в первом из этих языков этот набор также манифестировался в социальном слое в более ранние периоды развития языка. Вот почему ареальные варианты социальных диалектов (например, варианты английского слэнга в Англии, Америке и Австралии) никогда не обнаруживают соотносимых лексико-семантических наборов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалектика пронизывает все поры, все ярусы, все уровни языка, является основным условием его структурной организации и движущей силой его развития. Только с позиций диалектики можно понять сложную и противоречивую природу языка.

В настоящей книге рассмотрен один из важнейших принципов существования и развития языка — диалектическое взаимодействие и взаимопереход свободного и необходимого, соотношение возможного, случайного и закономерного. Не подлежит сомнению, что сугубо социальная природа языка требует при анализе лексико-семантических преобразований тщательного рассмотрения конкретного состояния языковой системы, а также тех конкретных факторов, которые действуют внутри языка или оказывают на него воздействие извне, независимо от их характера и последовательности, а также времени и причин их возникновения. В этой связи важно иметь в виду, что концепции, основанные на крайних точках зрения, обычно не дают возможности объективного рассмотрения языковой реальности: любая система в языке обладает достаточной гибкостью, чтобы допускать бесконечное число связей, отношений, свойств и их комбинаций (особенно в связи с незамеченными ошибками, возникшими при переписке рукописей и при быстрой спонтанной речи, а также под влиянием идиолектных и психологических факторов, постоянно действующих в языке), но в то же время та же система обладает и достаточной жесткостью, чтобы на фоне всеобщей связи элементов не допускать соотношения и связей каждого элемента с каждым или со всеми другими элементами и ограничить конкретные наборы свойств и отношений, характерных для данного класса единиц. С одной стороны, определенная гибкость, подвижность языковой системы, ее способность адаптироваться к различным условиям существования языка, а с другой — определенная строгость, жесткость этой системы, выступающей в роли своеобразного «фильтра», контролирующего любое языковое движение и «отбирающего» те явления, которые наиболее соответствуют данному языковому статусу, — вот те основные характеристики, которые, будучи двумя сторонами одного и того же феномена, оказывают решающее влияние на специфику лексико-семантических преобразований. Именно поэтому совершенно бесперспективными пред-

ставляются не только атомистическое рассмотрение языковых реалий (в частности, субъективное толкование преобразований значения), но в еще большей степени навязывание языку заранее заданных шаблонов, которые, к сожалению, нередко выдаются за неперемное условие системности.

Диалектика является одновременно и объективным критерием исследования языка, вне которого его природа, сущность и закономерности неизменно упрощаются или искажаются. Такие типичные ошибки конкретного анализа, как сопоставление несопоставимых элементов и явлений и отделение друг от друга непосредственно связанных феноменов, упрощенное, линейное, одномерное, одноплоскостное понимание преемственности языковых единиц в отрыве от диалектически связанной с ней дискретности языкового континуума, смешение порядковости и иерархии сопоставляемых языковых реалий и игнорирование промежуточных звеньев развития можно преодолеть только в том случае, если постоянно принимать во внимание объективные диалектические связи в языке. Как показывает приведенный в книге материал, определенная дискретность лексико-семантических континуумов может быть следствием ошибок писцов, если это в свою очередь допускается особенностями языковой системы.

Наряду с традиционными методами установления этимологического тождества (фонетические и семантические соответствия) в качестве опорных пунктов для идентификации слов обычно используются такие языковые характеристики, как словообразование, грамматические особенности слова, и, в частности, его парадигматика, а также просодика, акцентуация и «внешняя история» слова — как в плане материальной культуры («слова и вещи»), так и социологии. Каждая из этих характеристик, выявляя одну из сторон истории слова, не только не может подменить собой эту историю, но, возведенная в абсолют, нередко искажает ее. В то же время далеко не всегда оказывается возможным использование всей совокупности указанных методов: различные явления языка, переплетаясь и взаимопроникая, нередко перекрывают и заслоняют друг друга. Именно тот факт, что отдельные явления языка обычно не даны «в чистом виде», а представляют собой своеобразный клубок взаимодействия нескольких факторов, нередко приводит к ошибке тех исследователей, которые хотят видеть в них разрозненные явления, вырванные из живой ткани языка. Важно иметь в виду, что различные методы идентификации слов не только имеют неодинаковую доказательную силу в различных комбинациях и по отношению к различным элементам лексико-семантической системы, но и должны использоваться в различной последовательности. Наиболее существенными оказываются те методы, которые дают возможность обнаружить такие явления, которыми исследуемые слова не

обладают, или направлены на исключение множественности этимологических решений: чем больше возможностей различных решений, тем больше неизвестных в решаемой лингвистической задаче.

В этом плане особенно важно использовать данные филологического анализа: филологическая «родословная» той или иной лексемы, являющаяся неперенным и первым условием всякой этимологии, на основе реальных и зримых фактов нередко позволяет обнаружить отсутствие фонетического или семантического соответствия слов (в книге приведены конкретные примеры этого явления), прежде чем исследователь встанет на путь поисков этих несуществующих соответствий, для чего ему обязательно придется произвольно истолковывать те или иные факты.

Этимология — это не искусство толкования слов, не *subtilitas intelligendi et explicandi*, а важный раздел филологической науки, в которой, как и в прочих ее разделах, строгость анализа и ориентация на факты, на языковую реальность являются определяющими принципами. В этой связи нельзя забывать, что любые постулаты — не исходный пункт исследования, а его конечный результат. Именно поэтому лингвистическая телеология (нередко скрываемая под благозвучным, но расплывчатым термином «система») так же мало может продвинуть нас к пониманию происходящих в языке процессов, как и давно изживший себя атомизм.

Не подлежит сомнению, что, используя язык, человек отнюдь не является пассивным «потребителем» априорно заданного кода. Напротив, использование языка отдельными членами общества неизменно ведет к тому, что человек постоянно преобразует, обновляет и творит свой язык, а тем самым и язык определенного языкового коллектива. Именно на индивидуальном уровне создаются многие синонимы и многозначные слова, но в то же время индивидуальные идиолекты нередко служат тем «фильтром», который «задерживает» выходящие из языка слова и их значения (эти последние в дальнейшем могут снова стать достоянием языка коллектива — как в прежнем виде, так и в несколько преобразованном, в частности, они могут подвергаться метафоризации). Однако, как указывал акад. В. В. Виноградов, «ни один язык не был бы в состоянии выразить каждую конкретную идею самостоятельным словом или конкретным корневым элементом. Конкретность опыта беспредельна, ресурсы же самого богатого языка строго ограничены. Язык оказывается вынужденным разносить бесчисленное множество значений по тем или иным рубрикам основных значений» [17]. Такое «разнесение по рубрикам» по-разному (качественно и количественно) осуществляется носителями отдельных языков, диалектов или одного и того же языка на разных этапах его развития. Поскольку существование языка мыслимо

лишь как процесс его постоянного употребления, постольку и особенности его фонетического, грамматического и лексико-семантического строя предстают как усредненный результат отдельных «говорений», которые в свою очередь невозможны без определенной социальной нацеленности.

Вполне понятно, что различные манеры говорить и писать, возникающие на основе тех или иных способов пользования языком и входящие в коллективную «привычку», имеют собственную историю и изменяются так же, как изменяются звуки, формы и знаки. Более того, от истории подобных «привычек» (фактическое содержание которых, разумеется, предопределено историей реально существующего строя языка) очень часто оказывается зависимой и сама история звуков, форм и знаков. Именно такое сложное переплетение индивидуальных и общественных факторов, с одной стороны, и особенностей языкового строя — с другой, обуславливает то положение, что в синхронии нередко представлены лишь результаты того или иного преобразования вне связи с исходными реагентами, а с другой стороны, создается иллюзия соотношений или даже взаимодействия элементов, не имеющих между собой ничего общего. В связи с этим следует указать на трудности установления качественных и количественных закономерностей образования синонимов и семантического развития слова, трудности выделения многозначных слов и др. Как справедливо замечал Ф. де Соссюр, «странным и поразительным свойством языка является то, что в нем не даны различимые на первый взгляд сущности (факты), в наличии которых между тем усомниться нельзя, так как именно их взаимодействие образует язык. В этом лежит та черта, которая отличает язык от всех прочих семиологических систем» [54, с. 108—109].

В книге был рассмотрен также вопрос о восстановлении социальных диалектов древности, не зафиксированных в письменных памятниках языка. Решение этой проблемы не только открыло бы новые широкие возможности и перспективы в области собственно социолингвистики, но и в значительной мере способствовало бы пересмотру многих устаревших догм истории языка, а также уяснению ряда спорных вопросов типологии, этимологии и общего языкознания.

Был предложен метод внутренней реконструкции социальных диалектов древности, при котором элементы более ранних периодов развития языка восстанавливаются на основе более поздних свидетельств функционирования того же языка. Восстановленные на основе этого метода социальные диалекты древности, которые, казалось бы, бесследно и навсегда утрачены для науки, смогут внести существенные коррективы в понимание таких кардинальных проблем языкознания, как диалектная основа общелитературных стандартов, история формирования и развития литературных языков, проблема архаиз

мов и инноваций, особенности возникновения и взаимодействия различных социальных диалектов и идиолектов и их соотношение с территориальными и профессиональными диалектами, механизм заимствования, интерференция различных языков, с одной стороны, и отдельных социальных и территориальных диалектов внутри этих языков, с другой стороны, и т. д. Лексика социальных диалектов древности, вновь ожившая таким образом из мглы веков, смогла бы, безусловно, явиться надежным фундаментом исследования социологии языка, основные понятия и методы анализа которой до сих пор остаются весьма неопределенными и шаткими именно в связи с недостаточным учетом принципа историзма.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВЯ — «Вопросы языкознания». М.
 ИЯШ — «Иностранные языки в школе». М.
 ИАН СЛЯ — «Известия АН СССР. Серия литературы и языка». М.
 ФН — «Филологические науки». М.
 Ahd. Gl. — Die althochdeutschen Glossen. Hrsg. von E. Sievers und E. Steinmeyer. Bd I—V. Berlin, 1879—1922 (цифры указывают на том, страницу и строку *).
 Aldhelm — Aldhelmi Opera. Hrsg. von R. Ehwald. Berlin, 1919 («Monumenta historica auctorum antiquissimorum», XV).
 «Anglia» — «Anglia. Zeitschrift für englische Philologie». Halle (Tübingen).
 An. Ox. — A. Napier. Old English Glosses Chiefly Unpublished. — «Anecdota Oxoniensia». XI. Oxford, 1900 (цифры указывают на страницу и строку).
 «Archiv» — «Archiv für das Studium der neueren Sprachen und Literaturen». Berlin.
 В — Beowulf, mit ausführlicher Glossar. Hrsg. von M. Heyne. Paderborn, 1918 (цифры указывают на стих).
 BB — Beiträge zur Kunde der indogermanischen Sprachen. Hrsg. von A. Bezzenger (W. Prellwitz). Göttingen.
 BCS — W. de G. Birch. Cartularium Saxonum. A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History. Vol. I—IV. New York, 1969 (цифры указывают на том и строку).
 Berghaus — H. Berghaus. Sprachschatz der Sassen. Bd I—III. Berlin, 1880—1884.
 BSLP — «Bulletin de la Société de linguistique de Paris».
 B—T — An Anglo-Saxon Dictionary of the Late J. Bosworth. Edited and enlarged by T. Toller. Vol. I—II. Oxford, 1898—1921.
 Buck — C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Chicago, 1949.
 Cambr. Ps. — Der Cambridger Psalter. Hrsg. von K. Wildhagen. Hamburg, 1910 (цифры указывают на страницу и строку).
 Cant. Ps. — Eadwine's Canterbury Psalter. Ed. by F. Harsley. — EETS. Vol. 92, 1889 (цифры указывают на страницу и строку).
 CGL — Corpus Glossariorum Latino-rum. Hrsg. von G. Goetz. I—VII. Leipzig, 1888—1923 (цифры указывают на страницу и строку).
 Chr. — Two of the Saxon Chronicles Parallel with Supplementary Extracts from the Others. A revised text edited with introduction, notes, appendices and glossary by Ch. Plummer on the basis of an edition by J. Earle. Oxford, 1929—1952 (цифры указывают на страницу и строку).
 Cr. Gl. — Corpus Glosses. — The Oldest English Texts. Ed. by H. Sweet. Oxford, 1957 (цифры указывают на том, страницу и строку).
 Dalby — D. Dalby. Lexicon of the Mediaeval German Hunt. Berlin — New York, 1965.
 Dauzat — A. Dauzat, J. Dubois, H. Mitterand. Nouveau dictionnaire étymologique. Paris, 1975.

* При отсутствии такого указания в данном списке цифры при сокращенном написании источника в тексте книги обозначают только страницу (с пометой «с.» или без нее).

- Diefenbach — L. Diefenbach. Glossarium Latino-Germanicum Mediae et Infimae Aetatis. Francfurti ad Moenum, 1857.
- Donum Balticum — Donum Balticum. Stockholm, 1974.
- Eadwin Ps.— Eadwin Psalter. Ed. by F. Harsley.— EETS. Vol. 92. 1889 (цифры указывают на страницу и строку).
- EDD — The English Dialect Dictionary. Ed. by J. Wright. Vol. I—VI. Oxford, 1898—1905 (цифры указывают на том и страницу).
- EETS — Early English Text Society. London.
- Ef. Gl.— Erfurt Glosses.— The Oldest English Texts. Ed. by H. Sweet. Oxford, 1966.
- Ep. Gl.— Epinal Glosses.— The Oldest English Texts. Ed. by H. Sweet. Oxford, 1966.
- Esprit — «Esprit». Paris.
- ESt.— «Englische Studien. Zeitschrift für englische Philologie». Heilbronn.
- Exon.— Codex Exoniensis. A Collection of Anglo-Saxon Poetry from a MS in the Library of the Dean and Chapter of Exeter. By B. Thorpe. London, 1842 (цифры указывают на страницу и строку).
- Feist — S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. Leiden, 1939.
- Fischer — H. Fischer, W. Pfeleiderer. Schwabisches Wörterbuch. Bd I—VI. Tübingen, 1904—1936.
- Gamillscheg — E. Gamillscheg. Etymologisches Wörterbuch der französischen Sprache. Heidelberg, 1969.
- Germania — «Germania. Vierteljahrsschrift für deutsche Altertumskunde». Stuttgart.
- Gesetze — Gesetze der Angelsachsen. Hrsg. von F. Liebermann. Halle, 1903—1916 (цифры указывают на страницу и строку).
- Gl. Lat.— Glossaria Latina. Ed. par W. Lindsay et al. Paris, 1926—1931 (цифры указывают на том, страницу и строку).
- Glotta — «Glotta. Zeitschrift für griechische und lateinische Sprache». Göttingen.
- Graff — E. G. Graff, Althochdeutscher Sprachschatz. Berlin, 1834—1842.
- GRM — «Germanisch-Romanische Monatschrift». Heidelberg.
- Grimm — J. Grimm, W. Grimm. Deutsches Wörterbuch. Bd I—XVI. Leipzig, 1854—1960.
- Hall — J. R. Clark Hall. A Concise Anglo-Saxon Dictionary. Cambridge, 1931.
- Hessels — A Late Eighth Century Latin—Anglo-Saxon Glossary preserved in the Library of the Leiden University. Ed. by J. Hessels. Cambridge, 1906.
- Hpt. Gl.— K. W. Bouterwek. Die ags. Glossen in den Brüsseler Codex von Aldhelms Schrift «De Virginitate».— ZfdA. Bd IX, Hf. 3, 1853 (цифры указывают на страницу и строку).
- IF — «Indogermanische Forschungen». Berlin.
- Isidor — Isidori Hispalensis Episcopi Etymologiarum sive Originum Libri XX. Ed. by W. Lindsay. Oxford, 1911.
- J — The Gospel of St. John.
- JAPh — «Journal of American Philology». New York.
- Kluge — F. Kluge. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20-te Aufl. Berlin, 1967.
- KAD — Kleinere altniederdeutsche Denkmaler. Halle, 1867.
- KZ — «Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen». Berlin — Göttingen.
- Latham — R. Latham. Revised Medieval Latin Word-List. London, 1965.
- Lchdm.— Leechdoms. Wortcunning and Starcraft of Early England. Ed. by O. Cockayne. I—III, London, 1864—1866 (цифры указывают на том, страницу и строку).
- Lk — The Gospel of St. Luke.
- Lorica Gl(osses) см. OET.
- MA — «Meijerbergs Arkiv for Svensk Ordforskning». Goteborg.

- Martin—Lienhart — E. Martin, H. Lienhart. Wörterbuch der elsassischen Mundarten. Bd I—II. Strassburg, 1899—1907.
- Mayrhofer — M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Bd I—III. Heidelberg, 1953—1976.
- Medium Aevum — «Medium Aevum, Published for the Society for the Study of Medieval Languages and Literature». Oxford.
- Mk — The Gospel of St. Mark.
- MLN — «Modern Language Notes». Baltimore.
- MSLP — «Memoires de la Societe linguistique de Paris».
- Mt — Gospel of St. Mathew.
- Ochs — E. Ochs. Badisches Wörterbuch. Lahr-in-Baden, 1925.
- OEG — H. D. Meritt. Old English Glosses. New York — London, 1945
- OET — The Oldest English Texts. Ed. by H. Sweet. London — New York — Toronto, 1966 (цифры указывают на страницу и строку).
- Oliphant — R. T. Oliphant. The Harley Latin — Old English Glossary. The Hague, 1966.
- Partridge₁ — E. Partridge. A Dictionary of Slang and Unconventional English. New York, 1961.
- Partridge₂ — E. Partridge. A Dictionary of the Underworld, British and American. London, 1961.
- PBB — Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. Halle—Tubingen.
- Peristephanon см. Prud. Gl.
- PMLA — «Publications of the Modern Language Association of America».
- Prud. Gl. — The Old English Prudentins Glosses at Boulogne-sur-Mer. Ed. by H. D. Meritt. Stanford, 1968.
- Pokorny — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1949—1959.
- Prompt. Parv. — The Promptorium Parvulorum. The First English—Latin Dictionary. Ed. by A. Mayhew. London, 1896.
- R — The Ruschworth Gospels.— «Publications of the Surtees Society». London. Vol. XXVIII, 1854; vol. XXXIX, 1861; vol. XLIII, 1863; vol. XLVII, 1865 (цифры указывают на главу и стих).
- Rietz — J. E. Rietz. Svenskt dialect lexicon. Lund. 1962.
- Rtl. — Ritual Ecclesiae Dunelmensis.— «Publications of the Surtees Society». Vol. CXL. L., 1927.
- Schade — O. Schade. Altdeutsches Wörterbuch. Bd I—II. Hildesheim, 1969.
- Schmeller — J. A. Schmeller, G. K. Fromman, Bayerisches Wörterbuch. Bd I—II. München, 1872—1877.
- Staub — Tobler — Schweizerisches Idiotikon. Begründet von F. Staub und L. Tobler. Bd I—XII. Frauenfeld, 1881—1963.
- s. v. — sub voce.
- TPhS — «Transactions of the Philological Society». Oxford.
- UJ — «Ungarische Jahrbücher».
- Vasmer — M. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch. Bd I—III. Heidelberg, 1953—1958.
- Ve. Ps. — The Vespasian Psalter.— The Oldest English Texts. Ed. by Sweet. Oxford, 1957 (цифры указывают на главу и стих).
- de Vries₁ — J. de Vries. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1962.
- de Vries₂ — J. de Vries. Nederlands etymologisch woordenboek. Leiden, 1971.
- Warrack — Chamber's Scots Dictionary. London, 1959.
- Wolf — S. Wolf. Wörterbuch des Rotwelschen. Mannheim, 1956.
- WP — A. Walde. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen. Hrsg. von J. Pokorny. Bd I—III. Berlin — Leipzig, 1928—1932.
- Wrt. Voc. — Anglo-Saxon and Old English Vocabularies. Ed. by T. Wright and R. Wülcker. Vol. I—II. London, 1884 (цифры указывают на том, страницу и строку).

ZDMG — «Zeitschrift der deutschen morgenlandischen Gesellschaft». Leipzig (Wiesbaden).

Zf. celt. Ph. — «Zeitschrift für celtische Philologie». Leipzig.

ZfdA — «Zeitschrift für deutsches Altertum». Leipzig (Wiesbaden).

ZfdMf — «Zeitschrift für deutsche Mundartforschung». Berlin.

ZfdPh — «Zeitschrift für deutsche Philologie». Halle (Berlin).

ZfdWi — «Zeitschrift für deutsche Wortforschung». Strassburg (Berlin).

авар. — аварский язык.
авест. — авестийский язык.
азерб. — азербайджанский язык.
аккад. — аккадский язык.
алб. — албанский язык.
амер. — американский вариант английского языка.
англ. — английский язык.
араб. — арабский язык.
арм. — армянский язык.
ассир. — ассирийский язык.
афг. — афганский язык.
бавар. — баварский диалект немецкого языка.
баск. — баскский язык.
белорусск. — белорусский язык.
брет. — бретонский язык.
бурят. — бурятский язык.
вед. — ведийский язык.
вен. — венецианский диалект итальянского языка.
венг. — венгерский язык.
вестфальск. — вестфальский диалект немецкого языка.
вост.-фриз. — восточно-фризский диалект фризского языка.
вульг. — вулгаризм.
вульг. лат. — вулгарная латынь.
гаэльск. — гаэльский язык.
гагауз. — гагаузский язык.
гватем. — гватемальский язык.
гот. — готский язык.
греч. — греческий язык.
дат. — датский язык.
диал. — диалектное слово.
др.-англ. — древнеанглийский язык.
др.-в.-нем. (др.-нем.) — древневерхне-немецкий язык.
др.-евр. — древнееврейский язык.
др.-инд. — древнеиндийский язык.
др.-ирл. — древнеирландский язык.
др.-исл. — древнеисландский язык.
др.-исп. — древнеиспанский язык.
др.-сакск. — древнесаксонский язык.
др.-прован. — древнепровансальский язык.
др.-прусск. — древнепрусский язык.
др.-русск. — древнерусский язык.
др.-каталон. — древнекаталонский язык.
др.-тюрк. — древнетюркский язык.
др.-фриз. — древнефризский язык.

др.-чешск. — древнечешский язык.
др.-швед. — древнешведский язык.
зап.-фламанд. — западнофламандский диалект фламандского языка.
зенд. — зендский язык.
и.-е. — индоевропейский праязык.
ирл. — ирландский язык.
исл. — исландский язык.
исп. — испанский язык.
ит. — итальянский язык.
казах. — казахский язык.
канарез. — канарезский язык.
к.-калп. — каракалпакский язык.
кирг. — киргизский язык.
кит. — китайский язык.
копт. — коптский язык.
лат. — латинский язык.
лиг. — лигурийский диалект итальянского языка.
лик. — ликийский язык.
лимбург. — лимбургский диалект немецкого языка.
лит. — литовский язык.
литер. — литературный язык.
ломб. — ломбардский диалект итальянского языка.
лтш. — латышский язык.
маньчж. — маньчжурский язык.
миланск. — миланский диалект итальянского языка.
мингр. — мингрельский язык.
нем. — немецкий язык.
нидерл. — нидерландский язык.
н.-нем. — нижненемецкий диалект немецкого языка.
новогреч. — новогреческий язык.
норв. — норвежский язык.
нортумбр. — нортумбрийский (северный) диалект древнеанглийского языка.
н.-рейн. — нижнерейнский диалект немецкого языка.
н.-сакс. — нижнесаксонский диалект немецкого языка.
общегерм. — общегерманское слово.
оск. — оскский язык.
п.-др.-англ. — позднедревнеанглийский язык.
п.-др.-нем. — позднедревне-немецкий язык.
перс. — персидский язык.
позднегреч. — позднегреческий язык.
позднелат. — позднелатинский язык.

польск.— польский язык.
порт.— португальский язык.
п.-ср.-англ.— позднесреднеанглийский язык.
разг.— разговорный язык.
рейн.— рейнский диалект немецкого языка.
ретором.— ретороманский язык.
рум.— румынский язык.
русск.— русский язык.
санскр.— санскрит.
сард.— сардинский диалект итальянского языка.
сев.-англ.— североанглийский диалект английского языка.
сев.-русск.— севернорусский диалект.
серб.-хорв.— сербскохорватский язык.
словац.— словацкий язык.
совр.— современный язык.
ср.-англ.— среднеанглийский язык.
ср.-бавар.— среднебаварский диалект немецкого языка.
ср.-в.-нем. (ср.-нем.) — средневерхне-немецкий язык.
ср.-ирл.— среднеирландский язык.
ср.-нидерл.— средненидерландский язык.
ст.-слав.— старославянский язык.
ст.-франц.— старофранцузский язык.
тамильск.— тамильский язык.
тюринг.— тюрингский диалект немецкого языка.

тур.— турецкий язык.
узб.— узбекский язык.
уйг.— уйгурский язык.
укр.— украинский язык.
умбр.— умбрский язык.
фин.— финский язык.
форарлберг.— форарлбергский диалект немецкого языка.
франц.— французский язык.
халадж.— халаджский язык (диалект иранских азербайджанцев).
хетт.— хеттский язык.
церк.-слав.— церковнославянский язык.
цыганск.— цыганский язык.
чешск.— чешский язык.
шваб.— швабский диалект немецкого языка.
швед.— шведский язык.
швейц.— швейцарский диалект немецкого языка.
эвенк.— эвенкийский язык.
эльзас.— эльзасский диалект немецкого языка.
эол.— эолийский диалект древнегреческого языка.
эстон.— эстонский язык.
ю.-нем.— южнонемецкий диалект.
якут.— якутский язык.
япон.— японский язык.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маркс К. и Энгельс Ф. *Немецкая идеология*. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 3.
2. Энгельс Ф. *Анти-Дюринг*. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20.
3. Энгельс Ф. *Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии*. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 21.
4. Ленин В. И. *Материализм и эмпириокритицизм*. — Полное собрание сочинений. Т. 18.
5. Ленин В. И. *Философские тетради*. — Полное собрание сочинений. — Т. 29.
6. Аганин Р. А. *Повторы и однородные парные словосочетания в современном турецком языке*. М., 1959.
7. Акуленко В. В. *Вопросы интернационализации словарного состава языка*. Харьков, 1972.
8. Акуленко В. В. *Лексические интернационализмы и методы их изучения*. — ВЯ. 1976, № 6.
9. Андреев Н. Д., Гордина М. В., Тимофеева О. А. *Система тонов бирманского языка*. — «Ученые записки Ленинградского университета». Т. 294. Серия востоковедения. Вып. 12, 1961.
10. Будагов Р. А. *Румынско-романские лексико-семантические расхождения*. — «Omăgiu lui Jorgu Jordan». București, 1958.
11. Будагов Р. А. *Сравнительно-семасиологические исследования*. М., 1963.
12. Будагов Р. А. *Типы соответствий между значениями слов в родственных языках*. — ФН. 1968, № 5.
13. Будагов Р. А. *Термины «система» и «антисистема» в науке о языке*. — ВЯ. 1978, № 4.
14. Булаховский Л. А. *Дезтимологизация в русском языке*. — «Труды института русского языка [АН СССР]», I, 1949.
15. Бунге М. *Причинность*. М., 1962.
16. Бэкон Ф. *Новый Органон*. М., 1935.
17. Виноградов В. В. *Русский язык*. М., 1947.
18. Гегель Г. В. Ф. *Сочинения*. Т. I. М., 1929.
19. Домбровский П. *Знак и смысл*. — ВЯ. 1973, № 6.
20. Жирмунский В. М. *Национальный язык и социальные диалекты*. Л., 1936.
21. Жирмунский В. М. *Потенцированные формы в немецких диалектах*. — ВЯ. 1958, № 6.
22. Жирмунский В. М. *Введение в сравнительно-историческое изучение германских языков*. М., 1964.
23. Жирмунский В. М. *Проблемы социальной диалектологии*. — ИАН СЛЯ. 1964, № 2.
24. Кон И. С. *Социология личности*. М., 1967.
25. Крейнович Е. А. *Об инкорпорировании и примыкании в нивхском языке*. — ВЯ. 1966, № 3.
26. Макаев Э. А. *Понятие давления системы и иерархия языковых единиц*. — ВЯ. 1962, № 5.
27. Макаев Э. А. *Структура слова в индоевропейских и германских языках*. М., 1970.
28. Маковский М. М. *О значении конструкции «глагол быть + прича-*

- стие I» в нортумбрийских глоссах.— «Ученые записки I МГПИИЯ». Т. XI, 1957.
29. Маковский М. М. К проблеме вида в готском языке.— «Ученые записки I МГПИИЯ». Т. XIX, 1959.
 30. Маковский М. М. К проблеме так называемой интернациональной лексики.— ВЯ. 1960, № 1.
 31. Маковский М. М. Структурные особенности современных английских диалектов.— ИЯШ. 1961, № 5.
 32. Маковский М. М. Роль синонимии в развитии грамматической структуры языка.— «Ученые записки I МГПИИЯ», Т. XXV, 1961.
 33. Маковский М. М. Языковая сущность современного английского слэнга.— ИЯШ. 1962, № 5.
 34. Маковский М. М. Вариантность лексем в древнеанглийских глоссах как признак диалектной принадлежности словаря.— «Этимология». М., 1963.
 35. Маковский М. М. Взаимодействие ареальных вариантов слэнга и их соотношение с языковым стандартом.— ВЯ. 1963, № 5 (=М. М. Маковский. Interaction of Areal Slang Variants and their Correlation with Standard Language.— «Linguistics». 1964, № 7).
 36. Маковский М. М. О подвижных формативах в современном немецком языке.— ИЯШ. 1967, № 1.
 37. Маковский М. М. Этимология и проблема филологической достоверности слова.— Этимология. М., 1968.
 38. Маковский М. М. Валентные отношения в лексике.— ИЯШ. 1968, № 6.
 39. Маковский М. М. Опыт типологической характеристики лексико-семантических систем.— ВЯ. 1969, № 3.
 40. Маковский М. М. Экстраполяция лексико-семантических систем.— ВЯ. 1970, № 3.
 41. Маковский М. М. Языковой механизм лексико-семантических заимствований.— ИЯШ. 1970, № 3.
 42. Маковский М. М. Теория лексической аттракции. М., 1971.
 43. Маковский М. М. Принцип равновесия в лексике и в семантике.— ИЯШ. 1972, № 5.
 44. Маковский М. М. Пути реконструкции социальных диалектов древности.— ВЯ. 1972, № 5 (=М. М. Маковский. Ways of Reconstructing the Social Dialects of Antiquity.— «Soviet Contributions to the Sociology of Language». The Hague — Paris, 1977).
 45. Маковский М. М. Универсалии в социолингвистике.— ИАН СЛЯ. 1974, № 4.
 46. Маковский М. М. Языковая сущность лексико-семантических процессов.— ИЯШ. 1975, № 4.
 47. Маковский М. М. Взаимодействие социальных и индивидуальных факторов в языке.— ВЯ. 1976, № 1.
 48. Маковский М. М. Понятие лингвистического времени.— ИЯШ. 1976, № 6.
 49. Маковский М. М. Соотношение необходимости и свободы в лексико-семантических преобразованиях.— ВЯ. 1977, № 3.
 50. Маковский М. М. Текстология и лексико-семантические исследования.— ВЯ. 1978, № 3.
 51. Румянцев М. К. О прилагательных с удвоенной второй морфемой в современном китайском языке.— «Советское китаеведение». 1958, № 3.
 52. Самойлович А. Женские слова у алтайских турков.— «Язык и литература». Т. III. 1929.
 53. Солгачев В. М. Язык как системно-структурное образование. Издание 2-е, дополненное. М., 1978.
 54. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М., 1933.
 55. Сравнительная грамматика германских языков. Т. II. М., 1962.
 56. Трофимова Ю. М. Морфологическая и семантическая дифференциация древнегерманских глаголов. Канд. дисс. М., 1977.

57. Уфимцева А. А. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.
- 57а. Филин Ф. П. Противоречия и развитие языка.— ВЯ. 1980, № 2.
58. Шерцль В. И. О словах с противоположными значениями (или о так наз. энантиосемии). Воронеж, 1884.
59. Aalto P. Word-Pairs in Tokharian and Other Languages.— «Linguistics». Vol. 5, 1968.
60. Addison I. W. The Theory of Hierarchies.— Logic, Methodology and Philosophy of Science. Stanford, 1962.
61. Advances in the Sociology of Language. The Hague — Paris, 1971.
62. Agricola E. Fakultative sprachliche Formen.— PBB. Bd 79, Tubingen, 1957.
63. Allen H. E. Influence of Superstition on Vocabulary: Two Related Examples. *Fly* and *Bug*.— PMLA. Vol. 51, 1936.
64. Allen T. V. Notes on the Abbreviations in Greek Manuscripts. New York, 1889.
65. Allen W. S. Relationship in Comparative Linguistics.— TPhS. 1953.
- 65а. Alston W. P. How does one tell whether a Word has one, Several or Many Senses.— «Semantics». Ed. by D. D. Steinberg and L. A. Jakobovits. Cambridge, 1971.
66. Althoff F. Die strukturtypologischen Zusammenhänge von Persönlichkeit, Sprache und Weltanschauung. Marburg, 1938.
67. Andersen K. G. Über deutsche Volksetymologie. Leipzig, 1919.
68. Anderson G. M. Structural Aspects of Language Change. New York, 1973.
69. Anttila R. Analogy. Helsinki, 1973.
70. Assessing linguistic arguments. Ed. by J. R. Wirth. New York, 1976.
71. Azzalino W. Subjective and objective Beziehungen in der Sprache.— «Neue Philologische Zeitschrift». 1952, № 4.
72. Baldinger K., A propos de l'influence de la langue sur la pensee. Étymologie populaire et changement sémantique parallèle.— «Revue de linguistique romane». Vol. 37, 1973.
73. Bauer E. Möglichkeiten zur Veränderung von Texten.— «Sprachwissenschaft». Heidelberg, 1976, № 2.
74. Bazell C. E. The Correspondance Fallacy in Structural Linguistics.— «Studies by Members of the English Department». Istanbul University. Vol. 3, 1952.
75. Beckh H. Etymologie und Lautbedeutung im Lichte der Geisteswissenschaft. Stuttgart, 1921 (Cp. GRM. Bd XIV, 1926, c. 321; «Forschungen und Fortschritte». Bd XIII, 1937, c. 421; ZfdPh. Bd 63, 1938, c. 138—178; «Trivium». Bd 2, 1944, c. 199—219).
76. Behaghel O. Sprachliche Versteinerungen.— Von deutscher Sprache. Aufsätze, Vorträge und Plaudereien. Lahr I. Baden, 1927.
77. Behr U. Wortkontamination in der neuenglischen Schriftsprache. Würzburg, 1935.
78. Bendz G. Ordpar. Stockholm, 1967.
79. Benge H. Beiträge zur vergleichenden Betrachtung antiker und moderner Umgangssprachen.— «Bayrische Blätter für Gymnasialwesen». Bd 66, 1930.
80. Betz W. Der Einfluß des Lateinischen auf den althochdeutschen Sprachschatz. Heidelberg, 1936.
81. Blochwitz W., Runkewitz W. Neologismen der französischen Gegenwartssprache. Berlin, 1971.
82. Brück J. Der Einfluß der germanischen Sprachen auf das Vulgarlatein. Heidelberg, 1913.
83. Bruil A. Untergegangene und veraltete Worte des Französischen im heutigen Englisch. Halle, 1913.
84. Bonfante G. Études sur le tabou dans les langues indo-européennes.— Melanges de linguistique offerts à Ch. Bally. Genève, 1939.

85. Bonfante G. Il concetto di legi linguistiche e la sua applicazione all'indeuropeo.— *Indeuropeo e protoistoria*. Milano, 1961.
86. Brinkmann H. Sprachwandel und Sprachbewegungen in althochdeutscher Zeit. Jena, 1931.
87. Brook G. L. The Relation between the Textual and Linguistic Study of Old English.— *Anglo-Saxons*. London, 1959.
88. Bucklin L. B. Some Spanish Words Derived from the Roman Liturgy.— *«Hispanic Review»*. Vol. 25, 1957.
89. Bunge M. The Myth of Simplicity. Problems of Scientific Philosophy. Englewood Cliffs, 1963.
90. Butler J. L. A Murred Proposal Regarding Grassman's Law.— *IF*. Vol. 79, 1974.
91. Capelli A. *Lexicon abbreviatarum*. Leipzig, 1901.
92. Carden G. A Note on Conflicting Idiolects.— *«Linguistic Inquiry»*. Vol. 1, 1970.
93. Cardona G. On Haplology in Indo-European. Philadelphia, 1968.
94. Chen M. The Time Dimension: Contribution Toward a Theory of Sound Change.— *«Foundations of Language»*. Vol. 8, 1972.
95. Chen M., Hsin-I-Hsieh. The Time Variable in Phonological Change.— *«Journal of Linguistics»*. Vol. 7, 1971.
96. Chen M., Wang W.-I. Y. Sound Change: Actuation and Implementation.— *«Language»*. Vol. 51, 1975.
97. Chomsky N. *Aspects of the Theory of Syntax*. Cambridge (Mass.), 1965.
98. Christiani B. Zwillingsverbindungen in der altenglischen Dichtung. Würzburg, 1938.
99. Christmann H. Lautgesetz und Wortgeschichte.— *Festschrift H. Meier*. München, 1971.
100. Chude F. Hapax Legomena. A Linguistic Study of Words Occuring Once. Cambridge (Mass.), 1954.
101. Cohen M. Quelques vues sur les équilibres linguistiques.— *Linguistique contemporaine. Hommage à E. Buyssens*. Bruxelles, 1970 (cp. *«La langue française»*. 1969, № 3).
102. Collinge N. E. *Pattern in Linguistics*.— N. E. Collinge. *Collectanea linguistica*. The Hague — Paris, 1970.
103. Collinson W. E. *Comparative Synonymy: Some Principles and Illustrations*.— *TPhS*, 1939.
104. *The Concept of Order*. Ed. by P. G. Kuntz. Seattle — London, 1968.
105. Coseriu E. Lexikalische Solidaritäten.— *«Poetica»*. Vol. 1, 1967.
106. Cowan W. G. *Reconstruction of Proto-Colloquial Arabic*. Cornell University, 1960.
107. Crescini A. Occasionalismo linguistico.— *Il problema filosofica*. Padova, 1965.
108. Dahlstrom A. *Metathesis of r in English*. Stockholm, 1964.
109. Dal I. Systemerhaltende Tendenzen in der deutschen Kasusmorphologie.— *«Norsk tidsskrift for sprogvidenskap»*. Bd 12, 1942.
110. Dal I. Indifferenzformen in der deutschen Syntax. Betrachtungen zur Fügung *ich kam gegangen*.— *«Norsk tidsskrift for sprogvidenskap»*. Bd 17, 1954.
111. Dal I. Systemerhaltende Tendenzen in hochdeutschen Mundarten.— *«Wirkendes Wort»*. Bd 6, 1955—1956.
112. Daunt M. Old English Sound-Changes Reconsidered in Relation to Scribal Tradition and Practice.— *TPhS*, 1939.
113. Deese J. *The Structure of Associations in Language and Thought*. Baltimore, 1966.
114. De Mauro T. Dürfen wir die Bedeutung ausschalten? — *Phonologie der Gegenwart*. Wien, 1967.
115. Dempwolff O. Fiktion und Hypothese in der Sprachwissenschaft.— *«Annalen der Philosophie»*. Bd III, 1968.
116. Deroy L. *L'emprunt linguistique*. Paris, 1956.

117. Dik S. C. Inductive Generalizations in Semantic Change.— «Studies in Descriptive and Historical Linguistics». Ed. by P. Hopper. Amsterdam, 1977.
118. Doerfer G. Lautgesetz und Zufall. Innsbruck, 1973.
119. Dornseiff F. Das Alphabet in Mystik und Magie. Berlin — Leipzig, 1922.
120. Dressler W., Leodolter R. Language Death.— «International Journal of the Sociology of Language». 1977.
121. Ducrot O. Dire et ne pas dire. Principes de sémantique linguistique. Paris, 1972.
- 121a. Durbin M. Models of Simultaneity and Sequentiality in Human Cognition.— Linguistics and anthropology. In honor of C. F. Voegelin. Lisse, 1975.
122. Dyen J. Reconstruction, the Comparative Method and the Proto-Language Uniformity Assumption.— «Language», Vol. 45, 1969, № 3.
123. Dyen J. Lexical Reconstruction. Cambridge, 1974.
124. Ebeling C., Schogt H. A propos de la neutralisation sémantique.— «Travaux de l'Institut de linguistique». Paris, 1957.
125. Ebnetter Th. Variabilität und System. Innsbruck, 1976.
126. Edgerton F. Indo-European *s*-Movable.— «Language». Vol. XXXIV, 1958, № 4.
127. Edgerton M. L'espace sociolinguistique et les systèmes ideolinguistiques.— «Studia linguistica». Vol. XXV, 1971, № 1.
128. Emeneau M. B. Taboos on Animal Names.— «Language». Vol. 24, 1948.
129. Emeneau M. B. Language and Non-Linguistic Patterns.— «Language». Vol. 26, 1950.
130. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Vol. I—II. Paris, 1951.
131. Ernout A. Rencontres du sens.— Philologica. Vol. II. Paris, 1957.
132. Esper E. A. Analogy and Association in Linguistics and Psychology. Athens (Georgia), 1973.
133. Esser W. M. Statische und dynamische Elemente in der sprachlichen Unterweisung.— «Wirkendes Wort». Bd 12, 1962, № 1.
134. Etymologie. Hrsg. von R. Schmitt. Darmstadt, 1977.
135. Explaining Linguistic Phenomena. Ed. by D. Cohen. New York, 1976.
136. Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
137. Fischer W. Zur Etymologie von ae. *docga*, ne. *dog* und einigen anderen Tiernamen.— «Anglia». Bd LVII—LVIII, 1944.
138. Fischer W. L. Äquivalenz- und Toleranzstrukturen in der Linguistik. Zur Theorie der Synonyma. München, 1973.
139. Fowkes R. A. Gothic Etymological Studies. Columbia University, 1949.
140. Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg — Göttingen, 1955.
141. Franz W. Ellipse und Bedeutungswandel.— «Englische Studien». Bd 72, 1937—1938.
142. Friedrich J. Zufällige Ähnlichkeiten auf verschiedenen Sprach- und Kulturgebieten.— IF. Bd LX, 1950, № 2.
143. Gauchat L. L'unité phonétique dans le patois d'une commune.— Aus romanschen Sprachen und Literaturen. Festschrift H. Morf. Halle, 1905.
- 143a. Gehse H. Die Kontaminationen in der englischen Syntax.— «Sprache und Kultur der germanischen und romanischen Völker. A. Anglistische Reihe». Bd 27. Breslau, 1938.
144. Gienapp N. Paired Expressions in Homer. University of Illinois, 1957.
145. Gillieron J. La faillite de l'étymologie phonétique, Neuveville, 1919 (cp. J. Gillieron, M. Roques. Mirages phonétiques.— Études de géographie linguistique. Paris, 1912).
146. Gillieron J. Pathologie et thérapeutique verbales. Paris, 1921.
147. Gillieron J. Ménagiana du XX-e siècle. Paris, 1922.

148. Götzt H. Kontextübersetzung und Vokabelübersetzung in althochdeutschen Glossen.—PBB. Bd LXXXII, Halle, 1961.
149. Götzt D. Studien zu den verdunkelten Komposita in Englischen. Nürnberg, 1971.
150. Götze A. *Kess* und die Abkürzungssprache.—«Muttersprache». Bd 51, 1936.
151. Griffe E. La signification du mot *missa*.—«Bulletin de littérature ecclésiastique». Vol. LXXV. Toulouse, 1974.
152. Güntert H. Über Reimwortbildungen im Arischen und Altgriechischen. Heidelberg, 1914.
153. Gussman E. Recoverable Derivations and Phonological Change.—«Lingua». Vol. 40, 1976.
154. Haarman H. Prinzipielle Probleme des multilateralen Sprachvergleichs. Tübingen, 1977.
155. Handwörterbuch der deutschen Aberglaubens. Leipzig, 1915.
156. Harris R. Synonyms and Linguistic Analysis. Oxford, 1973.
157. Hatzfeld H. Bedeutungsverschiebung durch Formähnlichkeit im Neufranzösischen. München, 1929.
158. Havers W. Enumerative Redeweise.—IF. Bd 45, 1927.
159. Hellqvist E. Svensk etymologisk ordbok. Lund, 1948.
160. Herman L. J. A Dictionary of Slavic Word-Families. New York, 1975.
161. Hildum D. C. Some Linguistic Measurements and Personality. Harvard University, 1960.
162. Hiltbrunner O. Latina Graeca. Semasiologische Studien über lateinische Wörter im Hinblick auf ihr Verhältnis zu griechischen Vorbildern. Bern, 1958.
163. Hines J. N. Person and Word.—«International Philosophical Quarterly». Vol. XIV, 1974, № 3.
164. Höfler O. Über die Vorbestimmtheit sprachlicher Entwicklungen. Wien, 1958.
165. Hoenigswald H. M. Laryngeals and s-Movable.—«Language». Vol. XXVII, 1952, № 2.
166. Hoenigswald H. M. Language Change and Linguistic Reconstruction. Chicago, 1960.
167. Hoenigswald H. M. Relative Chronology. Dordrecht, 1970.
168. Hollander L. M. Prefixal *s* in Germanic. Baltimore, 1905.
169. Holthausen F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1963.
170. Hope F. The Analysis of Semantic Borrowing.—Essays Presented to G. M. Gilderstone. Newcastle-upon-Type, 1960.
171. H. Hörmann et al. Zur psychologischen Problematik sogenannter Altersdialekte.—«Psychologische Rundschau», 27, 1976, № 1.
172. Horn W. Sprachkörper und Sprachfunktion. Berlin, 1923.
173. Horn W. Schwächung und Stärkung des Sprachkörpers.—«Archiv». Bd 187, 1949.
174. Horowitz F. Siever's Law and the Evidence of Rigveda. The Hague—Paris, 1974.
175. Houtzager M. E. Unconscious Sound and Sense Assimilations. Amsterdam, 1935.
176. Hoy A. L. An Etymological Dictionary of the East Yorkshire Dialect. Vol. I—II. Michigan State University, 1952.
177. Hunsberger B. K. Types of Error in Latin Word Knowledge. University of Pennsylvania, 1932.
178. Jordan I. Einführung in die Geschichte und Methoden der romanischen Sprachwissenschaft, Berlin, 1962.
179. Jordan I. Individual and Collective Innovations.—«Revue de linguistique». Vol. VIII, 1963, № 1.
180. Isajiw W. Causation and Functionalism in Sociology. London, 1968.
181. Jacob A. Temps et langage. Paris, 1967.
182. Japp U. Hermeneutik. München, 1977.

- 182a. Jarvis J. Necessity and Meaning. Columbia University, 1958—1959.
183. Jeffers R. J. On the Notion «Explanation» in Historical Linguistics.— Historical linguistics. Vol. II. Ed. by J. Anderson, Ch. Jones. Amsterdam, 1974.
184. Juret A. Les idées et les mots. Paris, 1960.
185. Kade O. Zur linguistischen Explikation zwischensprachlicher Äquivalenzbeziehungen durch semantische Analyse.— «Linguistische Arbeitsberichte». № 14, Leipzig, 1976.
186. Kainz F. Philosophische Etymologie und Historische Semantik. Wien, 1969.
187. Karlgren H. Positional Models and Empty Positions.— Structures and Quanta. Stockholm, 1963.
188. Kaye J. D. Morpheme Structure Constraints Live! — «Recherches linguistiques à Montréal». Vol. 3, 1974.
189. Kelley F. M. The Origin of the Use of *i* as a Sign of Length in Middle Scots. Columbia University, 1957.
190. Key M. R. Male—Female Language. New York, 1975.
191. Klein E. Die verdunkelten Wortzusammensetzungen in Neuenglischen. Königsberg, 1911.
192. Klein E. A. A Comprehensive Etymological Dictionary of the English Language. Vol. I—II. Amsterdam, 1966—1967.
193. Klein W. Variation in der Sprache. Ein Verfahren zu ihrer Beschreibung. München, 1974.
194. Klinck R. Die lateinische Etymologie des Mittelalters. München, 1970.
195. Koen F. M. Semantic Constancy. The Stability of Word Meanings in Relations to Contextual Differences. Vanderbilt University, 1963.
- 195a. Kontinuität—Diskontinuität in den Geisteswissenschaften. Hrsg. von H. Trumpy. Darmstadt, 1973.
196. Koskenniemi I. Repetitive Word-Pairs in Old and Early Middle English. Turku, 1968.
197. Krogmann W. Zur Annahme sprachlicher Homologie.— ZfdWf. Bd XIX, 1963, № 1—2.
198. Kuhberg W. Verschollenes Sprachgut und seine Wiederbelebung in neuhochdeutscher Zeit. Frankfurt-am-Main, 1933.
- 198a. Kuhn Sh. M., Qirk R. Some Recent Interpretations of Old English Digraph Spellings.— «Language». Vol. 29, 1953 (cp. «Language». Vol. 31, 1955, c. 390).
199. Kumaraswami R. N. The so-called «Empty» Units in Linguistic Analysis.— «Indian Linguistics». Vol. 30, № 1—2, Poona, 1970.
200. Labov W. The Social Motivation of Sound Change.— «Word». Vol. 19, 1963.
201. Labov W. Some Principles of Linguistic Methodology.— «Language in Society». Vol. 1, 1972, № 1.
202. Labov W. Sociolinguistic Patterns. Philadelphia, 1972.
203. Labov W. What is a Linguistic Fact? Ghent, 1975.
204. Laferrière M. Analogical Change: Problems from Germanic Dialects. Brown University, 1972.
205. The Lautgesetz-Controversy. A Documentation. Amsterdam, 1976.
206. Le Guern M. Semantique de la métaphore et de métonymie. Paris, 1973.
207. Lass R. Centers of Gravity in Linguistic Evolution.— «Die Sprache». XXIII, 1977, № 1.
- 207a. Leach A. The Letter *H*: Past, Present and Future. London, 1886.
208. Lehrer A. Static and Dynamic Elements in Semantics.— «Papers in Linguistics». Vol. 3, 1970.
- 208a. Lehrer A. Structures of Lexicon and Transfer of Meaning.— «Lingua». Vol. 45, 1978, № 2.
- 208b. Leonard L. A. A Doctrine of Correctness in English Usage. University of Wisconsin, 1931.
209. Leuman M. *Heilen* «castrieren» und *sanare* «heilen».— KZ. Bd 67, 1942.

210. Levin S. R. Negative Contractions with Old English Verbs. University of Pennsylvania, 1956.
211. Lewis D. K. Konventionen. Eine sprachphilosophische Abhandlung. Berlin, 1975.
212. Leydecker Chr. Beziehungen zwischen althochdeutschen und angelsächsischen Glossen. Bonn, 1911.
213. Lindheim B. von. Traces of Colloquial Speech in Old English.— «Anglia». Bd 70, 1951.
214. Lindemann F. O. La loi de Sievers et le debut du mot en indoeuropeen.— «Norsk tidsskrift for sprogvidenskap». Bd XX, 1965.
215. Littmann E. Sprachliche Seltsamkeiten aus Morgenland und Abendland.— ZDMG. Bd 76, 1922.
216. Lloyd G. E. R. Polarity and Analogy. Cambridge, 1966.
217. Lohmann J. Sprache und Zeit.— «Studium generale». Bd VIII, 1955.
- 217a. Lundstrom S. Übersetzungstechnische Untersuchungen auf dem Gebiete der christlichen Latinität. Lund, 1955.
218. Lyons J. Semantics. Vol. I—II. Cambridge, 1977—1978.
219. Malkiel Y. Paradigmatic Resistance to Sound Change.— «Language». Vol. XXXVI, 1960.
220. Malkiel Y. Weak Phonetic Change, Spontaneous Sound Shift, Lexical Contamination.— «Lingua». Vol. XI, 1962; «Archivum linguisticum». Vol. XV, 1963.
221. Malkiel Y. Multiple versus Simple Causation in Linguistic Change.— To Honor Roman Jakobson. Vol. 2. The Hague, 1967.
222. Malkiel Y. Secondary Uses of Letters in Language.— Y. Malkiel. Essays on Linguistic Themes. Oxford, 1968.
223. Malkiel Y. Essays on Linguistic Themes. Oxford, 1968.
224. Malkiel Y. Etymology and Modern Linguistics.— «Lingua». Vol. 36, 1975.
225. Malkiel Y. Multi-Conditioned Sound-Change and the Impact of Morphology on Phonology.— «Language». Vol. 52, 1976, № 4.
226. Marcellesi J. B. Linguistique et groupes sociaux.— «Langue française». Vol. 9, 1971.
227. Martinazzoli F. Hapax legomena. Roma, 1953.
228. Martinet A. Function, Structure and Sound-Change.— «Word». Vol. VIII, 1952.
229. Masters H. V. A Study of Spelling Errors. A Critical Analysis of Spelling Errors Occuring in Words Commonly Used in Writing. University of Iowa, 1927.
230. Maurer F. *Leid*. Studien zur Bedeutungs- und Problemgeschichte. Bern, 1951.
231. Mayer E. Sekundäre Motivation. Köln, 1962.
232. McCartney E. S. Figurative Uses of Animal Names in Latin and their Application to Military Devices. A Study in Semantics. University of Pennsylvania, 1911.
233. Meier H. Die Etymologie des Wortes *bizzar*.— «Archiv», Bd 196 (Jg. 111), Hf. 4.
234. Meritt H. D. Possible Elliptical Compounds in Old English Glosses.— «American Journal of Philology». Vol. 59, 1938, № 2.
235. Meritt H. D. Fact and Lore about Old English Words. Stanford, 1954.
236. Meritt H. D. Some of the Hardest Glosses in Old English. Stanford, 1968.
237. Meyer H. Die Zahlenallegorese im Mittelalter. München, 1975.
238. Meyer R. M. Gibt es Lautwandel?— KZ, Bd XLII, 1908, № 1.
239. Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1968.
240. Meyerstein R. S. Functional Load. The Hague, 1970.
241. Mezger F. Germ. *ges-* «sein; wohnen; schmausen» und lat. *penus, oris* «Mundvorrat, Speise; das Innere des Hauses».— *Melanges de linguistique et de philologie. Fernand Mosse in memoriam*. Paris, 1959.

242. Michiels H. *Über englische Bestandteile altd deutscher Glossenhand-schriften*. Bonn, 1912.
243. Migliorini B. *Profili di parole*. Firenze, 1968.
244. Miller D. G. *Bartholomae's Law and an I.-E. Root Structure Constraint*.— *Studies in Descriptive and Historical Linguistics*. Ed. by P. Hopper. Amsterdam, 1977.
245. Miron P. *Aspekte de lexikalischen Kreativitat im Rumanischen*. Bern, 1977.
246. Misteli F. *Lautgesetz und Analogie*.— *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft*. Bd XI, 1880.
247. Napoli D. J., Nespov M. *Negatives in Comparatives*.— *Language*. Vol. 52, 1976, № 4 (Cp. KZ. Bd XLII, c. 167; IF. Bd XXVIII, c. 236; Bd XXXII, c. 339; *Archiv*. Bd 114, c. 358).
248. *The Nature of Causation*. Ed. by M. Brand. University of Illinois Press, 1976.
249. Neve de Mévergnies F. X. *Le hasard et la necessite en linguistique*.— *La linguistique*. Vol. XII, 1976, № 1.
250. Nilsen D. L. F. *False Cognates in English and Spanish*.— *Studies in Descriptive and Historical Linguistics*. Festschrift for W. P. Lehmann. Amsterdam, 1977.
- 250a. Noldeke Th. *Wörter mit Gegensinn*.— Th. Noldeke. *Neue Beiträge zur semitischen Sprachwissenschaft*. Strassburg, 1910.
251. Ohye S. *On Semantic Transposition*.— *Бунгару кэнкю*. 1976, № 73.
252. Orr J. *De l'etymologie des jurons*.— *Cahiers de l'Association Internationale des études françaises*. Vol. 9, 1957.
253. Orton H., Dieth E. *Survey of English Dialects*. Vol. I—V. Leeds, 1962—1967.
254. Osgood Ch. E., May W. H., Miron M. S. *Cross-Cultural Universals of Affective Meaning*. Urbana—Chicago—London, 1975.
255. Ohmann E. *Über unregelmässige Lautentwicklung*.— *Neuphilologische Mitteilungen*. Bd XLVII, 1948.
256. Peng F. C. *A New Explanation of Language Change: the Sociolinguistic Approach*.— *Forum linguisticum*. 1976, № 1.
257. Penzl H. *The Linguistic Interpretation of Scribal Errors in Old High German Texts*.— *Linguistics*. Vol. 32, 1967.
258. Perry M. F. *Linguistics as Basis of Literary Criticism*. Indiana University, 1964.
259. *Philological Essays. Studies in Old and Middle English Language and Literature in Honor of H. D. Meritt*. The Hague—Paris, 1970.
260. Pisani V. *Kamm und Scham*.— *Antiquitates indogermanicae*. Innsbruck, 1974.
261. Planert W. *Die Syntaktischen Verhältnisse der Suaheli*. Leipzig, 1907.
262. *Positionen der Negativität*. Hrsg. von H. Weinrich. München, 1975.
263. Posner R. *Ordering of Historical Phonetic Rules in Romance*.— *TPhS*. 1975.
264. Pottier B. *La valeur de la datation des mots dans la recherche etymologique*.— *Etymologica*. Festschrift für W. von Wartburg. Tübingen, 1958.
265. Pound G. M. *Phonological Distortion in Spoken Secret Languages. A Consideration of its Nature and Use*. Indiana University, 1964.
- 265a. Powell J. W. *Truth and Error*, Chicago, 1898.
266. Prideaux G. D. *Lexical Restructuring Versus Rule Addition: a Case Study in Dialect Differentiation*.— *Studies in Descriptive and Historical Linguistics*. Festschrift for W. P. Lehmann. Amsterdam, 1977.
267. Puhvel J. *Nature and Means of Comparison in Proto-Indo-European Grammar*.— *Journal of Indo-European Studies*. Vol. 1, 1974.
- 267a. Redslob G. M. *Die arabischen Wörter mit entgegengesetztem Sinn*. [Hamburg, 1865].
268. Reid I. B. *Historical Philology and Linguistic Science*. Oxford, 1960.
269. Rheims M. *Dictionnaire des Mots Sauvages*. Paris, 1969.

- 269a. Ricoeur P. Le conflit des interpretations: essai d'hermeneutique. Paris, 1969.
270. Robinson F. Variation. A Study of the Diction of Beowulf. University of North Carolina. Chapel Hill, 1961.
271. Robinson O. W. A «Scattered Rule» in Swiss German.—«Language» Vol. 52, 1976, № 1.
272. Rosen H. B. Les successivites.—Melanges Marcel Cohen. The Hague -- Paris, 1970.
- 272a. Rosetti A. Doubles ecritures.—BSLP. Vol. XXIX, 1929.
273. Ross A. S. The Errors in the English Gloss to the Lindisfarne Gospels.—«Review of English Studies». Vol. VII, 1932.
274. Ross A. S. Artificial Words in Present-day Estonian.—TPhS. 1938.
275. Ross A. S. Etymology. London, 1958.
276. Rossi-Landi F. Linguistics and Economics. The Hague — Paris, 1975.
277. Ruhberg U. Verfahren und Funktionen des Etymologisierung in der mittelhochdeutschen Literatur.—Verbum et signum. F. Ohly zum 60 Geburtstag. München, 1975.
278. Samuels M. L. The Role of Functional Selection in the History of English.—TPhS. 1966.
279. Samuels M. L. Linguistic Evolution. Cambridge, 1972.
280. Sanders W. Grundzüge und Wandlungen der Etymologie.—«Wirkendes Wort». Bd XVII, 1967, № 6.
281. Schalk F. Das Wort *bizar* in Romanischen.—Etymologica. Festschrift für W. von Wartburg. Tübingen, 1958.
282. Scheffler P. Über die Struktur von Antinomien.—«Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft». Bd 6, 1964.
283. Schilling K. Geschichte der socialen Ideen «Individuum», «Gemeinschaft», «Gesellschaft». Stuttgart, 1957.
284. Schlismann A. Gesetz und Freiheit in der Sprache.—«Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft». Bd 6, 1964.
- 284a. Schmidt L. Über den Gebrauch des Terminus «Wurzel» in der Sprachwissenschaft.—Gedenkschrift für Jost Trier. Hrsg. von H. Beckers und H. Schwarz. Köln — Wien, 1975.
285. Schogt A. G. Semantique synchronique: synonymie, homonymie, polysemie. Toronto, 1976.
286. Schoknecht F. Die Bedeutungsentwicklung der Wortgruppe *vitium*. Rostock, 1930.
287. Schrader O. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde. Hrsg. von A. Nehring. Berlin. Bd I, 1923; Bd II, 1929.
288. Schrijnen J. Etude sur le phenomene de l's-mobile dans les langues classiques et subsidiairement dans les groupes congeneres. Louvain, 1891.
289. Schropfer J. Vergleichendes Wörterbuch der Bezeichnungslehre (Onomasiologie). I. Heidelberg, 1980.
290. Schwartz B. The Root and its Modification in Primitive Indo-European. Baltimore, 1947.
291. Scur G. S. On the Relations among some Categories in Linguistics.—«General Systems». Vol. XI, 1966.
292. Scur G. S. On the Principle of Interaction of Structure and System in Language.—«Annali di Istituto Orientale di Napoli». Vol. 8. Roma, 1967.
293. Sex and Language. Difference and Dominance. Ed. by B. Thorne and N. Henley. Rowley (Mass.), 1975.
294. Seminar: Der Regelbegriff in der praktischen Semantik. Hrsg. von H. J. Heringer. Frankfurt-am-Main, 1974.
295. Silvio Elia. O problema de lingua brasileira. Rio de Janeiro, 1961.
296. Slobin D. I. Antonymic Phonetic Symbolism in the Natural Languages. Michigan University, 1960.
297. Smerud W. B. Can There be a Private Language? The Hague, 1970.
298. Smythe W. E. Elementary Grammar of the Gumbaingar Language. Sydney, 1971.

299. Sonderegger S. Reflexe gesprochener Sprache in der althochdeutschen Literatur.—«Frühmittelalterliche Studien». Bd 5, 1971.
300. Soudek L. Structure of Substandard Words in British and American English. Bratislava, 1967.
301. Speech Errors as Linguistic Evidence. Ed. by V. A. Fromkin. The Hague—Paris, 1973.
302. Sprachwandel. Hrsg. von D. Cherubim. Berlin—New York, 1975.
303. Stanley E. G. The Chronology of *r*-Metathesis in Old English.—«English and Germanic Studies». Vol. 5, 1952—1953.
304. Stross B. Variation and Natural Selection as Factors of Linguistic and Cultural Change. Ghent, 1975.
305. Studies Presented to J. Whatmough. New York, 1956.
306. Sweet H. Diguised Compounds in Old English.—«Anglia». Bd III, 1880.
- 306a. Szadowsky M. Gegensinn in Schweizerdeutschen.—«Teutonista». Bd I, 1924—1925.
307. Tauli V. Introduction to a Theory of Language Planning. Uppsala, 1968.
308. Terracini B. Lingua libera et liberta linguistica. Torino, 1963.
309. Testing Linguistic Hypotheses. Ed. by D. Cohen, J. R. Wirth. New York, 1976.
310. Therive A. Clinique du langage. Paris, 1956.
311. Togeby K. Lois phonétiques et lois sémantiques.—«Acta linguistica». Vol. VIII, 1960, № 1.
312. Torndquist N. Zur Etymologie von *nhd. Ufer*.—«Studia neophilologica». Bd XIII, 1940—1941.
313. Traube L. Nomina Sacra. Leipzig, 1907.
314. Turner R. I. Anticipation of Normal Sound-Changes in Indo-Aryan.—TPhS. 1937.
315. Vendryes J. Pour une étymologie statique.—BSLP. Vol. 49, 1953.
316. Vendryes J. Sur l'étymologie croisée.—BSLP. Vol. 51, 1955.
317. Vries J. de Das *-r*-emphaticum im Germanischen.—Melanges de linguistique et de philologie. F. Mosse in memoriam. Paris, 1959.
318. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1938.
319. Waldorf N. O. The Hapax Legomena in the Old English Vocabulary. Ann Arbor, 1953.
320. Walker D. E. The Notion «Idiolect»: Contrasting Conceptualizations in Linguistics.—«Proceedings of the IX International Congress of Linguists». The Hague, 1964.
321. Wandruszka M. Etymologie und Philosophie.—Etymologica. W. von Wartburg zum siebenzigsten Geburtstag. Tübingen, 1958.
322. Wandruszka M. Sprachen vergleichbar und unvergleichlich. München, 1969.
323. Wandruszka M. Interlinguistik. Umriss einer neuen Sprachwissenschaft. München, 1971.
324. Wang W. S. Competing Changes as a Cause of Residue.—«Language». Vol. 45, 1969.
325. Ward I. C. Tone in West African Languages.—Proceedings of the Third International Congress of Phonetic Sciences. Ghent, 1938.
326. Wechsler E. Gibt es Lautgesetze?—Forschungen zur romanischen Philologie. Festgabe für H. Suchier. Halle-am-Saale, 1900.
327. Wheeler B. The Causes of Uniformity in Phonetic Changes.—«Transactions of the American Philological Association». 1901.
328. Weinreich U. A Retrograde Sound Shift in the Guise of a Survival.—Estructuralismo e historia. Miscelanea homenaje a Andre Martinet. La Laguna, 1958.
329. Weinreich U., Herzog M., Labov W. Empirical Foundations for a Theory of Language Change.—Directions for Historical Linguistics. A Symposium. Ed. by W. P. Lehmann and Y. Malkiel. Austin, 1968.
330. Weinrich H. Linguistik der Lüge. Heidelberg, 1966.
331. Wells F. L. Linguistic Lapses, with Especial Reference to the Perception of Linguistic Sounds. Columbia University, 1906.

332. Wentworth H. Blendwords in English Glossaries Illustrative of Linguistic Growth. Cornell University, 1934.
333. Werner H. Change of Meaning: a Study of Semantic Processes through the Experimental Method.— «Journal of General Psychology». Vol. 50, 1954.
334. Werth P. Accounting for Semantic Change in Current Linguistic Theory.— «Historical Linguistics». Vol. 2, 1974.
- 334a. Wiercinski D. *Minne*. Herkunft und Anwendungsgeschichte eines Wortes. Koln—Graz, 1964.
335. Wilbur T. H. A Study of Magical Vocabulary of Common Germanic. University of Wisconsin, 1954.
336. Williams E. R. The Conflict of Homonyms in English. New Haven, 1944.
337. Williams J. M. Synaesthetic Adjectives: a Possible Law of Semantic Change.— «Language». Vol. 52, 1976, № 2.
338. Winter W. Analogisches Sprachwandel und semantische Struktur.— «Folia Linguistica». Vol. I, 1969.
339. Wood F. Semasiological Possibilities.— «American Journal of Philology». Vol. XIX, 1898; vol. XX, 1899.
340. Wood F. How are Words Related? — IF. Bd XVIII, 1903.
341. Wood F. Rime-Words and Rime-Ideas.— IF. Bd XXIII, 1907—1908.
342. Wolcken F. Entwicklungsstufen des Wortbildung aus Initialen.— «Anglia». Bd 75, 1957.
343. Wrenn C. L. The Value of Spelling as Evidence.— «Transactions of the Philological Society». 1943.
344. Wright E. L. Arbitrariness and Motivation. A New Theory.— «Foundations of Language». Dordrecht — Boston. Vol. 14, 1976, № 4.
345. Wustmann G. Sprachdummheiten. Hrsg. von W. Schulze. Berlin, 1966.
346. Yarrow A. H. Aberrant Forms in Mahabharata. Yale University, 1950.
347. Zimmer K. K. Affixal Negation in English and Other Languages. An Investigation of Restricted Productivity.— Supplement to «Word». Vol. XX. 1964, № 2.
348. Zimmermann H. Zu einer Typologie des spontanen Gesprächs. Bern, 1965.
349. Zinkernagel P. General Rules of Language.— «Theoria». Lund — Copenhagen. Vol. 25, 1959, № 1.

Summary

M. M. Makovskij

SYSTEMATIC AND ASYSTEMATIC PHENOMENA IN LANGUAGE

The main problem which the author tries to solve is whether lexical and semantic changes are always caused by certain linguistic laws, or there are some factors of different nature determining these changes. In other words, the author examines the interaction of constraint and freedom in development of the lexical stock and semantics, the role of continuity and discontinuity and their mutual relations. The textual analysis of most common lexical items of the Germanic languages (e. g. English *dog, bird, lad, lass, big, pig, busy, risk, ill, sick*, German *bunt, Minne, Ekel, Bursche, Kebse, Frau, Weib* etc.) shows that they are ghost-words which came into life as a result of the contamination of Germanic and Vulgar Latin vocables by illiterate mediaeval scribes¹. Thus, the Latin word *doga* 'jar' was equated in the late mediaeval Latin and Latin-Germanic manuscripts with *canistrum* which was often shortened to *canis*. It is this shortened form which was interpreted as semantically equivalent to the Latin gloss *doga* and which accordingly assumed the sense of Latin *canis*. As the word *doga* 'jar' was often equated with Germanic *char* (Old High German), *cear* (Old English) etc., it was also interpreted in the sense of Latin *canis*; hence the origin of the modern English word *cur* (cf. the early word-combination *cur-dogge*). There are many artificial «Buchstabenwörter» in language which are not usually perceived and are erroneously studied by means of phonetic correspondences (e. g. English *ache* is in fact the alphabetic name of the first letter in the Old English *hearm* 'pain', English dialectal and slang *to gee* 'to suit' is the name of the first letter in *to go*, English dialectal *to see* 'to seize' is the name of the first letter in *to catch*, French *de* 'thimble' is the name of the first letter in Latin *digitus*, French *doigt*, etc.). These facts testify that lexical and semantic changes are not always evolutive in nature, but may be caused by casual factors, the action of which may in turn be determined by more or less freedom inherent in the linguistic system. It is not correct, therefore, to use the famous neogrammarian principle «post hoc, ergo propter hoc» for the analysis of all the words and meanings in a language.

¹ In this respect the following remark of a scribe in the Old English Leiden Glosses is very instructive: «Sicut inveni scripsi, ne reputes scriptori».

In view of semantic errors in mediaeval glosses (e. g. Latin explanatory words *id est* introducing Latin glosses *juvenculus* and *matrona* were taken for an independent Old English lexeme meaning «a young man; a woman»: it is interesting to compare, on the one hand, the Vulgar Latin *ides* 'sheep' and, on the other hand, the gloss *veruex.vermis.i.verna*, cited by L. Diefenbach) and the fact that vowels were used as diacritic signs in the manuscripts, etymology based on phonetic correspondences is not always adequate. There are not only «legitimate» phonetic correspondences, but also correspondences of errors in the manuscripts. It is, moreover, necessary to take into account the fact that one and the same word could have quite different variants in the glosses (e. g. *tebellus*, *cebelus*, *sabelus*, *luillus* or *ceix*, *cedex*, *cerex*, *corex*, *ceges*, *ciar*, *cayes*), so that if intermediate links got lost one could easily take each of these variants for an independent word and look for different phonetic correspondences for each of them. As regards form, it is very instructive to take into account the incorporation of the definite article into some French words, so that it became necessary to use a «second» definite article with them (e. g. Latin *hedera*, Old French *l'hierre*, but modern French *la lierre*). It is also interesting to note the frequent reverse readings of words in view of taboo or euphemism: the root represented by Old English *cyfes*, *cebise* (this ghost-word originated as a result of contamination of the Latin lemmas *pellex* and *pellicium* which in Old High German was glossed as *cubisi*, *chupisi*) and modern German *Kebse*, also English *cob* 'seagull' and *cub* 'young dog, wolf or fox' was inverted, producing such words as English *bitch*, *pig*, *big*; the reverse reading of the Vulgar Latin loan-word *boie*, *boge* 'fetters' (which gave rise to modern English *boy*) produced the common English word *job* (cf. Late Middle-English *iobb of werk* and the modern slang words *bogh* 'to get, hold, make work', *bog* 'to work hard at a manual job', *job* 'a girl').

The examples cited above leave no doubt that formal and semantic changes of words, their introduction into a language or degeneration is in many cases by no means determined by inner causes or laws. It is therefore very important for semasiological and etymological studies to take into account not only phonetic and semantic correspondences, but also phonetic and semantic divergencies and non-correspondences. The fact is that freedom and constraint form a dialectical entity (antinomy) which determines the existence of different links of the language mechanism and the functional equilibrium of language as a whole.

By functional freedom we mean not only the freedom of a certain linguistic phenomenon, process or item (meaning or word) to be operative in language, but also their freedom not to develop or be manifest in language (cf. the lexical and semantic vari-

ants), or their freedom to appear in any number of forms (independently of what form really appears as operative) and in any order. On the other hand, necessity or functional constraint of linguistic items presupposes their dependence on other phenomena and is determined by the presence (or absence) of certain elements or processes which possess (or do not possess) certain features, order of appearance, combinability and relations.

Asystematic phenomena in language may be caused not only by errors (both psychological and scribal), but by idiolectal (individual) perception of language by members of a linguistic community. This is manifest not only in the form of certain words (cf. the use of *n* instead of *m* in *zenith* while in *azimuth* the letter *m* is rightly preserved), but also in semantic changes (especially synaesthetic and metaphorical) which are usually not noticed by the speakers and may be infinitely repeated, the metaphorical forms being regarded in synchrony as non-metaphorical and neutral. For example, the German word *Laune* is derived from Latin *luna* (which is itself a metaphor), the French word *caprice* is a metaphor of Latin *capra* (cf. French argot *chevre* 'indignation'). The so-called faux amis du traducteur are also caused, in Kindered languages, by idiolectal factors (a list of these words in the Slavic languages is given in the monograph). The *s*-movable is in many Indo-European languages a phenomenon which can both disturb and restore the symmetry of a linguistic system (a list of Swiss German examples of movable formants is appended to the work). The equilibrium of a linguistic system can also be disturbed by euphemisms (idiolectal in nature) and enantiosemy (a list of polar semantic forms in Arabic and in Indo-European languages is given). The most asystematic factors in the development of language are of sociolinguistic nature. The author formulates some sociolinguistic universals (that is, «laws of irregularity») and also works out an original methodology for reconstructing the social dialects of antiquity. A chapter treating some general ways of semantic development (semantic integration, semantic desintegration, semantic assimilation and dissimilation) is appended. One of the semantic regularities formulated in the monograph reads: «The number of components of the semantic cycle which are not manifest in language is in direct relation to the number of lexemes in which some of these semantic components are manifest and in inverse relation to the number of components of the semantic spectre manifest in these lexemes». Linguistic regularities, the author stresses, may be adequately understood if we take into account the role of irregularities in their development and also investigate the effect of regularities on possible irregularities in a language.

A bibliography containing 368 items is given at the end of the monograph.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Общая характеристика лексико-семантических систем	13
<i>Глава II.</i> Асистемность, обусловленная ошибками (антиномия свободы и необходимости)	53
<i>Глава III.</i> Асистемность, обусловленная идиолектными причинами (антиномия индивидуального и социального)	124
<i>Глава IV.</i> Константные явления в асистемных языковых средах (универсалии в социолингвистике)	163
Заключение	185
Список сокращений	190
Литература	195
Summary	207

Марк Михайлович Маковский

СИСТЕМНОСТЬ
И АСИСТЕМНОСТЬ В ЯЗЫКЕ

Опыт исследования антимоний
в лексике и семантике

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редакторы *Е. А. Поцелуевский,*
В. Д. Подберезская
Младший редактор *Д. Ш. Хесина*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технический редактор *В. П. Стуковнина*
Корректоры *Р. Ш. Чемерис* и *К. Н. Драгунова*
ИБ № 14047

Сдано в набор 01.08.79. Подписано к печати 03.06.80
А-01824. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 13,25. Уч.-изд. л. 14,88. Тираж 2000 экз.
Изд. № 4402. Тип. зак. 532. Цена 1 р. 90 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1
3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28